

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи



Грекова Марина Владимировна

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ
ОБЩЕЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ
В «СЛОВАРЕ РУССКОЙ ПИЩЕВОЙ МЕТАФОРЫ»

10.02.01 – Русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
Юрина Елена Андреевна

Томск – 2017

Оглавление

| | |
|---|----|
| Введение | 5 |
| 1 Принципы и способы лексикографического описания образных средств языка | 17 |
| 1.1 Образные средства языка как объект фигуративной лексикографии | 17 |
| 1.1.1 Изучение языковой и художественной образности в современной русистике | 18 |
| 1.1.2 Единицы общезыковой образной системы | 26 |
| 1.1.3 Образное лексико-фразеологическое поле как элемент образной системы языка | 32 |
| 1.2 Фигуративная лексикография как актуальное направление современной русистики | 37 |
| 1.2.1 Этапы и приемы лексикографического метода | 37 |
| 1.2.2 Объем и границы фигуративной лексикографии | 44 |
| 1.2.3 Корпус словарей фигуративной лексикографии | 46 |
| 1.3 Способы и приемы лексикографической параметризации фрагментов образной системы в словарях различного типа | 59 |
| 1.4 Принципы фигуративной лексикографии | 72 |
| Выводы по главе 1 | 80 |
| 2 Реализация принципов фигуративной лексикографии на уровне макроструктуры и словника «Словаря русской пищевой метафоры» | 82 |
| 2.1 Принципы формирования словника | 82 |
| 2.1.1 Критерии отбора языковых единиц | 82 |
| 2.1.2 Критерии дифференциации семантических вариантов в структуре многозначных образных слов и выражений | 91 |
| 2.2 Принципы организации макроструктуры «Словаря русской пищевой метафоры» | 97 |

| | |
|--|-----|
| 2.2.1 Два способа расположения словарного материала по идеографическому принципу | 97 |
| 2.2.2 Гнездовой принцип организации макроструктуры «Словаря русской пищевой метафоры» (1–3 тома) как отражение системы гастрономических образов..... | 101 |
| 2.2.2.1 Синоптическая схема гнездового словаря..... | 101 |
| 2.2.2.2 Структура лексико-фразеологического гнезда..... | 107 |
| 2.2.2.3 Описание макроструктуры словаря | 112 |
| 2.2.3 Макроструктура четвертого тома «Мир в зеркале пищевой метафоры. Идеографический словарь» | 132 |
| 2.2.3.1 Синоптическая схема идеографического словаря | 132 |
| 2.2.3.2 Расположение материала в пределах образного ряда | 134 |
| 2.2.3.3 Описание макроструктуры четвертого тома «Словаря русской пищевой метафоры», построенного по идеографическому принципу | 138 |
| Выводы по главе 2 | 152 |
| 3 Реализация принципов фигуративной лексикографии на уровне микроструктуры словаря..... | 154 |
| 3.1 Структура словарной статьи отдельной толкуемой единицы..... | 154 |
| 3.2 Презентация различных аспектов семантики образного слова в «Словаре русской пищевой метафоры» | 160 |
| 3.2.1 Предметно-понятийная семантика образного слова: характер изъяснения лексического значения..... | 160 |
| 3.2.2 Эмоционально-экспрессивные коннотации | 167 |
| 3.3 Система помет как способ дополнительной семантизации образных средств языка | 170 |
| 3.4 Зона иллюстраций | 178 |
| 3.5 Интерпретационная зона | 181 |
| 3.5.1 Культурная коннотация и способы ее изъяснения | 181 |

| | |
|---|-----|
| 3.5.2 Структура лингвокультурологического комментария в «Словаре русской пищевой метафоры» | 183 |
| 3.5.3 Словарное изъяснение типовых образных представлений | 195 |
| 3.6 Информационное сопровождение (навигация по словарю) | 205 |
| Выводы по главе 3 | 207 |
| Заключение..... | 210 |
| Список сокращений | 214 |
| Список использованных источников и литературы..... | 215 |
| Приложение А. Корпус словарей фигуративной лексикографии..... | 238 |
| Приложение Б. Фрагмент четвертого тома «Словаря русской пищевой метафоры» «Мир в зеркале пищевой метафоры. Идеографический словарь» | 251 |

Введение

Диссертационная работа посвящена исследованию способов и приемов лексикографической параметризации образных лексических и фразеологических единиц русского языка. Дается обоснование концепции словарного описания вторичных образных номинаций с мотивирующей кулинарной семантикой в «Словаре русской пищевой метафоры»¹.

Актуальность исследования обусловлена антропоцентрическим характером современной лингвистической парадигмы, в контексте которой образные слова и выражения рассматриваются как знаки языка и культуры, транслирующие типовые представления, свойственные определенному лингвокультурному сообществу. Данный подход к изучению вторичных образных номинаций реализуется в рамках функционально-семантических и когнитивно-дискурсивных исследований, посвященных анализу образной и экспрессивной лексики, фразеологии и паремиологии (Н.Ф. Алефиренко, А.Н. Баранов, О.И. Блинова, Д.О. Добровольский, Н.А. Илюхина, М.Л. Ковшова, Н.А. Лукьянова, В.М. Мокиенко, Г.Н. Скляревская, В.Н. Телия, Е.А. Юрина и др.), когнитивных метафорических моделей и образных фрагментов языковой картины мира (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, Н.А. Мишанкина, З.И. Резанова, А.П. Чудинов и др.), кодов культуры и их лексико-фразеологических репрезентантов (Д.Б. Гудков, В.В. Красных, М.Л. Ковшова, В.Н. Телия, Г.В. Токарев, Л.А. Шестак и др.).

Актуальным направлением теоретической и практической лексикографии является описание языковых единиц с метафорической семантикой, транслирующих образную картину мира нации. За последние 20 лет было издано более 80 словарей, объектом описания в которых являются собственно образные слова [Блинова, 2007], поэтические образы [Туралина, 1997; Павлович, 1999;

¹ Словарь русской пищевой метафоры / сост. А. В. Боровкова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина; под ред. Е. А. Юриной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – Т. 1: Блюда и продукты питания. – 428 с.

Иванова, 2004 и др.], дискурсивные и языковые метафоры [Баранов, 1994], фразеологизмы [Мокиенко, 1997; Телия, 2006; Алефиренко, 2008; Баранов, 2009; Жуков, 2015 и др.], устойчивые сравнения [Огольцев, 2001; Лебедева, 2003; Мокиенко, 2008 и др.], пословицы и поговорки [Жуков, 2000; Зимин, 2006, 2008; Никитина, 2008; Мокиенко, 2010 и др.], крылатые слова [Шулежкова, 1993, 1994; Елистратов, 1999; Берков, 2000; Грушко, 2000; Мокиенко, 1999, 2005 и др.].

Лексикографический формат описания образных средств языка базируется на результатах теоретических исследований в области современной метафорологии, лексикологии, фразеологии и когнитивной семантики. Он позволяет систематизировать языковой материал и представить различные аспекты его семантики и речевого функционирования.

Объектом словарного описания выступают образные языковые единицы определенного структурно-семантического типа (образные слова, фразеологизмы, сравнения, пословицы, поговорки, крылатые слова). Ряд словарей описывает образные средства языка разных структурно-семантических типов в их единстве на материале диалектной речи [Словарь образных слов и выражений народного говора, 2001; Словарь псковских пословиц и поговорок, 2001; Словарь образных единиц сибирского говора, 2014 и др.], поэтического языка [Павлович, 1999; Кожевникова, 2000, 2010, 2015; Иванова, 2004; Васильев, 2011 и др.]. В некоторых словарях осуществляется концептоориентированное лексикографическое описание, при котором образные средства языка отбираются в словарь и группируются по принципу отражения определенных концептуальных областей, получивших метафорическое выражение в языке [Баранов, 1994; Павлович, 1999; Козлова, 2001; Кожевникова, 2000, 2010, 2015 и др.].

Таким образом, лексикографирование единиц общеязыковой образной системы составляет актуальное направление современной теоретической и практической лексикографии, которое Е.А. Юрина обозначает термином «фигуративная лексикография» [Словарь русской пищевой метафоры, 2015, с. 3]. Актуальность выделения фигуративной лексикографии в особое направление

подтверждается значительным количественным составом словарей, описывающих образный фонд русского языка и русской речи; их типологическим и содержательным разнообразием; широким охватом лексикографируемого языкового и дискурсивного материала; глубиной семантического и культурологического анализа при изъяснении значений языковых единиц. При этом ряд проблем фигуративной лексикографии, связанных с организацией макро- и микроструктуры словаря, способами и приемами комплексного словарного описания образного фонда русского языка, требует дальнейшего осмысления и решения.

Актуальность словарного описания образных средств языка, репрезентирующих пищевую метафору, обусловлена высокой продуктивностью данной метафорической модели в русском языке и частотностью её дискурсивной реализации; а также связана с активным исследованием вербализации пищевого кода русской культуры в структурно-семантическом, лингвокультурологическом и когнитивном аспектах (А.В. Балдова, Е.В. Капелюшник, М.Л. Ковшова, Е.А. Юрина и др.).

Первый опыт лексикографической презентации образных слов и выражений с мотивирующей кулинарной семантикой представлен в «Словаре русской пищевой метафоры», эмпирическая база которого составляет 3550 лексических и фразеологических единиц и более 20 000 контекстов. Идея его создания и концепция словаря принадлежит Е.А. Юриной. Материал собирался научным коллективом в составе А.В. Балдовой (Боровковой), М.В. Грековой, Н.А. Живаго, Н.С. Зинченко, Е.В. Капелюшник, Е.А. Шериной, Е.А. Юриной. Концепция словаря освещалась в серии статей [Юрина, 2011, 2012, 2013; Юрина, Балдова (Боровкова), 2014, 2015; Юрина, Грекова, 2014; Живаго, 2015; Грекова, 2015аб, 2017;], а также в предисловиях к изданным первому и второму томам «Словаря русской пищевой метафоры» [Т.1, 2015; Т.2, 2016]. Первый том «Словаря русской пищевой метафоры» с подзаголовком «Блюда и продукты питания» опубликован в 2015 году второй том с подзаголовком «Гастрономическая деятельность» вышел в

свет в 2016 году; третий том – «Субъект, объект, инструменты гастрономической деятельности» готовится к печати; четвертый том «Мир в зеркале пищевой метафоры. Идеографический словарь» находится на стадии разработки. Четырехтомному изданию «Словаря русской пищевой метафоры» предшествовала публикация его сокращенной версии «Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов» в 2014 году, в которую вошли образные слова и выражения, мотивированные наименованиями продуктов и блюд традиционной русской кухни [Русская пищевая традиция ..., 2014].

Личный вклад автора диссертации в работу над словарем состоит в следующем: для первого тома были составлены 175 словарных статей и 105 лингвокультурологических комментариев; ко второму тому было составлено 9 лингвокультурологических комментариев; для третьего тома были составлены 283 словарные статьи и 8 лингвокультурологических комментариев. При работе над четвертым томом «Мир в зеркале пищевой метафоры. Идеографический словарь» осуществлено моделирование макроструктуры, распределен словарный материал с исходной признаковой семантикой по разделам и рубрикам словаря, обновлена контекстная база.

Степень разработанности темы исследования. Проблема лексикографической параметризации образной системы языка в теоретическом отношении ранее не разрабатывалась. Наблюдается определенный «разрыв» между словарной практикой и научным осмыслением методов, принципов, способов и приёмов лексикографирования образных средств языка. Необходимость теоретического осмысления и научного обоснования принципов построения «Словаря русской пищевой метафоры» в контексте актуальных проблем современной лексикографии обусловлена отсутствием монографических работ, посвященных проблеме лексикографирования образных средств языка. Данная диссертация восполняет имеющийся пробел и обобщает накопленный эмпирический опыт.

Объектом диссертационного исследования являются образные лексические и фразеологические единицы русского языка в их лексикографической репрезентации.

Предметом исследования являются принципы, способы и приемы лексикографической параметризации образных средств языка в концептоориентированных словарях лингвокультурологического типа, а также реализация этих принципов в «Словаре русской пищевой метафоры».

Цель работы – исследовать способы и приемы лексикографического описания образной лексики и фразеологии, позволяющие реконструировать фрагмент языковой и концептуальной образной системы и представить его на уровне макро- и микроструктуры словаря.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Определить корпус словарей, описывающих образные средства русского языка, и проанализировать особенности построения их макро- и микроструктуры, способы и приемы репрезентации толкуемых единиц, обусловленные целями лексикографирования.

2. Обобщить имеющийся в современной лексикографической практике опыт создания словарей образных средств языка на уровне основополагающих принципов и подходов к описанию.

3. Представить теоретическое обоснование способов построения тематических рубрик и систематизации языкового материала на уровне макроструктуры «Словаря русской пищевой метафоры» с точки зрения принципов фигуративной лексикографии.

4. Представить теоретическое обоснование способов построения структуры словарной статьи и дефиниции, системы помет и комментариев на уровне микроструктуры «Словаря русской пищевой метафоры».

5. Разработать и обосновать модель идеографического словаря «Мир в зеркале пищевой метафоры».

Материал исследования составляют образные слова и выражения, получившие лексикографическую интерпретацию в различных словарях, а также сами словари, демонстрирующие способы и приемы лексикографической параметризации образной системы. Весь изученный материал представлен двумя группами языковых единиц и их источников. Во-первых, это образные лексические и фразеологические единицы русского языка, мотивированные наименованиями явлений гастрономической сферы, а также текстовые фрагменты, иллюстрирующие их речевую реализацию. Основным источником материала послужил словник (3500 лексических и фразеологических единиц) и корпус контекстов, собранных в ходе работы над «Словарем русской пищевой метафоры», в число составителей которого входит автор данного диссертационного исследования. Источником текстовых фрагментов является база Национального корпуса русского языка (www.ruscorgo.ru). Анализировались тексты, относящиеся к художественному, публицистическому, научно-популярному и разговорному дискурсам, опубликованные в период с 1950-го года по настоящее время.

Во-вторых, материал представлен обширным списком из 131 словаря образной лексики, фразеологии, устойчивых образных выражений различной структуры (образных сравнений, пословиц, поговорок, крылатых слов). В их числе «Словарь русских политических метафор» А.Н. Баранова, Ю.Н. Караулова (1994); «Фразеологический словарь русского литературного языка» в 2-х томах под ред. А.И. Федорова (1997); «Словарь поэтических образов» в 2-х томах Н.В. Павлович (1999); «Словарь русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова (2000); «Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический)» В.М. Огольцева (2001); «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» в 2-х томах под ред. А.Н. Тихонова (2004); «Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.)» Н.Н. Ивановой, О.Е. Ивановой (2004); словарь «Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь» Д.Б. Гудкова,

В.В. Красных и др. (2004); словарь «Телесный код русской культуры: материалы к словарю» Д.Б. Гудкова, М.Л. Ковшовой (2007); «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» В.И. Зимина (2008); «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под ред. В.Н. Телия (2009); «Словарь фразеологических синонимов русского языка» под ред. В.М. Мокиенко (2009); «Фразеологический объяснительный словарь русского языка» под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского (2009); «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии)» под ред. Л.Г. Бабенко (2010). Полный список представлен в приложении А «Корпус словарей фигуративной лексикографии».

Методы и приемы исследования. Основными методами исследования являются метод научного описания и лексикографический метод. Научное описание включает приемы сбора словарного материала, непосредственного наблюдения, анализа и обобщающего синтеза, классификации, систематизации, количественных подсчетов. Лексикографический метод заключается в создании концепции словаря, формировании картотеки, разработке макро- и микроструктуры словаря, составлении словарных статей. С целью реконструкции фрагмента языковой картины мира, выявления оснований метафорического уподобления и типовых образных представлений, транслируемых языковыми средствами, были использованы методы метафорического моделирования, концептуального анализа и интроспекции.

Для составления словника, словарных статей, создания дефиниций проводился анализ семантики и функционирования образных средств языка с опорой на лингвистические методы компонентного, мотивационного и контекстного анализа с целью экспликации образного основания вторичных иносказательных номинаций, выявления семной структуры, денотативной отнесенности и различных коннотаций. При составлении лингвокультурологических комментариев был использован метод

культурологической интерпретации коннотативного содержания вторичных образных номинаций.

Научная новизна исследования определяется анализом и дальнейшей разработкой способов и приемов концептоориентированного лексикографического представления лексики и фразеологии с метафорической семантикой как фрагмента образной системы языка. Впервые проанализирован и обобщен опыт составления словарей, описывающих образные слова и выражения русского языка; выделено особое направление отечественной лексикографии – фигуративная лексикография. Впервые выявляются и формулируются принципы фигуративной лексикографии; характеризуются основополагающие способы и приемы словарного описания образной лексики и фразеологии. Анализируется реализация принципов фигуративной лексикографии в «Словаре русской пищевой метафоры».

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в теорию словарного описания образного строя русского языка. Результаты диссертационной работы также значимы для дальнейших исследований в области теории лексикографии, языковой образности, лингвокультурологии, лексической и когнитивной семантики, фразеологии.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при составлении словарей образной лексики и фразеологии. Материалы диссертации могут применяться в учебно-методической работе при разработке курсов по лексикологии, фразеологии, лексикографии, стилистике, спецкурсов по фигуративной лексикографии и в преподавании русского языка как иностранного.

Апробация представленной работы проходила в форме обсуждений на кафедре русского языка в рамках аспирантского семинара (2015 г. и 2016 г.), а также на 7 международных и 2 всероссийских научных и научно-практических конференциях, проводимых в российских государственных университетах: XIV Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых

«Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения», (Томск, 04–06 апреля 2013 г.); XIII Всероссийская научно-практическая конференция «Язык и мировая культура: взгляд молодых исследователей», (Томск, 24–28 апреля 2013 г.); XII Международная научно-практическая конференция «Лингвистические и культурологические традиции и инновации», (Томск, 13–17 ноября 2013 г.); I (XV) Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения», (Томск, 03–05 апреля 2014 г.); XLIV «Международная филологическая конференция», (Санкт-Петербург, 10–15 марта 2015 г.); II (XVI) Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения», (Томск, 09–11 апреля 2015 г.); Международный молодежный научный форум «Ломоносов» (Москва, 13–17 апреля 2015 г.); III (XVII) Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения», (Томск, 18–23 апреля, 2016 г.); XXII международная научная конференция «Пушкинские чтения–2017», (Пушкин, 06–07 июня 2017 г.).

Публикации по теме исследования. По материалам диссертации опубликовано 15 работ, в том числе 3 статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (из них 2 статьи в российских научных журналах, индексируемых Web of Science), 9 статей в сборниках материалов международных и всероссийских научных и научно-практических конференций, 3 словаря (совместно с коллективом авторов). Общий объем публикаций – 78,61 п.л., авторский вклад – 23 п.л. В опубликованных работах достаточно полно изложены материалы диссертации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Фигуративная лексикография – это особое направление в теории и практике словарного дела, которое связано с изучением и составлением словарей,

описывающих образные слова и выражения. Корпус словарей фигуративной лексикографии включает фразеологические словари, словари метафор и образной лексики, образных сравнений, перифраз, крылатых слов, пословиц и поговорок, поэтическую и лингвокультурологическую лексикографию, описывающую образное воплощение концептов и культурных кодов в языке.

2. Концептоориентированные словари образных слов и выражений составляются в соответствии с принципами фигуративной лексикографии: 1) словарная презентация вторичных образных значений, 2) целостность и системность описания фрагмента образного строя русского языка, 3) экспликация мотивирующего компонента образной единицы, 4) экспликация закрепленных за образными словами и выражениями экспрессивных и эмотивных коннотаций, 5) отражение культурного содержания, 6) ориентация на функционирование образных средств языка в речи, учет речевого узуса, 7) концептуальная организация макроструктуры словаря.

3. Лексикографическое отражение фрагмента образной системы языка в его концептуальной и структурно-семантической целостности предполагает особую организацию макроструктуры словаря, а именно: отказ от алфавитного расположения словарного материала в пользу гнездового и идеографического. При гнездовом построении словника макроструктура включает разделы, соответствующие общей сфере-источнику («Блюда и продукты питания», «Гастрономическая деятельность», «Качества и свойства пищи» и др.) и рубрики («Мучные и крупяные изделия», «Тепловая обработка пищи», «Поглощение пищи», «Посуда» и др.), внутри которых образные слова и выражения систематизируются по лексико-фразеологическим гнездам. При идеографическом построении словника макроструктура включает разделы, соответствующие общей сфере-мишени («Человек», «Социум», «Натурфакты», «Артефакты» и др.) и рубрики, внутри которых образные слова и выражения объединяются в образные ряды наименований однотипных категориальных классов явлений («Внешность человека», «Материальные ценности», «Межличностные отношения» и др.).

4. При выделении метафорических значений толкуемых единиц учитывается частотность употребления данного значения в контекстах и область денотативной отнесенности образной номинации по принципу «один лексико-семантический вариант реализует одну метафорическую модель». Разграничиваются семантические варианты, которые реализуют метафорические переносы в разные понятийные сферы. Словарная дефиниция представляет собой развернутое описательное толкование, которое содержит указание на область денотативной отнесенности (семантический конкретизатор), а также элементы, эксплицирующие эмоционально-оценочные коннотации и экспрессивность.

5. Свойства объекта словарного описания в рамках фигуративной лексикографии (метафорическая внутренняя форма, двуплановая семантика, высокий прагматический потенциал, культурная маркированность языковой единицы) предопределяют особенности в организации микроструктуры словаря. Словарная статья расширяется за счет включения помимо традиционных зон (заглавное слово, толкование, пометы, контекстные иллюстрации) интерпретационной части, в которую входят комментарии лингвистического и энциклопедического характера (лингвокультурологический комментарий, формулировки типовых образных представлений).

Степень достоверности результатов. Достоверность результатов исследования обеспечивается значительным объемом собранного и проанализированного языкового, текстового и словарного материала, а также использованием комплекса научных методов и приемов. Методологической базой работы стали классические и современные труды в области метафорического миромоделирования, теории лексической и художественной образности, теории метафорического поля, отечественной теории лексикографии, теории лексикографической параметризации образных средств русского языка.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы, двух приложений.

В первой главе «Принципы и способы лексикографического описания образных средств языка» описана теоретико-методологическая база исследования образной лексики и фразеологии как объекта лексикографии. Представлены принципы лексикографической параметризации единиц образного строя русского языка на основании анализа словарей, изданных в период с конца XIX века по настоящее время.

Во второй главе «Реализация принципов фигуративной лексикографии на уровне макроструктуры и словника “Словаря русской пищевой метафоры”» проанализированы критерии отбора образных языковых единиц и способы их лексикографической презентации на уровне макроструктуры томов (1–3), построенных по гнездовому принципу, и четвертого тома «Мир в зеркале пищевой метафоры. Идеографический словарь».

В третьей главе «Реализация принципов фигуративной лексикографии на уровне микроструктуры словаря» описана структура словарной статьи, правила толкования семантики, принципы контекстных иллюстраций образных средств языка с мотивирующей кулинарной семантикой; правила расстановки помет, аспекты лингвокультурологической интерпретации толкуемых единиц.

Приложение А. «Корпус словарей фигуративной лексикографии» включает список словарей образных слов и выражений русского языка.

В приложении Б. «Фрагмент четвертого тома “Словаря русской пищевой метафоры” “Мир в зеркале пищевой метафоры. Идеографический словарь”» представлена развернутая модель идеографического словаря пищевой метафоры с полным лексикографическим представлением толкуемых единиц.

1 Принципы и способы лексикографического описания образных средств языка

1.1 Образные средства языка как объект фигуративной лексикографии

Словари, объединенные общим объектом описания, в качестве которого выступают вторичные образные номинации, различаются по целям, задачам и структурно-семантическому типу описываемых образных единиц. При этом прослеживается общая тенденция в принципах и подходах к словарному описанию образных средств языка. Она проявляется в отходе от алфавитной подачи материала в направлении к его смысловой рубрикации, отражающей структурно-семантические связи языковых единиц, что обуславливает разработку особой концепции макроструктуры словаря. Осуществляется подробная семантизация толкуемых единиц с учётом лингвистических и экстралингвистических факторов. Это позволяет говорить о формировании традиции словарного описания фрагментов образного строя русского языка, которая зиждется на принципах лексикографирования вторичных образных номинаций.

Создание словарей, описывающих единицы и концептуальные фрагменты общезыковой образной системы, составляет особое направление русистики, которое Е.А. Юрина обозначает термином «фигуративная лексикография» [Словарь русской пищевой метафоры, 2015, с. 3]. Определение «фигуративная» является синонимом термину «образная» и восходит к английским «figurativeness» ‘образность’ и «figurative language» ‘образный язык’ (Raymond W. Gibbs, Sam Glucksberg, Albert N. Katz, Mark Turner, Д.О. Добровольский и др.). Данный термин также коррелирует с таким понятием, как «фигура речи» ‘иносказательное выражение, использующее слова в переносных значениях и несущее экспрессивный стилистический эффект’ [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 542].

Фигуративная лексикография – это особое направление в теории и практике словарного дела, которое связано с составлением и изучением словарей, лексикографирующих единицы и концептуальные фрагменты образного строя языка. Объектом фигуративной лексикографии являются разнообразные по целям и структуре словари, объединенные образным характером единиц описания, которые обладают метафорической внутренней формой и реализуют иносказательный (фигуральный) способ представления мысли или идеи. К числу таких лексикографических трудов можно отнести словари образных слов и выражений: фразеологизмов, пословиц, поговорок, крылатых слов, перифраз, поэтических образов, дискурсивных метафор, а также лингвокультурологические и лингвострановедческие словари, описывающие вторичные образные номинации.

1.1.1 Изучение языковой и художественной образности в современной русистике

Словарное описание образных средств языка активно осуществляется со второй половины XX века, в то время как история исследования образности началась несколько тысячелетий назад с изучения метафоры. Начало было положено такими античными учеными и философами, как Аристотель, Платон, Гераклит, в трудах, посвященных описанию риторики, поскольку образность была обязательной составляющей ораторской речи.

Аристотель одним из первых предложил классификацию метафор, включающую четыре типа образных единиц: «перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [Аристотель, 2000, с. 54]. С точки зрения современной русистики, к метафоре можно отнести только четвертый тип. Остальные виды переносов соответствуют семантическому стяжению (из рода в вид), синекдохе (из вида в род), метонимии (из вида в вид) [Склярская, 2004, с. 8]. По мнению Аристотеля, метафора необходима как для поэтической, так и для прозаической речи. Она обладает

«ясностью, приятностью и прелестью новизны, и перенять её от другого нельзя» [Античные теории языка и стиля, 1996, с. 188]. Перед античным ученым стояли проблемы поэтики и риторики, поэтому метафора рассматривается им не как единица языка, а как индивидуальная и неповторимая фигура речи, умелое пользование которой демонстрирует талант оратора.

Идеи, заложенные Аристотелем, получили развитие в учениях Цицерона, Квинтилиана, Деметрия и др. Цицерон подчеркивал, что метафорическими являются такие слова, «которые ввиду сходства переносятся с одного предмета на другой», перенос обязан «переходить с достаточным основанием на сходный предмет» [Античные теории языка и стиля, 1996, с. 229, с. 231]. Деметрий рассматривал метафору как единицу языка, говоря, что «обиходная речь создала такие хорошие метафоры для некоторых понятий, что мы уже не нуждаемся для них в точных выражениях: такая метафора утвердилась в языке, заняв место буквального обозначения» [Там же, с. 233].

Метафора, метонимия, сравнение, эпитет рассматривались в античной науке как фигуры речи. Учение об этих тропах, правилах их употребления, особенностях стилей составляли основу риторики, которая в Средневековье подчинялась интересам церкви, в Новое время – литературе (теория трёх стилей). Риторика была востребована в поэзии, так как образность выделяли только в художественной речи.

Начиная с XIX века риторика как дисциплина, изучающая фигуры речи, критерии отбора языковых единиц и способа их организации в единое целое, постепенно становится частью стилистики – «раздела языкознания, имеющего основным предметом стиль во всех языковедческих значениях этого термина – как индивидуальную манеру исполнения речевых актов, как функциональный стиль речи, как стиль языка» [ЛЭС, 1990, с. 492].

Лингвистическая стилистика начинается с работ Ш. Балли «Французская стилистика» (1909 г., русский перевод – 1961 г.). Именно Ш. Балли впервые высказал мысль о том, что образность является частью как художественной, так и

разговорной, публицистической и других типов речи, выражая эмоции и субъективное отношение говорящего к явлениям действительности. Также ученым были рассмотрены способы выражения в языке аффективных (связанных с выражением эмоций) категорий, дана одна из первых классификаций образных фразеологических единиц; положено начало исследованию образности в лексико-семантическом аспекте [Балли, 2009, с. 29, с. 33].

В отечественной лингвистике первым о лексической образности заговорил А.А. Потебня («Мысль и язык» – первая публикация в 1862 г., «Из записок по теории словесности» – первая публикация в 1905 г., «Психология поэтического и прозаического мышления» – первая публикация по студенческим лекциям в 1910 г.). Он считал, что образы выражают не только целые высказывания, но и отдельные лексические единицы. Все слова А.А. Потебня разделял на образные и безобразные. Первые имеют живую внутреннюю форму, последние – забытое представление, то есть все слова, по мнению А.А. Потебни, имеют образ, но одни «ощущаются как таковые, а другие – нет» [Потебня, 2003, с. 11]. Внутренняя форма слова (далее – ВФ) понималась им как «отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [Потебня, 1976, с. 115]. ВФ отражает логику названия объектов внеязыковой действительности. А.А. Потебня выделял не только художественную, но и общеязыковую образность. «В художественном произведении образ, представление, внутренняя форма выступают на первый план и через него познается значение, мысль, идея», слово становится эмоционально и содержательно емким, многозначным [Там же, с. 15, 16]. Идеи А.А. Потебни об образности и внутренней форме слова положили начало структурно-семантическому направлению в изучении языковой (лексической и фразеологической) образности в отечественной лингвистике.

Выдающийся советский ученый В.В. Виноградов выделил фразеологию в особый раздел языкознания, классифицировал фразеологические единицы русского языка на основе степени их неразложимости и устойчивости

(фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания) и определил образное значение как один из существенных признаков фразеологизмов: «переносное, образное значение создает неразложимость фразового сочетания, причем эта переносность, целостность, образность не всегда бывает прозрачной, ясной, иногда она лишь ощутима и скорее постулируется, предчувствуется, чем непосредственно воспринимается и понимается» [Виноградов, 1977, с. 133]. Образность рассматривалась им в рамках литературоведения и стилистики как свойство художественного текста. В.В. Виноградовым было положено начало системному изучению образных фразеологических единиц (50–60-е гг. XX вв.), которое продолжили Н.Н. Амосова, В.Л. Архангельский, В.Г. Гак, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия, Н.М. Шанский и др.

В 60-е годы прошлого века в отечественной стилистике, поэтике и литературоведении усилился интерес к категории образности: на страницах журнала «Вопросы литературы» развернулась дискуссия на тему «Слово и образ». В качестве основных вопросов В.В. Виноградов выделял 1) определение специфики словесных образов, то есть «образов, воплощенных в словесной ткани литературно-эстетического объекта, созданных из слов и посредством слов», 2) объяснение природы словесного образа и 3) создание видовой классификации словесных образов [Виноградов, 1963, с. 94–95].

Стилистический подход к определению образности в структуре художественного текста представлен в работах А.И. Ефимова [Ефимов, 1959], Д.Н. Шмелева [Шмелев, 1964], В.Г. Гака [Гак, 1966], А.И. Федорова [Федоров, 1969], В.П. Григорьева [Григорьев, 1971] и др. В лингвостилистическом направлении образность художественного текста понимается как совокупность образов, реализующих замысел автора. Художественный образ, по мнению А.И. Федорова, «не является адекватным отражением явлений действительности, в нем сознательно отображены и переданы те признаки, через которые можно выразить отношение к изображаемому, передать авторскую мысль» [Федоров, 1985, с. 21].

В 70-е годы образность впервые стала рассматриваться как семантическое свойство лексической единицы. Предлагается определение образности как языковой категории в работах Э.С. Азнауровой [Азнаурова, 1973], А.Л. Кораловой [Коралова, 1975], В.К. Харченко [Харченко, 1976], М.И. Черемисиной [Черемисина, 1977], В.М. Огольцева [Огольцев, 1978] и др. В монографии Э.С. Азнауровой «Очерки по стилистике слова» образность представлена как свойство слова [Азнаурова, 1973].

В 80-е годы в работах А.Н. Молчановой «О переносно-образных значениях слов» [Молчанова, 1982], О.И. Блиновой «Образность как категория лексикологии» [Блинова, 1983] и С.М. Мезенина «Образность как лингвистическая категория» [Мезенин, 1983] образность осмысливается как лексическая и лингвистическая категория, связанная со значением слова. С.М. Мезенин характеризует языковые единицы (фонему, морфему, слово, словосочетание, предложение) по образным потенциям, но подчеркивает, что слово является «наиболее гибкой единицей по отношению к образности и располагает максимальными образными потенциями в силу широты семантики» [Мезенин, 1983, с. 51–52]. О.И. Блиновой образность рассматривается как «собственно лексикологический феномен, который может быть выявлен у определенной группы лексических мотивированных единиц» [Блинова, 1983, с. 8].

Смена лингвистической парадигмы и утверждение антропологического подхода в конце 80-х годов прошлого века порождает активное изучение образности (О.И. Блинова, В.К. Харченко и др.), экспрессивности (Н.А. Лукьянова, В.Н. Телия, М.И. Черемисина и др.), оценочности (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, Н.А. Лукьянова, В.Н. Телия и др.), мотивированности (О.Б. Блинова, Т.А. Демешкина, И.С. Куликова, Н.Б. Лаврентьева, В.Г. Наумов, Н.Г. Нестерова и др.) при анализе семантики слова как единицы языка. В 90-е годы XX века эти исследования становятся основанием для выделения следующих направлений в исследовании образной лексики: 1) метафорологическое (О.Н. Алешина, Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак,

Г.Н. Складневская, В.Н. Телия и др.); 2) экспрессиологическое (Е.М. Вольф, Н.А. Лукьянова, О.А. Новоселова, В.Н. Телия, Т.А. Трипольская, М.И. Черемисина, В.И. Шаховский и др.); 3) мотивологическое (О.И. Блинова, И.С. Куликова, Н.Б. Лаврентьева, Е.А. Юрина и др.).

Активное изучение фразеологических единиц и их образности позволяет выделить отдельное фразеологическое направление (Д.О. Добровольский, В.П. Жуков, В.М. Мокиенко, А.И. Федоров, Т.З. Черданцева, В.Н. Телия и др.). Исследователи сходятся во мнении, что наряду с эмотивностью, оценочностью, экспрессивностью образность является одним из признаков фразеологизмов. Она не закреплена за семантикой отдельных компонентов фразеологической единицы, а проявляется через переосмысление этих структурных элементов.

В последнее десятилетие прошлого века появились диссертационные исследования и монографии, посвященные изучению лексической и фразеологической образности. Е.А. Юрина в кандидатской диссертации «Образность как категория лексикологии» рассматривает образную лексику русского литературного языка и говоров Среднего Приобья в семасиологическом, мотивологическом и лексикографическом аспектах [Юрина, 1994]. С.В. Кабаковой в кандидатской диссертационной работе «Образное основание идиом (психолингвокультурологические аспекты)» категория образности исследуется на материале образной фразеологии русского языка [Кабакова, 1999]. В докторской диссертации Н.А. Илюхиной «Образ как объект и модель семасиологического анализа» представлен анализ образных лексических и фразеологических единиц [Илюхина, 1999]. В докторской диссертационной работе «Комплексное исследование образной лексики русского языка» Е.А. Юрина исследует образные слова в функционально-семантическом и когнитивном аспектах [Юрина, 2005а]. Выходят в свет статьи, монографии, диссертации, обобщающие все наработки и представляющие основные положения теории образности.

В теории О.И. Блиновой и Е.А. Юриной образность определяется как «структурно-семантическое свойство слова, характеризующегося семантической

двуплановостью и метафоричностью внутренней формы слова» [Юрина, 1994, с. 6]. Это определение легло в основу данного диссертационного исследования.

Как итог обзора в качестве основных аспектов исследования языковой образности можно выделить лингвостилистический, семасиологический, мотивологический, лингвокультурологический, лингвокогнитивный, психолингвистический, лексикографический.

Лингвостилистический подход к исследованию образных слов и выражений нацелен на изучение поэтического строя языка на материале текстов художественных произведений, объектом исследования являются художественные тропы (Н.С. Болотнова, В.П. Григорьев, Н.А. Кожевникова, Н.И. Иванова, Н.В. Павлович и др.). Как отмечает Н.В. Павлович, каждый поэтический образ «существует в языке не сам по себе, а в ряду других – внешне, возможно, различных, но в глубинном смысле сходных образов» [Павлович, 1999, с. XXIX].

В рамках семасиологического подхода анализируется структура лексического значения образной номинации в совокупности предметно-понятийного и образно-мотивирующего компонентов семантики, экспрессивно-оценочных и культурных коннотаций, приводятся классификации и типологии образных слов и выражений (О.Н. Алешина, О.И. Блинова, Н.А. Илюхина, Н.А. Лукьянова, Г.Н. Складарская, В.Н. Телия, Е.А. Юрина и др.).

Изучение образных языковых единиц сквозь призму мотивологической теории позволяет эксплицировать их внутреннюю форму, тип мотивированности, лексический и структурный мотиваторы, мотивационные связи слов [Юрина, 2012, с. 130]. О.И. Блиновой дано определение термину «внутренняя форма слова» и выделены ее типы, включая метафорическую внутреннюю форму [Блинова, 2010, с. 28–29]. Этот подход реализован в работах О.И. Блиновой, И.Я. Пак, Е.А. Шериной, Е.В. Капелюшник, Е.А. Юриной и др.

Лингвокультурологический подход к исследованию вторичных образных номинаций языка связан с изучением особенностей национального мировосприятия и мировидения через анализ культурных компонентов семантики

этих образных слов и выражений и воссозданием отдельных фрагментов языковой картины мира (Н.Ф. Алефиренко, О.И. Блинова, М.Л. Ковшова, В.Н. Телия, Е.А. Юрина и др.).

Лингвокогнитивные исследования образных лексических и фразеологических средств языка направлены на выявление структуры метафорических моделей, в соответствии с которыми явления одной концептуальной сферы описываются в терминах другой. Метафорические модели демонстрируют особенности образного мышления, основанного на аналогии, уподоблении одних явлений другим. В этом направлении выполнены работы Н.Ф. Алефиренко, А.Н. Баранова, С.Г. Воркачева, Ю.Н. Караулова, З.И. Резановой, А.П. Чудинова и др.

В лексикографических исследованиях вторичных образных номинаций разрабатываются методы и способы их описания в словарях с целью реконструировать фрагмент образной языковой и концептуальной системы (О.И. Блинова, Г.Н. Складневская, Е.А. Юрина и др.). Особенно разработанной является фразеография (Д.О. Добровольский, А.В. Жуков, В.П. Жуков, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия и др.).

Рассмотренные научные работы по проблеме языковой и художественной образности представляют многообразные подходы и аспекты исследования данной категории. Их объединяет признание системности образных лексических и фразеологических средств языка, основанного на инвариантных образах (метафорических моделях), которые формируют парадигмы образных средств языка. Исследование вторичных образных номинаций в семасиологическом, мотивологическом, лингвокультурологическом, лингвокогнитивном и лексикографическом аспектах направлено на многомерное описание феномена языковой образности. Это обусловлено интересом к мышлению, сознанию носителя языка.

1.1.2 Единицы общеязыковой образной системы

В данном диссертационном исследовании языковая образность, вслед за О.И. Блиновой, Е.А. Юриной, рассматривается как свойство семантики лексических, фразеологических, текстовых единиц, «проявляющееся в их способности обозначить явление внеязыковой действительности в ассоциативной связи с другим, не тождественным обозначаемому, явлением на основе их реального и мнимого сходства посредством метафорической внутренней формы языковой единицы» [Юрина, 2005б, с. 27]. Подобное свойство обнаруживается у «языковых метафор, собственно образных слов, двухкомпонентных номинаций, компаративных и иных фразеологических единиц, сравнительных оборотов различных структур, которым свойственна двуплановая семантика и ассоциативный способ её выражения» [Блинова, Юрина, 2008, с. 6]. При этом носители языка осознают нетождественность исходного образного основания и результирующего понятийного содержания образного слова или выражения и наличие культурной коннотации.

Регулярные реализации повторяющихся образов, стандартные способы вторичного означивания (метафоризация, метонимия) и общие метафорические модели позволяют говорить об «образном строе языка» (Е.А. Юрина), «общеязыковой образной системе» (Н.А. Илюхина). В нашем исследовании образный строй языка понимается «как закреплённая в узусе, национально и культурно-исторически обусловленная система образов, метафорически реализованная в семантике лексических и фразеологических единиц и формирующая языковую картину мира нации» [Юрина, 2013, с. 19; Юрина, 2005б, 2010]. Образный строй языка, как и любая естественная система, характеризуется сложным внутренним устройством: «наличием в ней отдельных участков (подсистем), причем таких, которые сами имеют достаточно сложную организацию» [Шведова, 2005, с. 411].

Образный строй языка Е.А. Юрина определяет как «системное лингвистическое явление, имеющее семантический уровень и знаковую форму выражения». Он транслирует «когнитивные структуры, входящие в систему представлений языковой личности, на которых базируются языковые способности к образному ассоциированию, реализуемые в речевой деятельности» [Юрина, 2013, с.19]. На языковом уровне единицами образной системы являются слова и выражения, которые обозначают явление, факт, ситуацию внеязыковой действительности иносказательно, через аналогию с другими фактами и явлениями и обладают «семантической двуплановостью и метафорической внутренней формой» [Блинова, Юрина, 2008, с. 5]. Исходный образ, воплощенный в слове, которое является мотивирующим для вторичной образной номинации, формально представлен внутренней формой образного слова или фразеологизма.

Образные лексические единицы представлены следующими структурно-семантическими типами:

Языковые метафоры – это «семантически мотивированные образные лексические единицы с переносным метафорическим значением» [Юрина, 2004б, 2005б, 2013]. Такие лексические единицы имеют регулярную воспроизводимость в речи, например, *свариться* ‘стать вялым, разомлевшим, покраснеть и вспотеть из-за долгого пребывания на солнце или в жарком месте’; *поджаривание* ‘нахождение в жарком помещении, вследствие которого человек испытывает дискомфорт от слишком высокой температуры воздуха или предметов, с которыми он соприкасается’; *кипяток* ‘об излишне эмоциональном человеке, легко приходящем в состояние возбуждения, раздражения, гнева; *горько* ‘о чувстве горечи, гнетущем состоянии, настроении, испытываемом кем-л.’ и др.

Собственно образные слова представляют собой «морфологически мотивированные лексические единицы (дериваты) с метафорической внутренней формой» [Юрина, 2004в, с. 107]. Такие слова являются образными в своих первичных значениях, например, *запоем* ‘беспрерывно с огромным увлечением, интересом’; *впитать* 1) ‘постепенно поглотить, вобрать в себя’,

2) ‘воспринимать, усваивать’; *сладкоголосый* ‘умеющий красиво, увлекательно говорить’; *трезвомыслящий* ‘руководствующийся в своих суждениях и поступках здравым смыслом, благоразумием’ и др.

Двухкомпонентные образные номинации занимают промежуточное положение между образными лексическими и фразеологическими единицами русского языка. Они представляют собой сочетание из двух слов, которое выполняет номинативную функцию и в контексте воспринимается как одно слово. Например, *адамово яблоко* ‘выпирающий у мужчин кадык’; *мучнистая роса* ‘грибковое заболевание растений, проявляющееся в виде беловатого налета на поверхности листьев’; *банановая республика* ‘страна Латинской Америки, характеризующаяся зависимостью от сельскохозяйственного производства, а также политической нестабильностью’ и др.

К образным фразеологическим средствам русского языка относятся следующие структурно-семантические типы:

Сравнительные обороты различной структуры.

1. Устойчивые сравнительные обороты с компаративным элементом *как*, *словно*, *будто*, *похож на*, в которых сопоставляются различные явления по какому-либо признаку. Например, *как горох* ‘о мелких предметах, изображениях’; *как варёный рак* ‘о покрасневшем от сильных эмоций или физической нагрузки человеке’; *как блюдце* 1) ‘о круглых предметах’, 2) ‘о плоских предметах’ и др.

2. Родительный сравнения – это устойчивый сравнительный оборот, включающий существительное в родительном падеже, которое является носителем эталонного признака. Например, *форма чаши* ‘о каких-либо глубоких и полукруглых предметах’, *цвета соли с перцем* ‘о темных волосах, перемешанных с седыми или осветленными прядями’; *в форме картошки* ‘о носе с крупным круглым кончиком и широкими ноздрями’ и др.

3. Творительный сравнения является устойчивым сравнительным оборотом, который содержит существительное в творительном падеже, обладающее эталонным признаком. Например, *пельмешком* ‘о форме уха’; *штопором*

‘винтообразно, по спирали’, *рюмочкой* 1) ‘о вытянутой, конусовидной форме предметов, 2) ‘о стройной женской фигуре’; *ковшиком* ‘о чем-л., похожем на сосуд для зачерпывания’ и др.

Фразеологические единицы – это «воспроизводимые в речи обороты, построенные по образцу сочинительных или подчинительных словосочетаний (непредикативного или предикативного характера), обладающие целостным (или реже – частично целостным) значением и сочетающиеся со словом» [Жуков, 2006, с. 6]. Например, *мозг кипит / мозги кипят* 1) ‘об активной и продуктивной умственной деятельности, состоянии интеллектуального подъема, вдохновения’, 2) ‘о состоянии интеллектуальной перегрузки, неспособности продолжать умственную деятельность из-за усталости, переутомления, невозможности решить слишком сложную задачу’; *несолоно хлебавши* ‘обманувшись в своих ожиданиях, не добившись желаемого, встретив плохой приём’; *слишком жирно будет* ‘слишком много, роскошно’; *кормить завтраками* ‘неоднократно обещать сделать что-л. завтра или в ближайшем будущем’ и др.

Пословицы представляют собой «краткие народные изречения назидательного характера, имеющие одновременно буквальный и переносный (образный) план или только переносный план и составляющие в грамматическом отношении законченное предложение», которое обладает смысловой и интонационной завершенностью и всеми конструктивными признаками предложения [Жуков, 2000, с. 9, с. 11]. Например, *семеро с ложкой, а один с сошкой* ‘о ситуации, в которой работает один человек, а его трудом кормятся другие’; *сколько волка не корми, он всё в лес смотрит* ‘человек рано или поздно проявляет свой истинный характер, привычки, сколько бы он не пытался их скрыть ли изменить’; *стыд не дым, глаза не ест* ‘при получении выгоды неблагоприятным способом чувство стыда можно перетерпеть’; *не плюй в колодец, пригодится воды напиться* ‘не доставляй неприятностей, не вреди тем, кто в будущем сможет помочь, поддержать’ и др.

Поговорки – это «широко распространенные выражения, образно определяющие какие-либо жизненные явления и дающие им эмоционально-экспрессивную оценку» [Аникин, 1974, с. 272]. Например, *не в коня корм* ‘о бессмысленных, напрасных, безрезультатных усилиях’; *летний день год кормит* ‘труд и его плоды летом обеспечивают сытую жизнь зимой’; *сытый голодного не разумеет* ‘человек обеспеченный и занимающий высокое социальное положение не сможет понять интересов человека, который беднее’ и др.

Единицы образного строя языка системой своих значений выражают концептуальные метафорические модели, свойственные мышлению носителей определенной лингвокультуры. Вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, А.Н. Барановым, Ю.Н. Карауловым, А.П. Чудиновым и др., под базовой концептуальной метафорической моделью понимается устойчивая аналогия, основанная на сходстве нетождественных явлений различных концептуальных сфер, представляющая объекты сферы-мишени посредством уподобления объектам сферы-источника. Являясь устойчивой ментальной схемой для мыслительных операций и последующих физических действий, метафора заложена в понятийную систему человека [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 387; Баранов, 1991, с. 186; Чудинов, 2001, с. 21]. Метафорическая модель, соединяя две понятийные области, создает возможность систематизировать единицы сферы-мишени по аналогии со структурой сферы-источника. Она репрезентирует правила построения образных высказываний и отражает наиболее важные культурные ценности носителей языка.

Такое определение метафорической модели обусловлено пониманием метафоры как базового когнитивного механизма, которое систематизирует «наше мышление и наши действия, способствует их осмыслению» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 391], «оформляет наши суждения, структурирует язык» [Мишанкина, 2010, с. 44] и позволяет познавать окружающую действительность. Н.А. Мишанкина объясняет это тем, что главная роль в мыслительных процессах человека принадлежит не формальным процедурам вывода, а «анalogии как

переносу знаний из одной содержательной области в другую» [Там же]. Э. МакКормак подчеркивает, что метафора предстает не только как когнитивный процесс, способствующий познанию и созданию новых понятий, но и «как культурный процесс, изменяющий язык» [МакКормак, 1990, с. 363].

А.П. Чудинов, синтезируя постулаты теории концептуальной метафоры и теории регулярной многозначности, определяет метафорическую модель как «существующую и/или складывающуюся в сознании носителей языка схему связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: $X - \text{это } Y$ » [Чудинов, 2013, с. 27]. X и Y находятся в отношениях не прямого отождествления, а подобия. Метафорические модели характеризуются через описание следующих признаков: 1) исходной понятийной области (сфера-источник, сфера-донор); 2) новой понятийной области (сфера-мишень, денотативная зона, реципиентная сфера); 3) фреймов, относящихся к данной модели (под фреймом понимается фрагмент наивной языковой картины мира); 4) составляющие каждый фрейм типовые слоты (элементы ситуации); 5) компонента, который связывает первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц (выявление образного основания); 6) дискурсивной характеристики модели; 7) продуктивности модели (способность к развертыванию) [Чудинов, 2013, с. 28–30].

В данном диссертационном исследовании под базовой концептуальной метафорической моделью понимается устойчивая аналогия, основанная на сходстве нетождественных явлений различных концептуальных сфер, представляющая объекты сферы-мишени посредством уподобления объектам сферы-источника.

1.1.3 Образное лексико-фразеологическое поле как элемент образной системы языка

С целью системного, многоаспектного описания образных языковых средств применяется метод полевого моделирования (Н.А. Илюхина, Е.В. Капелюшник, Г.Н. Складерская, Е.А. Юрина и др.), который репрезентирует некоторую совокупность номинативных единиц, объединенных по смыслу и в своей взаимозависимости предопределяющих значения друг друга. Семантическое поле, по мнению Г.С. Щура, представляет собой «совокупность слов, обладающих общим значением» [Щур, 1974, с. 19]. Г.Н. Складерская указывает на то, что семантические поля репрезентированы лексикой разных частей речи, отличаются друг от друга по структуре и составу единиц, являются «взаимопроницаемой системой с подвижными границами» [Складерская, 2004, с. 124].

Впервые описание метафорического поля «Вода» было осуществлено Г.Н. Складерской в монографии «Метафора в системе языка» (1993, 2004). Объектом исследования послужили языковые метафоры, представленные как системное языковое явление и противопоставленные таким смежным языковым явлениям, как художественная (индивидуально-авторская) метафора, генетическая метафора, безобразное производное значение. В качестве результата были представлены два налагающихся друг на друга поля: исходное, номинативное и вторичное, метафорическое. Элементы номинативного поля подвергаются метафоризации и образуют «метафорический пучок», совокупность таких пучков формирует собственно метафорическое поле. Множества метафорических полей «пронизывают всю систему языка» [Складерская, 2004, с. 149].

Н.А. Илюхина рассматривает образное поле как совокупность лексических и фразеологических средств, разнородных по структуре и значению, которые прямо или косвенно (метонимически) воплощают денотат и отражающий его в сознании образ и обозначает его термином «ассоциативно-семантическое поле» [Илюхина, 2010, с. 40]. Материалом исследования являются разнообразные слова

и выражения, транслирующие когнитивный образ «Коня / Лошади» [Илюхина, 1998, 2010]. С одной стороны, изучаемый образ вербализован системой языковых единиц: как исходными мотивирующими наименованиями, так и вторичными образными номинациями. С другой стороны, образ «Коня / Лошади» обусловлен социокультурными стереотипами и представлениями носителей языка, что отражается в процессах метафоризации и метафорическом функционировании языковых единиц. Общеязыковая образная система предстает многомерной структурой, обусловленной взаимовлиянием и взаимодействием языка и мышления.

Е.А. Юрина моделирует лексическую структуру ассоциативно-образного лексико-семантического поля, отражающего метафоризацию качественного признака (твердый – мягкий, острый – тупой, тяжелый – легкий), в виде трехчастной структуры, которая включает поле с исходными мотивирующими номинациями, метафорическое и результирующее референтное поля [Шенделева (Юрина), 1999; Юрина, 2003; Юрина, 2005а, с. 81–82].

Разработанная трехмерная модель была применена для анализа образного лексико-фразеологического поля «Еда / Пища» [Юрина, 2013, с. 57–67]. Языковая структура исследуемого поля систематизирована по исходным мотивирующим образам объектов гастрономической сферы. Она представлена образными словами и выражениями, транслирующими метафорическое переосмысление представлений о продуктах и блюдах, их качествах, способах приготовления и поглощения пищи, субъектах и инструментах гастрономической деятельности. Образное лексико-фразеологическое поле описываемой языковой модели представляет собой совокупность мотивационно-образных парадигм (МОП). МОП – «объединение мотивационно связанных образных слов и выражений, непосредственно или опосредованно мотивированных одной исходной мотивирующей лексической единицей и эксплицирующих общий метафорический образ или ряд образов» [Юрина, 2013, с. 38]. Соответственно исходный уровень поля включает мотивирующие номинации; метафорический уровень поля –

образные слова и выражения, иносказательно транслирующие первичный образ; результирующий референтный уровень поля – необразные синонимы, необходимые для толкования образных языковых средств.

С опорой на разработанные модели описания семантических полей в данном диссертационном исследовании образный строй языка рассматривается как совокупность пересекающихся ассоциативно-образных лексико-фразеологических полей в виде трехмерной модели, включающей исходное мотивирующее поле, образное лексико-фразеологическое поле и референтное семантическое поле. Рассмотрим структуру фрагмента общеязыковой образной системы, который представлен образными средствами языка, мотивированными наименованиями явлений гастрономической сферы.

Исходное мотивирующее поле составляют необразные лексические единицы, называющие предметы и явления пищевой культуры, которые получают в языке иносказательное, метафорическое, символическое переосмысление, например, *кусать* ‘захватывая, сдавливая зубами, отделять небольшие куски чего-л.’; *горький* ‘имеющий особый неприятный едкий вкус’, *гурман* ‘любитель и ценитель тонких, изысканных блюд’, *пельмени* ‘блюдо в виде отварных изделий из пресного теста с начинкой из рубленого мяса’.

Образное лексико-фразеологическое поле включает образные вторичные номинации, мотивированные наименованиями исходного мотивирующего поля:

кусать 1) ‘причинять страдания, ущемлять’, 2) ‘поражать болезнью, делать больным’, *локти кусать* 1) ‘жалеть об упущенной возможности’, 2) ‘жалеть о содеянном’, *кусать губы* ‘нервничать, переживать’, *кусать воздух* ‘глубоко, прерывисто вдыхать воздух’, *кусать руку дающую* ‘противиться источнику выгоды, выставлять свои условия’, *тепло, светло и мухи не кусают* ‘благоприятная атмосфера, хорошие условия’, *змея кусает себя за хвост* ‘повторять поступки раз за разом, бесконечно, причиняя себе ущерб’;

горький ‘тяжёлый, горестный, исполненный тягот, невзгод, горя’, *горько* 1) ‘о гнетущем состоянии, настроении, испытываемом кем-л.’, 2) ‘очень много,

очень сильно’, *горе горькое* ‘о чрезвычайно сильном горе’, *горькая правда* ‘о чём-л. справедливом, но неприятном, обидном’, *горькая пилюля* ‘о чём-л. неприятном, обидном’, *горький урок* ‘о тяжёлых испытаниях’, *горький пьяница* ‘о пьющем запоем, безнадёжном алкоголике’;

гурман ‘ценитель искусства, поклонник всего изящного, красивого’;

пельмени ‘оттопыренные уши’, *как пельмень* ‘о частях лица человека, напоминающих пельмень по форме или размеру’.

Референтное семантическое поле содержит синонимичные единицам метафорического поля слова и выражения, необходимые для толкования образных средств языка, например, ‘жалеть’ (*локти кусать*), ‘нервничать’ (*кусать губы*); ‘гнетущее состояние’ (*горько*), ‘что-л. справедливое, но неприятное’ (*горькая правда*); ‘ценитель искусства’ (*гурман*); ‘оттопыренные уши’ (*пельмени*).

Трёхмерная модель метафорического поля репрезентирует, во-первых, системность анализируемого языкового явления, во-вторых, место слов и выражений с метафорической внутренней формой в системе языка, в-третьих, взаимосвязь и взаимообусловленность языка, мышления и социокультурных стереотипов и представлений. Структура метафорического поля представлена на рисунке 1.

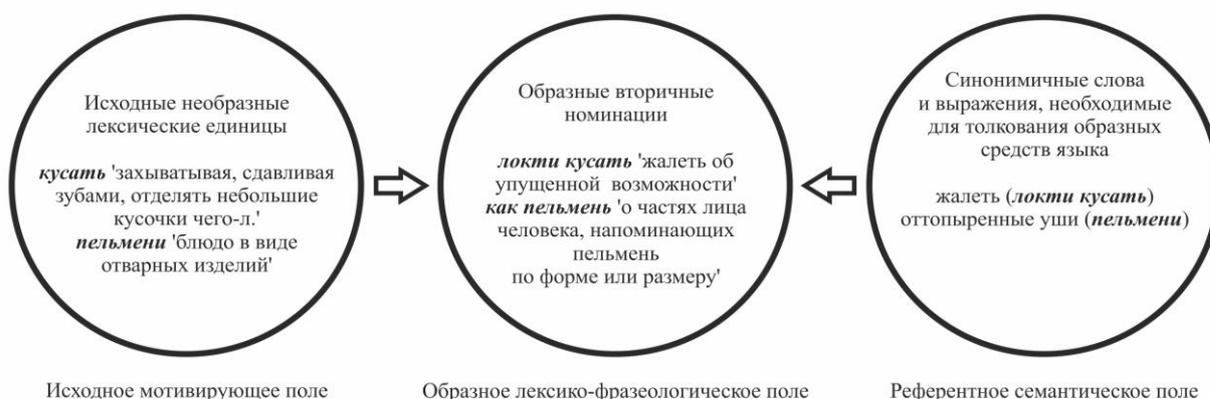


Рисунок 1 – Структура метафорического поля

Представленная модель метафорического поля может выстроена по принципу смысловой близости лексических значений исходных мотивирующих наименований. Такой принцип систематизации направлен на определение границ и состава исходного номинативного поля. Также он позволяет выявить метафорические номинации исходных языковых единиц данного поля и систематизировать их в мотивационно-образные парадигмы.

Метафорическое поле также может быть смоделировано на основании общности сфер референции образных слов и выражений. Тогда единицы лексико-фразеологического поля группируются в соответствии с общностью предметно-понятийного содержания. Такой способ систематизации направлен на описание образа мира, представленного сквозь призму пищевой метафоры; выявление парадигмы образных лексических и фразеологических средств, реализующих частные метафорические модели с общей сферой-мишенью; экспликацию образных оснований уподобления явлений гастрономической сферы явлениям других концептуальных областей.

Системное исследование образных слов и выражений русского языка, вербализующих базовые и частные метафорические модели, позволяет выявить фундаментальные ценности носителей лингвокультуры и реконструировать языковую картину мира. Картина мира определяется В.И. Постоваловой как «исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека» [Роль человеческого фактора в языке ..., 1988, с. 21]. Она предстает как «субъективный образ объективной реальности, который опредмечивается в знаковых формах» [Там же]. Е.С. Кубрякова отмечает, что картина мира организуется в «концептуальную» систему, а та «часть концептуального мира человека, которая имеет «привязку» к языку и преломлена через языковые формы, есть языковая картина мира» [Там же, с. 141–142].

По мнению, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «те ценности, которые реально существуют и глубоко укоренились в культуре, согласуются с метафорической системой» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 405]. В связи с этим образные лексические и фразеологические единицы рассматриваются в трех плоскостях: с точки зрения языка, они обладают формой и значением; с точки зрения мышления, они демонстрируют когнитивные метафорические модели; с точки зрения лингвокультуры, они воплощают базовые социокультурные ценности носителей языка.

Результаты теоретических исследований образных лексических и фразеологических единиц языка в полном объеме могут быть представлены в словарях, описывающих вторичные образные номинации в семасиологическом, когнитивном, лингвокультурологическом аспектах. Лексикографическая параметризация образных средств языка направлена на описание семантики, культурных коннотаций, символических смыслов образных слов и выражений, а также на выявление образных оснований метафорических проекций, типовых образных представлений и последующую реконструкцию фрагмента концептуальной системы мира.

1.2 Фигуративная лексикография как актуальное направление современной русистики

1.2.1 Этапы и приемы лексикографического метода

Отечественная лексикографическая практика, представленная большим количеством словарей различного типа, заметно опережает результаты исследований теоретических вопросов лексикографии. В.В. Морковкин отмечал «очевидную несбалансированность теоретических основ и практических достижений словарного дела» [Морковкин, 1987, с. 33]. Исследования, посвященные решению теоретических задач лексикографии, направлены на

выделение различных направлений лексикографии (фразеография, концептография и др.), на составление типологий и классификаций изданных словарей, на разработку методологических рекомендаций по составлению картотек, выбору источников материала, организации макро- и микроструктуры словаря и формулировке дефиниций (В.В. Виноградов, А.С. Герд, П.Н. Денисов, В.В. Дубичинский, Ю.Н. Караулов, В.А. Козырев, В.В. Морковкин, Л.В. Щерба и др.).

Основополагающей работой по теории лексикографии является статья Л.В. Щербы «Опыт общей теории лексикографии» (1940). В ней впервые была представлена типологизация существующих словарей, которая стала основой последующих классификаций лексикографических работ [Цывин, 1978; Денисов, 1980; Морковкин, 1983; Лукьянова, 2003 и др.]. Дальнейшие исследования были направлены на разработку теоретических основ лексикографии, определение термина «лексикография»; на изучение объекта словарного описания, а именно – на определение границ лексического значения и выделение многозначных и омонимичных слов для формулировки словарных дефиниций; на анализ и обобщение опыта по составлению словарей различного типа; на разработку методологических рекомендаций по организации работы лексикографов и собственно составлению словарей (В.В. Виноградов, А.С. Герд, В.В. Морковкин, С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова и др.).

В исследованиях, посвященных теоретическим вопросам лексикографии, выполненных в последние три десятилетия, большое внимание уделяется подготовке лексикографов [Шведова, 2005; Дубичинский, 2009 и др.], выделению отдельных направлений лексикографии [Бабенко, 2010; Шестакова 2012 и др.] разработке теоретических принципов и комплекса параметров лексикографирования языковых единиц [Караулов, 1981; Складарская, 1995; Дубичинский, 2009 и др.], описанию макро- и микроструктуры концептоориентированных словарей [Козырев, 2004; Красных, 2004; Бабенко, 2009; Телия, 2009 и др.]; способов и приемов словарного изъяснения языковых

единиц [Скляревская, 1989; Баранов, 2009; Телия, 2009; Юрина, 2011 и др.]. Ю.Н. Караулов отмечал, что перед лексикографами стоит вопрос не только «для чего делается», но и «как делается» словарь [Караулов, 1981, с. 135].

Представление результатов исследования образных единиц и образного строя русского языка в лексикографическом формате является актуальным способом описания результатов, что подтверждается большим количеством словарей, фиксирующих образную лексику и фразеологию. Такие словари отражают результаты изучения образных слов и выражений в структурно-семантическом, лингвокультурологическом, лингвокогнитивном аспектах, материалом исследований выступают фрагменты лексической, паремиологической и фразеологической образной системы русского языка.

Лексикографирование образных единиц языка является трудной задачей, поскольку необходимо зафиксировать в словаре не только лексическое значение, но и фоновые знания, закрепленные за языковыми единицами: разного рода ассоциации, коннотации (экспрессивные, образные, символические, культурологические), социокультурные стереотипы. Лексикографическое описание позволяет обобщить и систематизировать эмпирический материал, представить многоаспектную характеристику языковых единиц, с помощью компьютерных технологий реализовать масштабные лексикографические проекты. Таким образом, лексикографическая параметризация языка становится собственно лингвистическим методом исследования.

Термин «лексикографический метод» впервые ввела О.И. Блинова и определила его как «метод лингвистики, заключающийся в планомерной инвентаризации единиц языка посредством их лексикографирования» [Блинова, 2003, с. 110]. Данный метод характеризуется по тем же параметрам, что и другие лингвистические методы: 1) цели и задачи; 2) объект и предмет исследования; 3) временные границы анализируемого языкового материала; 4) совокупность методов, приемов, способов, аспектов изучения эмпирического материала; 5)

подход к изучению языка; б) теоретическая база исследования [Общее языкознание, 1973; Кодухов, 2012, с. 202–281].

Цели и задачи исследования языковых единиц определяют тип и жанр словаря. Описание литературных норм русского языка представлено в ортологических словарях: орфографических, орфоэпических, словарях трудностей и др. Исследования семантики слов и выражений отражены в толковых, терминологических, переводных и др. словарях. Анализ лексики и фразеологии одного или нескольких языков даются в одноязычных, двуязычных или многоязычных словарях. По принципу систематизации языкового материала на уровне макроструктуры словаря выделяют алфавитные (прямой и обратный порядок) и идеографические словари. В качестве объекта исследования выступают словообразовательные, морфологические, лексические, синтаксические единицы как литературного языка, так и диалектов, жаргонов и др. Предметом изучения является лексическое значение слов (толковые словари, словари образных слов и выражений), дополнительные компоненты лексического значения (лингвострановедческие, лингвокультурологические словари и др.), семантические отношения (словари синонимов, антонимов, паронимов и др.). Временной срез анализируемого языкового материала определяет хронологические рамки при отборе языковых единиц.

Лексикографический метод применяется к языковому материалу, исследуемому в различных аспектах. Семасиологическое направление рассматривает лексическое значение и его компоненты, что отражено в словарях метафор, собственно образных слов и выражений. Когнитивно-дискурсивный подход представлен в «функционально-когнитивных словарях» [Гафарова, 2013]; результатом психолингвистических исследований являются ассоциативные словари. Изучение лексики в лингвокультурологическом аспекте фиксируется в лингвокультурологических и лингвострановедческих словарях.

Применение лексикографического метода обуславливает использование различных способов и приемов изучения эмпирического материала. К числу

приемов лексикографического метода относятся картографирование (создание картотек и баз данных), составление словарных статей, формулировка дефиниций заглавных слов и выражений, использование системы помет [Блинова, 2003; Козырев, 2004; Дубичинский, 2009; Гавар, 2014 и др.].

Лексикографический метод используется с опорой на теоретическую базу исследования языковых единиц, исходя из которой формулируется объект, предмет, цели и задачи словаря. Таким образом, лексикографический метод позволяет детально рассмотреть объект словарного описания, особенности его функционирования в речи; обработать, проинтерпретировать, систематизировать, обобщить собранный эмпирический материал и выявить его отличительные признаки посредством составления картотеки, разработки макро- и микроструктуры словаря.

К основным этапам лексикографического метода относятся следующие:

1. Создание проекта и инструкции словаря. В проекте формулируется концепция будущего словаря и его место в лингвистике; базовые теоретические положения, на которые опираются авторы; цели и задачи; объект и основные единицы описания; источник материала и словник; структура словаря и основные параметры; образцы словарных статей. Д.М. Поцепня определяет инструкцию словаря как «свод правил, которыми руководствуются составители словаря и знакомство с которыми необходимо пользователю словаря, чтобы уметь читать словарь и извлекать из него необходимую информацию» [Поцепня, 2013, с. 23].

2. Создание картотеки. Картотека представляет собой базу данных, в которой зафиксированы все лексикографируемые единицы, примеры их употребления с указанием источника контекста (фамилия автора, название произведения и другие выходные данные). Она отвечает требованиям, заявленным в проекте словаря. В прошлом картотеки создавались годами, потому что словарные карточки составлялись вручную, источником материала служили тексты художественных произведений. В настоящее время с помощью компьютерных технологий создаются электронные картотеки, в качестве

источника материала используются обширные текстовые массивы, лингвистические корпуса текстов, Национальный корпус русского языка (www.ruscorgora.ru). Это позволяет гораздо быстрее систематизировать большие массивы текстов, накапливать словарные материалы.

3. Разработка макро- и микроструктуры словаря. В.В. Дубичинский определяет макроструктуру словаря как отражение «общих принципов структуры лексикографического произведения, синонимических, антонимических, омонимических, паронимических, гипо-гиперонимических отношений словарных единиц, внешних связей семантических полей, тематических и лексико-семантических групп, принципов расположения языковых единиц в словаре» [Дубичинский, 2009, с. 60]. Микроструктура словаря представляет собой унифицированную схему построения словарной статьи, описывающей языковую единицу словника.

4. Непосредственное составление словарных статей и подготовка словаря к изданию. В словарной статье описывается «словарная единица, формирующая словник» [Поцепня, 2013, с. 51]. Приводится толкование, серия грамматических, стилистических, временных, географических и др. помет, контекстные иллюстрации. Подготовка словаря к изданию заключается в единой организации словарных статей согласно концепции макроструктуры словаря, разработанной его авторами. Обычно подготовка осуществляется главным редактором словаря.

О.И. Блинова, характеризуя лексикографический метод как трудоемкий, выделяет ряд его достоинств. Лексикографический метод является универсальным, так как используется при изучении разного рода слов и выражений литературного языка, диалектов, жаргона, детской речи и т. д. Создаются различные типы словарей, например, толковые, переводные, фразеологические, частотные, орфографические и т. д. Данный метод позволяет максимально полно охватить языковой материал. Словник может включать от нескольких тысяч до десятков тысяч языковых единиц.

Следующим достоинством данного метода является возможность систематизировать языковой материал на уровне макроструктуры словаря по алфавитному или идеографическому принципу. Чаще всего собранный материал систематизируется в алфавитном порядке. При составлении концептоориентированных словарей лингвокультурологического типа применяется идеографический принцип систематизации языковых единиц, то есть они выстраиваются в соответствии с их логико-смысловыми отношениями. На уровне микроструктуры словаря дается фонетическая, грамматическая, семантическая, экспрессивно-эмоциональная, стилевая характеристика описываемых слов и выражений.

Несомненным достоинством лексикографического метода является взаимосвязь словаря с теорией. Составители при создании лексикографического труда опираются на основные теоретические положения, обозначенные в проекте словаря. В дальнейшем созданный словарь становится источником новой теории. Наконец, высокая степень информативности словаря отвечает потребностям как профессионалов, так и любителей [Блинова, 2003, с. 112–116]. К этим неоспоримым достоинствам лексикографического метода, по мнению М.Э. Гавар, относится и «объем словника, количество иллюстративного и справочного материала», которые служат доказательством достоверности результатов данного метода, а также возможность неоднократно использовать разработанные принципы построения макро- и микроструктуры словаря, описывающего различные языковые единицы [Гавар, 2014, с. 14].

Лексикографический метод является научным инструментом, позволяющим обобщить и систематизировать разрозненный, фрагментарный эмпирический материал, накопленный в результате научных исследований в рамках определенной парадигмы анализа с учетом методики, методологических принципов, господствующих в рамках данной парадигмы. С другой стороны, результатом лексикографирования является словарь как наукоемкий лингвистический продукт, который выступает источником для последующих

языковедческих исследований. В этом отношении лексикографический метод работает на перспективу развития научных лингвистических направлений и формирования новых парадигм.

1.2.2 Объем и границы фигуративной лексикографии

В рамках фигуративной лексикографии решаются задачи по созданию словарей, описывающих слова и выражения с метафорической внутренней формой и образной семантикой. Изданные словари становятся источником дальнейших лингвистических исследований, способствуя развитию новых аспектов, способов и методов описания языковых единиц.

Выделение фигуративной лексикографии в самостоятельное направление необходимо для решения следующих задач: 1) осмысления уже существующих и разработки новых принципов лексикографической параметризации образных слов и выражений; 2) усовершенствования макро- и микроструктуры словарей, создаваемых в рамках новых проектов; 3) дальнейшей комплексной репрезентации образного строя языка и систематизации уже описанных фрагментов; 4) выявления новых аспектов описания образных языковых единиц; 5) объединения усилий исследователей по созданию интегрированных электронных баз данных и картотек вторичных образных номинаций. Научным продуктом фигуративной лексикографии выступает словарь образных средств языка и / или речи.

Корпус фигуративной лексикографии русского языка включает 131 словарь², полный список которых представлен в Приложении А. Представленный список словарей образных средств языка и речи не является исчерпывающим, но вполне репрезентативен для характеристики исследований в области лексикографирования образных средств языка.

² Двухязычные и многоязычные словари образных средств языка не рассматриваются в рамках данного диссертационного исследования.

Словарный фонд фигуративной лексикографии может быть классифицирован по нескольким основаниям. По типу описываемых образных языковых единиц: 1) фразеологические словари (68), 2) словари крылатых слов (21), 3) словари пословиц и поговорок (13), 4) словари устойчивых образных сравнений (5), 5) словарь перифраз (1), 6) словари метафор (4), 7) словари образных слов (2), 8) словари, описывающие образную лексику и фразеологию в их единстве (17). По типу дискурсивной принадлежности языковых единиц: 1) словари, объектом которых являются образные слова и выражения литературного языка (101), 2) словари, в которых комплексно описаны образные средства языка, функционирующие в диалектах (14), 3) словари, фиксирующие поэтические образные средства (16).

По способу представления и организации материала отечественная фигуративная лексикография представлена 10-ю концептоориентированными словарями. В 5 словарях комплексно описаны образные средства языка, систематизированные по исходной сфере-донору: 1) «Словарь образных выражений русского языка» под ред. В.Н. Телия [1995], 2) Н.В. Павлович «Словарь поэтических образов» [1999], 3) Д.Б. Гудков и др. «Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь» [2004], 4) Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова «Телесный код русской культуры: материалы к словарю» [2007], 5) «Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов» под ред. Е.А. Юриной [2014].

В 3 словарях образные слова и выражения систематизированы по результирующей сфере-мишени: 1) Т.В. Козлова «Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных» [2001], 2) Н.Н. Иванова, И.Е. Иванова «Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX вв.» [2004], 3) «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии)» под ред. Л.Г. Бабенко [2010].

В 2 словарях представлено комплексное описание совокупности метафорических моделей в пределах одной концептуальной области:

- 1) А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов «Словарь русских политических метафор» [1994],
- 2) Н.А. Кожевникова, З.Ю. Петрова «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» [Вып. 1, 2000; Вып. 2, 2010; Вып. 3, 2015].

Концептоориентированный словарь представляет лексикографическое описание языковых единиц, позволяющее реконструировать выраженный их семантикой фрагмент концептуальной системы представлений человека о мире. Такие словари отличаются особой организацией макро- и микроструктуры.

Наметившиеся тенденции в лексикографической параметризации образного строя языка свидетельствуют о всё более детальной и глубокой проработке способов словарного изъяснения различных аспектов содержания толкуемых единиц. Современный словарь является не только собранием образных слов и/или выражений, но представляет собой продукт и отражение определенной научной концепции. Словари конца XX – начала XXI века, описывающие фрагменты образной системы языка, существенно отличаются от первых подобных лексикографических изданий. Во-первых, словарные статьи представляют результаты глубинного семантического анализа образных выражений с учетом их истории, этимологии, культурного фона и символического значения. Во-вторых, авторы опираются на огромные контекстные базы и обширные картотеки, созданные благодаря использованию машинного фонда и современных корпусных технологий, что позволяет автоматизировано обрабатывать материал и проводить выборку единиц языка, необходимых для дальнейшего лексикографического описания.

1.2.3 Корпус словарей фигуративной лексикографии

О плодотворном развитии лексикографического описания образных слов и выражений свидетельствует тот факт, что за последние тридцать лет вышли в свет

более ста разнообразных словарей, описывающих различные фрагменты образной системы языка и демонстрирующих новые подходы к лексикографической презентации языковой образности.

Первым словарем, описывающим образные лексические и фразеологические единицы русского языка в их единстве, был труд М.И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» [1912]. В данном словаре зафиксированы как образные слова, так и образные выражения (цитаты, пословицы и пословичные выражения) русского языка и русской речи. Этот сборник включает более 11 000 словарных статей, содержащих толкования образных выражений и примеры их употребления в классической русской и зарубежной литературе. Данный словарь можно считать «предтечей» фигуративной лексикографии. Стоит отметить, что словарное описание образного лексикона в единстве с фразеологическими оборотами в пределах одного словаря не получило своего продолжения в лексикографической практике до 90-х годов прошлого века.

Долгое время собственно образные слова, языковые метафоры, устойчивые сравнения, фразеологизмы, крылатые слова, пословицы, поговорки, перифразы описывались разрозненно в толковых или переводных словарях. Количественная доля таких единиц и объем их толкования были невелики, а способы изъяснения – разнородны. Традиционно лексикографическая параметризация образных средств языка осуществлялась по дифференциальному принципу, когда в одном словаре описывался определенный структурный тип образной единицы: идиомы во фразеологических словарях (В.П. Фелицына, В.М. Мокиенко «Русские фразеологизмы» [1990], А.В. Жуков, М.Е. Жукова «Словарь современной русской фразеологии» [2015] и др.); устойчивые образные компаративы представлены в словарях образных сравнений (В.М. Огольцев «Устойчивые сравнения русского языка» [2001], Л.А. Лебедева «Устойчивые сравнения русского языка: тематический словарь» [2003], «Большой словарь русских сравнений: более 45000

образных выражений» под ред. В.М. Мокиенко [2008] и др.); языковые метафоры и метафорические дериваты являются объектом лексикографирования словарей образной лексики русского языка (О.И. Блинова, Е.А. Юрина «Словарь образных слов русского языка» [2007], «Словарь образных единиц сибирского говора» под ред. О.И. Блиновой [2014]); «паремиологический фонд» и «крылатика» описываются в словарях пословиц, поговорок, крылатых фраз (В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров «Русские пословицы, поговорки, крылатые выражения» [1970], С.Г. Шулежкова «Крылатые выражения из области искусства: материалы к словарю» [1994], В.П. Жуков «Словарь русских пословиц и поговорок» [2000] и др.).

Самым разработанным направлением в лексикографировании образных единиц языка является **фразеография**. Всего насчитывается 68 фразеологических словарей. Количественный состав словарей пословиц, поговорок, устойчивых образных сравнений и крылатых выражений значительно меньше: 21 словарь крылатых слов, 13 словарей пословиц и поговорок, 5 словарей устойчивых сравнений.

Фразеологические словари (в широком понимании) могут быть классифицированы по нескольким основаниям: 1) по объекту описания, 2) по объему словника, 3) по аспектам исследования образных выражений. В количественном отношении преобладают словари, описывающие фразеологические единицы современного русского языка («Фразеологический словарь современного русского литературного языка» под ред. А.Н. Тихонова [2004], «Словарь современной русской фразеологии» А.В. Жукова, М.Е. Жуковой [2015] и др.). Несколько словарей описывают фразеологические единицы русского языка в диахроническом аспекте (М.Ф. Палевская «Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII в.» [1980], А.И. Васильев «Словарь фразеологических единиц древнерусского языка» [2011] и др.).

Фразеологические единицы относятся к литературному языку (В.М. Мокиенко, В.П. Фелицына «Русские фразеологизмы» [1999],

«Универсальный фразеологический словарь русского языка» под ред. Т. Волковой [2000] и др.); говорам и диалектам (К.Н. Прокошева «Фразеологический словарь пермских говоров» [2002], Р.В. Семенкова «Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия» [2007] и др.)). Также выделяются идиолектные фразеологические словари, описывающие образные выражения языка поэтов, писателей и известных личностей (Л.К. Байрамова, П.Н. Денисов «Фразеологический словарь языка В.И. Ленина» [1991], А.И. Васильев «Фразеологический словарь языка И.А. Бунина» [2011] и др.).

Объем описываемого материала варьируется от нескольких сотен до нескольких тысяч фразеологических единиц («Фразеологический словарь русского литературного языка: более 12 000 фразеологических единиц» под ред. А.И. Федорова [1983], «Краткий фразеологический словарь русского языка» Е.А. Быстровой, А.П. Окуневой, Н.М. Шанского [1994] включает около 800 фразеологизмов и др.).

Словари фиксируют системные отношения фразеологических единиц: 1) словари фразеологических синонимов («Словарь фразеологических синонимов русского языка: около 730 синонимических рядов» под ред. В.П. Жукова [1987], «Словарь фразеологических синонимов русского языка» под ред. В.П. Мокиенко [2009] и др.); 2) словари фразеологических омонимов («Словарь фразеологических омонимов современного русского языка» под ред. Н.А. Павловой [2010]).

Словари отражают различные аспекты описания образных выражений: 1) функционирование фразеологических единиц в речи зафиксировано в словарях, описывающих речевые трансформации фразеологизмов (А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи» [1997] и др.); 2) экспликация культурного компонента лексикографируемых единиц представлена в словарных статьях лингвокультурологических и лингвострановедческих фразеологических словарей («Русские фразеологизмы: лингвострановедческий словарь» под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова [1990], Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых

«Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики» [2008], «Большой фразеологический словарь русского языка» под ред. В.Н. Телия [2009] и др.); 3) происхождение фразеологизмов описано в этимологических фразеологических словарях (Е.Н. Бетехтша «Фразеологизмы с английскими корнями» [1999], «Русская фразеология: историко-этимологический словарь» под ред. В.М. Мокиенко [2005] и др.); 4) результаты психолингвистических исследований отражены в ассоциативных словарях (Д.О. Добровольский, Ю.Н. Караулов «Ассоциативный фразеологический словарь русского языка» [1994]).

Впервые в значительном объеме фразеологизмы русского языка были собраны и подробно описаны во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А.И. Молоткова [1986]. В нем приведено свыше 4 000 словарных статей, расположенных в алфавитном порядке. В ходе составления данного словаря впервые была создана объемная картотека фразеологических единиц. Авторами-составителями данного словаря были решены основные теоретические проблемы: определение термина «фразеологизм», отграничение фразеологической единицы от слова и устойчивых словосочетаний, репрезентация разнообразных трансформированных употреблений фразеологизмов, ситуаций их употребления в речи. По мнению авторов, фразеологический словарь не только фиксирует образные единицы, но и отражает национальные особенности языка, его самобытность: «Во фразеологии запечатлен богатый исторический опыт народа, в ней отражены представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей» [Фразеологический словарь русского языка, 1978, с. 5–6].

После выхода фразеологического словаря под редакцией А.И. Молоткова работа по созданию полной картотеки фразеологии и идиоматики русского языка продолжилась. Результатом стал «Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв.» под ред. А.И. Федорова [1991]. Этот словарь был задуман как дополнение к «Фразеологическому словарю русского

языка» под ред. А.И. Молоткова. «Фразеологический словарь русского литературного языка» содержит около 7 000 словарных статей.

С 1970-х годов по настоящее время в лексикографических трудах Н.Ф. Алефиренко, А.Н. Баранова, А.К. Бириха, Д.О. Добровольского, В.П. Жукова, М.Л. Ковшовой, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой, В.Н. Телия, А.И. Федорова и др. активно исследуются и фиксируются семантические, грамматические, структурные свойства фразеологических единиц, их происхождение и функционирование в речи. Это способствовало созданию более 60 разнообразных фразеологических словарей. Большая часть этих лексикографических трудов отражает развитие теории фразеологии и фразеологии, реализует новаторские концепции исследовательских лабораторий, научных коллективов и отдельных представителей научных школ, стремящихся к составлению концептоориентированных словарей лингвокультурологического типа.

Московская фразеологическая школа, которую долгие годы возглавляла В.Н. Телия, исследует семантику фразеологизмов «с учетом их образной мотивации и культурной коннотации» на материале русского и других национальных языков [Ковшова, 2011]. Первым результатом этой работы стал «Словарь образных выражений русского языка» под ред. В.Н. Телия [1995]. Объектом описания являются фразеологизмы, активно используемые в «обиходно-бытовом и общественно-политическом современном русском языке» [Словарь образных выражений русского языка, 1995, с. 6]. Словник составляет около 1000 единиц, включая лексические варианты.

«Большой фразеологический словарь русского языка» под ред. В.Н. Телия [2009] является концептоориентированным словарем лингвокультурологического типа. Всего в словаре зафиксировано 1500 образных выражений. Особенностью данного словаря является наличие культурологического комментария, который эксплицирует культурные смыслы, заложенные во фразеологических единицах.

По мнению авторов-составителей, фразеологизмы являются знаками языка и культуры и отражают «особенности русского менталитета» [Телия, 2009, с. 8].

Отдел экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН реализует словарные проекты, связанные с описанием идиоматики русского языка с использованием передовых компьютерных технологий. А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским создан «Фразеологический объяснительный словарь русского языка» [2009]. Он включает около 1000 идиом современного русского языка и около 2000 тысяч значений. От предшествующих фразеологических словарей его отличает словник, который не повторяет словники других фразеологических словарей; оригинальный иллюстративный материал, основанный как на анализе корпусов русских текстов, так и на индивидуальном отборе идиом из художественной и публицистической литературы.

Сотрудники Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б.А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета создают огромные картотеки и базы данных фразеологических единиц славянских, романских и германских языков и диалектов; исследуют семантику образных выражений, представляет их историю и этимологию, выявляют разнообразные трансформации фразеологизмов; составляют словари, описывающие фразеологические единицы в сопоставительном, историческом, этимологическом аспектах. Результатом этих исследований являются изданные словари А.К. Бириха, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко и др. В словаре А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи» [1997] представлены разнообразные трансформированные употребления фразеологических единиц, включены примеры индивидуально-авторских употреблений фразеологизмов. По мнению составителей словаря, это способствует фиксации реального речевого бытования фразеологизма, описанию его речевых потенций и особенностей его употребления в конкретном языке. Всего описано свыше 500 наиболее частотных фразеологизмов, представленных более чем в 6000 индивидуально-авторских модификациях. В «Словаре фразеологических синонимов русского языка» под ред. В.М. Мокиенко [2009]

описываются не только фразеологические единицы литературного языка, но и просторечные обороты, народные фразеологизмы, жаргонизмы. Всего около 8000 языковых единиц (950 синонимических рядов).

Новгородская фразеологическая школа, основанная профессором В.П. Жуковым, занимается сбором, систематизацией и описанием картотечной и электронной баз данных, включающих в себя фразеологизмы и пословично-поговорочные выражения современного русского литературного языка в различных его функционально-стилистических разновидностях. Теоретические разработки школы нашли воплощение в учебных пособиях, монографиях и словарях. «Словарь фразеологических синонимов русского языка» под ред. В.П. Жукова [1987] включает 730 синонимических рядов фразеологизмов современного русского языка, которые представлены в публицистике и текстах художественной литературы XIX–XXI вв.

Белгородская фразеологическая школа под руководством Н.Ф. Алефиренко в рамках научного направления «Когнитивно-семиологическая лингвокультурология» разрабатывает культурологические аспекты когнитивно-семиологической теории знаков вторичной номинации. Практическим результатом исследований этой школы стал когнитивно-культурологический «Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики» Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых [2008]. В словаре зафиксировано 365 фразеологизмов, содержащих элементы античной культуры, русские культурно-исторические реалии, прецедентные тексты из художественных текстов, Библии и др. Образные выражения описаны в лингвокультурологическом аспекте.

Особую группу словарей образных средств языка составляют **словари крылатых слов** – образных выражений, источником которых являются высказывания древних мудрецов, ученых, известных личностей; художественные произведения (литературные, кинематографические), песни; Библия. К числу таких лексикографических работ относятся «Большой словарь крылатых слов

русского языка» В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой [2000]. Он включает около 4 000 единиц. В «Самом полном словаре крылатых слов и выражений. Происхождение, толкование, применение» М.С. Галынского [2009] описано более 1500 выражений русского языка. Объектом лексикографирования являются устойчивые словосочетания, предложения, имена собственные, авторство которых известно или легко восстанавливается.

Паремиологические словари, описывающие пословицы и поговорки, также относятся к числу словарей фигуративной лексикографии. В «Словаре русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова [2000], впервые изданном в 1966 году, представлено около 1200 пословиц и поговорок русского языка, которые наиболее часто употребляются в публицистике и художественной литературе XIX–XX вв. При составлении данного словаря был решен ряд теоретических проблем, а именно: впервые сформулированы определения терминов «пословица» и «поговорка»; разграничены понятия «фразеологизм», «поговорка», «пословица»; разработана типология пословиц и поговорок по степени их смысловой мотивированности; систематизированы многочисленные варианты употребления пословиц и поговорок. Разработанные теоретические положения помещены в предисловие к словарю.

Историко-культурологический «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» В.И. Зимина [2008] включает более 22000 пословиц, поговорок, афоризмов, идиом, молвушек, присловий, приговорок, присказок, загадок, примет, дразнилок, считалок, наиболее часто употребляющихся в современном русском языке. Оригинальность данного словаря заключается в его макроструктуре. Лексикографируемые единицы распределены по тематическим группам, внутри которых языковой материал дается в форме небольших рассказов, сформулированных из пословиц, поговорок и других изречений, участвующих в раскрытии темы.

К словарям, описывающим образные слова и выражения, относятся и **словари устойчивых сравнений**. Одним из первых в отечественной и

зарубежной лексикографии является «Словарь устойчивых сравнений русского языка» В.М. Огольцева [2001]. В нем зафиксировано около 1500 наиболее употребительных сравнений. Объектом описания данного словаря являются общенародные (устойчивые) сравнения литературного употребления, являющиеся по происхождению фольклорными или книжными. Данный лексикографический труд составлен на основе специальной картотеки, в которую включено более 60 000 цитат из художественных произведений, мемуарных, эпистолярных и публицистических источников периода от А.С. Пушкина до наших дней.

Наиболее полным словарем устойчивых сравнений является «Большой словарь русских народных сравнений» В.М. Мокиенко [2008]. Он включает более 45 000 сравнительных оборотов. Источником материала являются диалектные и литературные словари русского языка, сборники пословиц и поговорок, записи живой разговорной речи, публицистика и художественная литература, поэтому в словаре зафиксированы литературно-книжные, публицистические, народные, диалектные, разговорно-просторечные, жаргонные образные сравнения.

Словарное описание **образной лексики** долгое время осуществлялось в рамках составления толковых словарей, так как вторичные образные номинации не вычленились как особый тип единиц лексикона. Системный подход к лексикографической параметризации языковой метафоры оформился в конце 80-х годов прошлого века и был представлен в работе Г.Н. Складневской «Языковая метафора в толковом словаре. Проблемы семантики» [Складневская, 1988].

О.И. Блиновой и Е.А. Юриной был издан «Словарь образных слов русского языка» [2007]. Объектом лексикографирования в данном словаре являются образные языковые метафоры и собственно образные слова – дериваты с метафорической внутренней формой. Всего описано более 1500 образных лексических единиц. Особенностью данного словаря является система помет культурологической характеристики образного языкового средства, которые описывают слова «с точки зрения того, чертами каких явлений окружающего мира

наделяются называемые этими языковыми средствами предметы и понятия» [Словарь образных слов русского языка, 2007, с. 12].

Впервые образная лексика и фразеология в их единстве были описаны на материале среднеобского диалекта в «Словаре образных слов и выражений сибирского говора» под ред. О.И. Блиновой (первое издание – 1997 г., второе издание – 2001 г.). Составители данного словаря с опорой на уже имеющиеся достижения в области лексикографирования языковых метафор в толковом словаре [Блинова, 1990; Шенделева (Юрина), 1998] разработали структуру словарной статьи с учетом специфики лексикографируемого материала: добавлены пометы культурологической характеристики образного языкового средства. Такое комплексное описание образного лексико-фразеологического и паремиологического фонда в его целостности обусловлено семантической общностью образов, выраженных в языковых единицах разного структурного типа. В словаре описаны языковые метафоры, образные сравнения, идиомы, пословицы и поговорки, свойственные среднеобскому диалекту. В этом случае критерием отбора толкуемых в словаре единиц выступает само свойство образности языкового средства, а не их структурная разновидность. Дифференциация осуществляется на основании наличия / отсутствия образности. Всего зафиксировано 3129 образных единиц, которые расположены в алфавитном порядке. Словарь описывает различные образные единицы как лексико-фразеологическую подсистему диалекта.

Образные слова и выражения художественной речи до 90-х годов прошлого века лексикографировались в авторских словарях как индивидуальные проявления художественного образа, а не как факт метафорической системы поэтической речи.

Впервые система образов художественной речи была представлена в «Словаре поэтических образов» Н.В. Павлович [1999]. В нем описаны парадигмы поэтических образов, которые употребляются разными поэтами и писателями на протяжении трех веков. Выявленные парадигмы поэтических образов, по мнению

Н.В. Павлович, потенциально открыты и могут использоваться для создания новых образов. Всего в словаре описано около 40 000 образов, представленных в поэтических текстах более 600 авторов.

В «Словаре языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.)» Н.Н. Ивановой и О.Е. Ивановой [2004] описаны «поэтические номинации, то есть сочетания слов и слова, имеющие в поэзии особый эстетический смысл, специфическую и экспрессивную нагруженность» [Иванова, 2004, с. 8]. Лексикографическому описанию и семантической классификации подверглись следующие типы единиц языка поэзии: описательно-метафорические сочетания, перифрастические сочетания, слова-символы. Всего в словаре зафиксировано более 45 000 образных слов и выражений.

Примером **словарного описания концептуального фрагмента образной системы языка**, выраженного языковыми и речевыми средствами образного характера, может служить «Словарь русской политической метафоры» А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова [1994]. Этот словарь отражает результаты исследований, выполненных в русле дескрипторной теории метафоры. Согласно этой теории, «метафорическая проекция представляет собой функцию отображения элементов области источника («область отправления») в элементы области цели («область прибытия») [Баранов, 2014, с. 33]. Фундаментальным свойством метафорических проекций является способность создавать «недискретное дискретными языковыми знаками» [Там же, с. 34]. Соответственно, сферы метафорических моделей описываются с помощью дескрипторов: область отправления представлена совокупностью «сигнификативных дескрипторов», а область прибытия – множеством «денотативных дескрипторов» [Там же, с. 36–37]. Такой подход к изучению метафор позволяет декодировать, автоматически обрабатывать, фиксировать в лексикографической форме массивы языкового материала, включающего многочисленные ситуации употребления метафор.

Объектом описания данного словаря являются метафорические номинации явлений политической сферы в публицистических текстах, распределенных в словаре по характеру общих и частных метафорических моделей. Отбор языкового материала в словарь обусловлен образным (метафорическим) характером номинаций представленной сферы внеязыковой действительности (сферы-мишени). В качестве источников для словаря были использованы материалы съездов народных депутатов, политические дискуссии, отраженные в средствах массовой информации.

Словарное описание единиц образной системы русского языка может быть сфокусировано на презентации языкового воплощения определенного культурного кода. Данная задача решается в лингвокультурологических словарях, таких как: Д.Б. Гудков, В.В. Красных и др. «Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь» [2004]; Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова «Телесный код русской культуры: материалы к словарю» [2007]; «Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов» [2014] под ред. Е.А. Юриной и др.

В словаре «Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь» [2004] представлены метафоры, прецедентные тексты, идиомы, описывающие функционирование образов животных в их языковых и текстовых репрезентациях. По мнению авторов данного словаря, любой культурный концепт имеет в языке зону образного выражения, которую фиксирует лингвокультурологический словарь, представляющий образную лексику, фразеологию, паремиологию, отражающую интерпретацию толкуемых концептов культуры. Данный словарь авторы определяют как словарь «фиксирующего типа», который описывает то, что реально «знает» практически любой социализированный представитель русского национального лингвокультурного сообщества [Русское культурное пространство, 2004, с. 9]. Источниками материала являются данные проведенных авторами экспериментов в форме анкетирования, исследований текстов СМИ и массовой литературы, которые

отражают реальное состояние дискурса русского «национально-лингвокультурного» сообщества [Русское культурное пространство, 2004, с. 10].

Лингвокультурологический словарь «Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов» под ред. Е.А. Юриной [2014] описывает систему образных слов и выражений, мотивированных наименованиями традиционных продуктов и блюд русской кухни. Образные средства языка образуют лексико-фразеологические гнезда, которые объединяют вторичные образные наименования, мотивированные наименованием явления гастрономической сферы. Особой ценностью данного словаря являются формулировка типовых образных представлений и лингвокультурологический комментарий [Русская пищевая традиция ... , 2014, с. 12–14].

Таким образом, корпус фигуративной лексикографии включает словари, описывающие образные средства языка, различного структурно-семантического типа. В словарях образных слов и выражений, вышедших за последние 25 лет, представлено многоаспектное описание лексикографируемых единиц. Они фиксируют образный словарный фонд русского национального языка в его различных функционально-стилистических и дискурсивных разновидностях, ориентируются на выявление и описание фоновых знаний, закрепленных за языковыми единицами.

1.3 Способы и приемы лексикографической параметризации фрагментов образной системы в словарях различного типа

В задачу лексикографов входит разработка способов оптимальной подачи образных, символических, экспрессивных, культурных коннотаций, разного рода ассоциаций, социокультурных стереотипов, закрепленных за семантикой образных средств языка; моделирования такой макро- и микроструктуры словаря, которая позволила бы полно, точно и лаконично описать языковой материал, а в

ряде случаев – представить системность описываемого фрагмента лексико-семантической системы.

Концептоориентированные словари образной лексики и фразеологии демонстрируют фрагменты образного строя языка как отображение концептуальной системы представлений о мире, свойственной представителям определенной лингвокультурной общности. В таких словарях раскрывается системность структурно-семантических отношений образных единиц языка, взаимосвязь и взаимообусловленность образной лексики и фразеологии, демонстрируются парадигмы базовых и частных метафорических моделей и типовые аналогии, на основании которых происходит уподобление объектов области-источника объектам области-мишени. Макроструктура концептоориентированных словарей лингвокультурологического типа реконструирует картину мира, вербализованную в образных лексических и фразеологических единицах языка и речи. В связи с этим авторы-составители разрабатывают особую макро- и микроструктуру словаря, которая отражает триединство языка, мышления и культуры.

Макроструктура словаря является самостоятельной системой с ее многочисленными внутренними связями и многоаспектной организацией. Она позволяет представить синонимические, антонимические, омонимические, паронимические и др. отношения словарных единиц, а также их внешние связи – семантические поля, образные лексико-фразеологические поля, тематические и лексико-семантические группы.

Существует два подхода к организации макроструктуры словаря: традиционное описание слов и выражений в алфавитном порядке и системное лексикографирование языкового материала. Алфавитный порядок подачи языкового материала в словаре не подходит для описания фрагмента образной системы языка. По мнению, Н.Ю. Шведовой, языковой материал, расположенный таким образом, «получает принципиально асистемное изображение» [Шведова, 2005, с. 418]. Системное представление образного строя языка требует особой

концептуальной структуризации языкового материала внутри словаря. Представим организацию макроструктуры нескольких концептоориентированных словарей образных слов и выражений.

Макроструктура «Словаря русских политических метафор» А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова [1994] представляет собой два самостоятельных, но взаимосвязанных раздела: «Метафорические модели политической реальности» и «Мир политики в зеркале метафор». В первой части словаря описываются метафорические модели, сферой-мишенью которых является «Политика», в качестве сфер-источников выступают «Геометрия», «Персонификация», «Строение», «Транспортное средство», «Путь». Например, работа союзного правительства уподобляется обязанностям надзирателя, будто административный орган выполняет функции сотрудника тюрьмы: наблюдение за заключенными и обеспечение безопасности. *Такой процесс в большей степени отражает реальные интересы республик, а не какого-то органа, который стоит над ними, как надзиратель. Россия тем более не нуждается в том, чтобы какой-то «дядя» управлял ее краями, областями* (Хасбулатов Р.). Понятие о США проецируется на представления о функциях жандарма и врача, например: *Конечно, наивно было бы думать, что в США государственные деятели – после Гренады и Панамы – в одночасье переродились, превратив Вашингтон из мирового жандарма в радателя всеобщей справедливости* (Тиссовский Ю.). *Есть в романе «Будденброки» Т. Манна персонаж – семейный врач. Чуть прихватывал кого-нибудь из большого семейства недуг, душевный или физический, – врач тут как тут со своим вечным универсальным рецептом: кусочек голубя и французская булочка <...>* (Флярковский В.) [Словарь русских политических метафор, 1994, с. 11, 13].

Вторая часть словаря содержит метафорические модели, сферой-источником которых выступает «Политика», то есть описывается метафоризация явлений политической жизни. Например, *И в том, и другом случае [выборы президентов СССР и РСФСР] основной сценарий готовится и разыгрывается*

глубоко за кулисами. Впрочем, на этом сходство заканчивается. Действие, разворачивающееся перед нами, на этот раз будет, пожалуй, посложнее: и персонажей больше, и массовые сцены масштабнее, и декорации цветистее (Бычкова О.) [Словарь русских политических метафор, 1994, с. 227].

Каждую словарную статью предваряет таблица из двух колонок, отражающая обобщенную информацию о метафорах, которые приводятся за ней. В первом разделе левая колонка включает понятия сферы-мишени, правая колонка – единицы сферы-источника. Например, перед словарной статьей «Виды идеологии» помещена следующая таблица:

| | |
|---|---|
| Антикоммунизм | соус / кетчуп, чёрное колесо |
| Антисталинизм | всплеск / волна, энергия |
| Западная идеология | другой берег |
| Интернационализм / космополитизм | гиря, древо, камень |
| Консерватизм | линия |
| Либерализм | двигатель, ярлык |
| Марксизм-Ленинизм / большевизм / коммунизм / социализмы | сверхъестественное существо (дьявол, порождение тьмы, призрак); болезнь > столбняк – чума; лицо > поводырь – судья – труп; вечная мерзлота. |

Во втором разделе левая колонка включает единицы сферы-источника, правая колонка – феномены сферы-мишени. В качестве примера приведем фрагмент таблицы перед словарной статьей «Политические лидеры и вожди»:

| | |
|------------------------|-----------------------|
| Значимость политика | калибр |
| Функция политика | роль; кораблевождение |
| Имидж политика | лицо; маска |
| Помощники политика | команда; свита, штаб |
| Конец карьеры политика | смерть; санаторий |

Словарная статья разделена на две части. Справа помещена серия метафорических моделей, в которых указываются единицы сферы-источника и сферы-мишени. Слева располагается иллюстративный материал, демонстрирующий реализацию политических метафор в речи. Всего в словаре представлено 9525 контекстов речевых употреблений. Стоит отметить, что в словарной статье отсутствуют толкования, какие-либо текстовые комментарии и пометы.

Такая внутренняя словарная организация позволяет в лексикографической форме представить систему метафорических моделей политической метафорики; комплексно описать образные единицы политики как сферы-источника для первого раздела и сферы-мишени для второго; исследовать политический дискурс и выявить тенденции его развития; эксплицировать «изменения в общественном сознании, отраженные в языковой структуре метафорического пространства»; реконструировать «фрагмент общественного сознания, транслируемого политической метафорой» [Словарь русских политических метафор, 1994, с. vii–viii].

Словарь «Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь» под ред. Д.Б. Гудкова, В.В. Красных и др. [2004] комплексно описывает зооморфные образы и связанные с ними прецедентные метафоры, имена собственные, высказывания, тексты. Представленные единицы вербализуют национальную когнитивную базу, понимаемую как «определенным образом структурированную совокупность знаний и национально маркированных и культурно детерминированных представлений, обязательных для всех представителей данного национально-лингво-культурного сообщества» [Русское культурное пространство, 2004, с. 11].

Макроструктура анализируемого словаря включает четыре самостоятельных раздела: «Имена», «Зооморфные образы», «Прецедентные тексты», «Прецедентные высказывания». Внутри раздела словарные статьи располагаются в алфавитном порядке (прецедентные высказывания и тексты определяются по

первому слову). Словарная статья представляет собой развернутую многоаспектную характеристику лексикографируемой единицы. Она начинается с краткого комментария: о зооморфном образе сообщается его место в пантеоне, культурный смысл и роль (стереотипный образ), дискурсивные функции. Затем дается более полная энциклопедическая справка: бытование феномена в традиционной народной культуре; стереотипный образ, стоящий за зоонимом; условия употребления в дискурсе и иллюстративный материал. В конце словарной статьи приводятся слова и выражения современного русского языка, которые метафорически, метонимически или ассоциативно связаны с исходным наименованием. В качестве примера рассмотрим словарную статью КУРИЦА с некоторыми сокращениями иллюстративного материала:

КУРИЦА – относится к числу типичных русских мифологических образов (1); выступает как стереотипный образ (2); может употребляться для характеристики человека (3).

1. В русской народной культуре К. олицетворяет собой женское начало. Образ К. неоднозначен. С одной стороны, она выступает как предвестница несчастья, а с другой – как символ плодородия, любви и брачного союза. К. встречается в русских сказках («*Курочка Ряба*») и в обрядовом фольклоре, свадебном и календарном, в частности – в гаданиях.

2. К. глупа, суетлива, постоянно занята мелочными заботами о своей семье. К. издает характерные звуки (*кудахчет*).

3. Современные русские могут называть **курицей** или обращаться к образу К. для характеристики:

глупого и бестолкового человека, обычно – женщины (*куриный ум, куриные мозги*): *Дядя Сандро был прав, говоря, что все женщины, за редким исключением, глупы как курицы* (Караван историй, 2000). – *Когда она тебя сдавала, о чем думали ее куриные мозги?* (Ф. Незнанский, Сибирский спрут).

человека, как правило, женщины, полностью погруженной в домашние проблемы, мелочно и навязчиво опекающей своих детей (в этом случае вместо

слова *курица* может употребляться и его синоним *наседка*): *Несмотря на то, что в течение двенадцати с половиной лет, прошедших после окончания юридического факультета, она не работала в правоохранительной системе ни одного дня, хватка у нее осталась. По крайней мере, она не превратилась в курицу, что очень часто случается с женщинами, которые забрасывают свою основную специальность ради семьи и детей* (А. Маринина, Шестерки умирают первыми). *А Лора сказала, что не хочет связывать себя брачными узами и превращаться в **наседку*** (Караван историй, 2001).

человека (как правило, женщины), неспособного стоять за себя, теряющегося в трудных ситуациях: – *Да что ты, миленькая, неужели я произвожу впечатление беззащитной **курицы**? Ты же меня знаешь не первый год. Не волнуйся, я умею себя защищать* (А. Маринина, Я умер вчера).

В современном русском языке есть ряд слов и выражений, связанных с **курицей**.

Кудахтать (раскудахтаться) – говорить глупости, вести бессмысленные, пустые разговоры, суетиться. *Вам что, говорить больше не о чем? Вам-то до него какое дело? Что вы **раскудахтались**? Он что вам, родственник?* (Ф. Незнанский. Сибирский спрут). *Мои вчерашние излияния по этому поводу были смехотворны: **кудахтанье** перепуганной птицы* (Б. Акунин, Любовница смерти).

Как курица лапой [писать] – обладать плохим почерком, неразборчивым и некрасивым. *С утра только и делаем, что письма некой особы читаем... Ишь накарябала – как **курица лапой**. Видно, торопилась очень* (Б. Акунин, Пелагея и Черный монах).

Курам на смех – нелепо, странно; имеется в виду, что нечто выглядит смешным даже для такого глупого существа, как курица. *В чем только Савинков не обвинялся: и последовательный враг беднейшего крестьянства; и «помогал российской буржуазии осуществлять империалистические стремления»...; и уж вовсе **курам на смех** – имел «монархические симпатии»* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ). *Налет на чужое жилище, вломились, распорядились и все*

время подхлестывали себя спешкой, чтобы не видеть, что это не жизнь, а театральная постановка, не всерьез, а «нарочно», как говорят дети, кукольная комедия, курам на смех (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

Мокрая курица – человек, выглядящий или ведущий себя жалко и / или нелепо. *Это сейчас он ходит мокрой курицей, а видели бы вы Эразма прежним! Пламень! Аравийский ураган!* (Б. Акунин, Турецкий гамбит). – *Чиж – индейский петух, пока тихо, а стоит показаться японцам – мигом превращается в мокрую курицу* (А. Степанов, Порт Артур) [Русское культурное пространство, 2004, с. 107–108].

Представленная структура словаря в целом и отдельных словарных статей направлена на 1) системную реконструкцию фрагмента русского культурного пространства; 2) экспликацию национальных и культурных коннотаций, закрепленных за семантикой зоонимов, прецедентных имен, высказываний и текстов, объединенных общим концептуальным образом; 3) репрезентацию типовых представлений, реализующих метафорические или метонимические модели; 4) системное описание образных слов и выражений, зафиксированных в разделе «Зооморфные образы»; 5) выявление стереотипных образов, транслируемых зоонимами и прецедентными именами.

Парадигмы метафорических моделей, вербализованных в поэтических текстах, описаны в «Словаре поэтических образов» Н.В. Павлович [1999]. В основе концепции данного лексикографического труда лежит «идея о том, что каждый образ существует в языке не сам по себе, а в ряду других – внешне, возможно, различных, но в глубинном смысле сходных образов – и вместе с ними реализует некий общий для них смысловой инвариант, то есть модель, или парадигму» [Словарь поэтических образов, 1999, с. XXIX]. Эта концепция отражена на уровне макроструктуры словаря. Он состоит из 23 больших разделов, которые включают более мелкие рубрики, например, раздел «Еда и напитки» содержит рубрики «Еда», «Вино», «Жир», «Икра», «Колбаса», «Мед», «Молоко», «Мука» и др. В каждой словарной части собраны образные фрагменты

поэтических текстов, описывающих то, что стоит в заглавии раздела: в разделе «Еда и напитки» представлены образные слова и выражения, мотивированные наименованиями продуктов, блюд и напитков, которые зафиксированы в поэтических текстах. Парадигмы внутри рубрик расположены с учетом количества поэтических номинаций (от более частотных к менее распространенным) и смыслового содержания (от конкретных понятий к абстрактным). В словарных статьях отсутствует толкование образных лексических и фразеологических средств, так как метафорические модели и иллюстративный материал проясняют значение описываемых единиц. В качестве примера рассмотрим рубрику «Еда» из раздела «Еда и напитки»:

Еда

Еда → существо

Еда → человек

Щи, каша – мать; гречневая каша – мать; щи, каша – кормилица

Щи да каша – мать наша. Щи да каша – кормилицы наши. Гречневая каша – мать наша. Мать наша – гречневая каша: не перцу чета, не прорвет живота.

Щи – добрые люди

Щи – добрые люди. Щи всему голова.

Еда → мир

Еда – Альпы; мороженое – молочные Альпы

«Мороженно!» Солнце. Воздушный бисквит. / Прозрачный стакан с ледяною водою. / И в мир шоколада с румяной зарею, / В молочные Альпы, мечтанье летит. (Мандельштам). <...> и Альпы громоздятся на столе, / и, как орел, парит в ущельях муха. (Бродский).

Вулканы картофельного пюре

<...> лунные вулканы картофельного пюре (Набоков).

Равнина салата

Не умея сдержатъ вытекающий сок, / над равниной салата и прочей едой (Вершин).

Постное масло – пески аравийских пустынь; масло в каше – острова в море; масляная Атлантида

Жир – облако; ветчина и жир – солнце и облака

Сахарный песок – пустыня

Ломоть каравая – берег Волги; хлеб – бугор между гор

Буханка хлеба – храм; хлебов опара – хлебные Софии поднимают купола; торты – Москва о Кремле леденцов; тысячелетняя архитектура бублика; пирожное-пагода

Еда → орган

Кондитерская перхоть

Бока присыпаны мелкой кондитерской перхотью [на торте] (Толстая).

Еда → орудие

Бифштекс – ножницы

Пусть будет так, / чтоб каждый проглоченный / глоток / желудок жег! / Чтоб ножницами оборачивался бифштекс сочный, / вспарывая стенки кишок! (Маяковский) [Словарь поэтических образов, 1999, с. 771].

Структура данного словаря наглядно демонстрирует систему поэтических номинаций как часть образного строя русского языка. Подробная рубрикация репрезентирует базовые и частные метафорические модели. Их выделение позволяет 1) эксплицировать основные аналогии, в соответствии с которыми происходит уподобление одних явлений другим; 2) систематизировать понятия сферы-источника и сферы-мишени; 3) представить языковые единицы, которые являются как исходными мотивирующими, так и вторичными, образными; 4) выявить номинации, которые метафорически переосмысливаются в поэтических текстах; 5) описать речевые трансформации образных слов и выражений. Порядок представления парадигм образов отражает частотность использования метафорических номинаций в поэзии. Семантизация поэтических образов и иллюстрация контекстами из художественных текстов способствует выявлению динамики, актуальности и востребованности парадигмы образов в

русской словесности. Представленный в лексикографической форме анализ языкового материала позволяет реконструировать фрагмент поэтической картины мира.

Совокупность парадигм образов отражает художественную картину мира, вербализованную образными средствами языка в текстах художественных произведений. З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют художественную картину мира как «вторичную, опосредованную картину мира, причем она опосредована дважды – языком и индивидуально-авторской концептуальной картиной мира» [Попова, 2002, с. 8]. В «Словаре поэтических образов» Н.В. Павлович [1999] художественная картина мира реконструируется посредством особой макроструктуры. Она описывает сферы-мишени, явления которых метафорически переосмыслены и вербализованы в поэтических текстах.

В «Словаре языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.)» Н.Н. Ивановой и О.Е. Ивановой [2004] описана системная организация поэтических образов, выявленная при семантическом анализе поэтического текста. На уровне макроструктуры словаря она отображена в синтагматических и парадигматических рядах. Лексикографически система поэтических номинаций представлена через денотативные множества, которые формируются по принципу соотнесения лексических и фразеологических номинаций с определенным отрезком внеязыковой действительности, то есть поэтические образные слова и выражения формируют группы на основании общей результирующей референтной сферы. Эти группы имеют обобщающее нейтральное наименование, которое в общем списке дается в форме именительного падежа, а в словарной статье – в форме предложного падежа с предлогом «о», например, *о боге, о винограде, о фруктах, ягодах* и др.

Системность образных средств поэтического языка продемонстрирована и в структуре развернутой словарной статьи, которая состоит из двух частей: списочной и иллюстративной. Списочная часть включает образные парадигмы, то есть семантически связанные опорные образные слова или выражения (лексико-

фразеологические ряды), которые развивают однонаправленную ассоциацию. Вторая часть содержит необходимые примеры для иллюстрации фактической реализации в поэтических текстах лексических и фразеологических единиц образных парадигм, приведенных в первой части словарной статьи. В качестве примера рассмотрим словарную статью «О винограде»:

О ВИНОГРАДЕ

| | |
|--|--|
| <p>1. Олтарь божества (ЗБобр. 79); жертвенники Вакха роскошные (ЗБобр. 79); 2. Жезл Вакхов (ЗБобр. 79); 3. Лоза азийская (1Ходас. 37), лозы Вакха огнистые (Кат. 184), ~ Вакховы (2Мерзл. 134), ~ винные (2Волош. 78); 4. Вино первейшее (Язык. 515); 5. Дары Бахуса пышные (Язык. 263), ~ Вакховы (Бат. 78, 3Давыд. 75); 6. Плод Вакха багряный (1Мерзл. П 213), ~ лоз Вакха румяный, сочный, вкусный (Кат. 184), плоды Вакховы (ЗБобр. 79), ~ Вакховы червлены (ЗБобр. 76),</p> | <p>~ душисты (Вакха) (ЗБобр. 79); 7. Дитя долины (Пушк. вар. П 871); переселенец новый (Пушк. П 220); питомец южных стран (2В.Туман. 162); сын юга (Пушк. П 220); 8. Жемчужина Востока (о кишмише – 2Ходас. 258); рубины винных лоз (2Волош. 78); янтарь (Пушк. П 190), ~ [в ср. с как] (Капн. 419); 9. Краса долины (Пушк. П 342); надежда и услада осени (1В.Туман. 85); отрада осени (Пушк. П 342); 10. Море винограда зеленое (2Бенед. 185);</p> |
|--|--|

1. Везде встречались *олтари* / Сего румяна *божества* (Бобр, Херсониды); Я зрел, – так, – я повсюду зрел / *Роскошны жертвенники Вакха* (Бобр., Херсониды);

2. Но в сих местах, в сих землелогах, / Где дикая природа сплет, / Красуется *жезл Вакхов* в силе (Бобр., Херсониды);

3. Как волшебник, прихожу я / Сквозь весеннюю грозу. / Благосклонно приношу я / Вам *азийскую лозу* (Ходас., Вакх);

4. Иванова гора, достойно почтена / Всех выше славою: на ней растет и зреет / *Вино первейшее*, пред тем вином бледнеет / Краса всех прочих вин (Язык., Иоганнисберг);

5. Мы *Вакховых даров* / Потянем сок избранный! (Давыд., Другу-повесе);

6. Везде растут; везде пьют луч / *Червлены Вакховы плоды* (Бобр., Херсонида);

7. *Дитя* моей долины злачной (Пушк., вар., Виноград); На скифских берегах *переселенец новый*, / *Сын юга*, виноград блистает пурпуровый (Пушк., К Овидию); ..мысль моя в тот край перелетает, / Где небо, как любовь, приветливо сияет; / Где вьется виноград, *питомец южных стран* (В.Туман., Одесским друзьям);

8. Кишмиш, кишмиш! *Жемчужинаа Востока!* / Перед тобой ничто – рахат-лукум (Ходас., Кишмиш); Дымится кровь огнем багровым, / *Рубины рдеют винных лоз* (Волош., Лиловые лучи); *Янтарь* висит на лозах винограда (Пушк., Кто видел край.);

9. Мне мил и виноград на лозах, / В кистях созревший под горой, / *Краса* моей долины злачной, / *Отрада осени* золотой, / Продолговатый и прозрачный, / Как персты девы молодой (Пушк., Виноград); Здесь, тихой *осени надежда* и *услада*, / Холмы увенчаны кистями винограда (В.Туман., Одесса);

10. Слилось, лазурное, оно / *С зеленым морем винограда* (Бенед., В Крыму, 1) [Словарь языка поэзии, 2004, с. 71].

Описанная макро- и микроструктура «Словаря языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.)» Н.Н. Ивановой и О.Е. Ивановой [2004] способствует многоаспектной репрезентации системы поэтических номинаций. На языковом уровне представлены особенности образных поэтических средств: сочетаемость поэтических номинаций; наличие грамматических разновидностей образных словосочетаний и синонимических иносказательных средств для обозначения одного денотата. В когнитивно-дискурсивном аспекте показаны основные ассоциативные линии, по которым происходит уподобление одних явлений действительности другим;

репрезентирована специфика дискурсивных реализаций через описание трансформаций образных поэтических средств, допускающих лексические варианты с тем же опорным словом; продемонстрирована динамика употребления поэтических номинаций, их частотность в художественных текстах конца XVIII – начала XX в., отображены предпочтения отдельных авторов в обозначении различных денотатов. Наконец, представлены феномены окружающей действительности, вербализованные в образных словах и выражениях художественной речи, которые имеют важное значение для поэтической картины мира.

В описанных концептоориентированных словарях образных средств языка и поэтической речи организация макроструктуры подчинена задаче реконструкции фрагмента картины мира, вербализованной образными средствами языка. Разделы и рубрики словарей отражают понятийные сферы и тематические области концептуальной системы мира. Концептуальная система координат выстраивается как вокруг образов исходной сферы-донора, так и образов результирующих сфер-мишеней.

1.4 Принципы фигуративной лексикографии

Анализ корпуса словарей фигуративной лексикографии показал, что в процессе словарного описания образных лексических и фразеологических единиц был выработан ряд принципов, которые до последнего времени не получили теоретического осмысления и системного представления. В данном диссертационном исследовании формулируются, уточняются и дополняются принципы фигуративной лексикографии, к числу которых можно отнести следующие:

1. Принцип словарной презентации вторичных образных значений.

На основании данного принципа определяются границы объекта лексикографирования, в качестве которого выступают слова и выражения,

обладающие вторичными образными значениями метафорического, символического, перифрастического, иносказательного характера. Данный принцип реализуется в фразеологических словарях, словарях образных слов и выражений, устойчивых сравнений, крылатых слов и перифраз, пословиц и поговорок.

В некоторых словарях при отборе языковых единиц учитывается тематика образного основания: для «Словаря устойчивых сравнений русского языка» В.М. Огольцева [2001] были отобраны сравнения, имеющие антонимы и синонимы, а также наиболее употребительные обороты, не входящие в синонимо-антонимические ряды. В словаре Д.Б. Гудкова, М.Л. Ковшовой «Телесный код русской культуры: материалы к словарю» [2007] объектом лексикографирования являются соматические фразеологизмы. В «Большом фразеологическом словаре русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под ред. В.Н. Телия [2009] толкуемые фразеологические единицы распределены в соответствии с семантикой выделенных авторами полей наивно-языковой картины мира, включающие в себя многообразие «кодов культуры».

2. Принцип целостности и системности описания фрагмента образного строя русского языка.

Разрабатываются различные способы лексикографического представления фрагмента образной системы. На уровне макроструктуры словаря предлагается систематизация образных языковых единиц по тематическим рубрикам, семантическим сферам, гнездовому принципу, ключевому слову фразеологизма и т. п. На уровне микроструктуры вводятся дополнительные компоненты в структуру словарной статьи, например, изъяснение мотивирующего основания, презентация речевой трансформации, лингвокультурологические комментарии и др. Это позволяет представить все многообразие информации, необходимой для точной и полной интерпретации лингвистических и экстралингвистических особенностей образной лексики и фразеологии.

Например, в «Словаре образных слов и выражений сибирского говора» под ред. О.И. Блиновой [2001] представлена образная лексика и фразеология. Это демонстрирует многообразие вторичных образных номинаций, транслирующих один образ, и репрезентирует их семантическое единство. В «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX – XX вв.» [Вып. 1, 2000; Вып. 2, 2010; Вып. 3, 2015] Н.А. Кожевниковой и З.Ю. Петровой включены метафоры, метафорические дериваты, сравнения. Это способствует презентации системы образных средств русской литературы «в ее связи с поэтической картиной мира и эволюцию этой системы» [Кожевникова, 2000, с. 6].

3. Принцип экспликации мотивирующего компонента образной единицы.

Образное основание формирует важнейшую часть семантики. Его изъяснение используется для толкования значения лексикографируемой единицы, раскрытия глубинной семантики и характера образной аналогии, выявления метафорических моделей, выводимых из семантики образных единиц (О.И. Блинова, М.Л. Ковшова, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия, Е.А. Юрина и др.). Экспликация внутренней формы образных слов и выражений репрезентирует особенности употребления образных единиц, их сочетаемость.

Например, словарь «Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь» под ред. Д.Б. Гудкова, В.В. Красных и др. [2004] содержит описание стереотипного образа, который стоит за зоонимом. Этот образ является мотивирующим основанием для последующих вторичных образных номинаций. В «Словаре образных слов русского языка» О.И. Блиновой и Е.А. Юриной [2007] представлено изъяснение мотивирующего основания образной номинации. В словаре Д.Б. Гудкова и М.Л. Ковшовой «Телесный код русской культуры: материалы к словарю» [2007] внутренняя форма фразеологизма раскрывается в подробном лингвокультурологическом комментарии, который дается к лексикографируемому образному выражению.

Во «Фразеологическом объяснительном словаре русского языка» А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского [2009] поясняется образный компонент в той степени, в которой влияет на актуальное значение и позволяет реконструировать сам образ. В «Большом фразеологическом словаре русского языка: Значение, употребление, культурологический комментарий» под ред. В.Н. Телия [2009] интерпретация мотивирующего основания фразеологизма включена в культурологический комментарий. По мнению авторов, экспликация образного компонента необходима для комплексного описания фразеологической единицы как знака языка и культуры.

4. Принцип экспликации закрепленных за образными словами и выражениями экспрессивных и эмотивных коннотаций.

Реализация данного принципа позволяет показать основные функционально-стилистические и семантические особенности, характерные для образных единиц.

Традиционно в словарях используются эмоционально-оценочные и экспрессивные пометы. Например, *Бран.* – бранное, *Ирон.* – ироническое, *Ласк.* – ласкательное и др. Словарная статья в словаре «Русская фразеология: Словарь-справочник» Р.И. Яранцева [1997] помимо краткого комментария, описывающего эмоционально-оценочную окраску образной единицы, включает указание на возможную жестикуляцию, которая сопровождает произнесение фразеологизма.

Авторы «Большого фразеологического словаря русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под ред. В.Н. Телия [2009] отказались от помет и выделили формулировку эмоционально-оценочного отношения говорящего, транслируемого фразеологизмом, в отдельную подзону словарной статьи. В зонах толкований и иллюстраций обозначены грамматические и стилистические запреты на высказывания о третьем лице, собеседнике или самом говорящем. Это позволяет более полно и точно представить семантику образных выражений.

5. Принцип отражения культурного содержания.

Прояснение культурно-символического содержания (обрядово-ритуальный, мифологический, сакральный смыслы; общекультурные сведения) дает возможность для более глубокого семантического анализа образных слов и выражений. За вторичными образными номинациями закрепляются культурный фон и культурная коннотация, которые способствуют погружению в пространство культуры: при употреблении образных слов и выражений носителем языка осознается не только образ, лежащий в основе таких единиц языка, но и культурная информация, ассоциативно связанная с образом.

На практике этот принцип реализуется в форме лингвокультурологического комментария (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, М.Л. Ковшова, В.Н. Телия, Е.А. Юрина и др.) или культурно-исторической справки (В.И. Зимин, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко и др.). Например, в словарной статье словаря А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи» [1997] дается историко-этимологический комментарий. В нем описывается исходная мотивировка фразеологизма как источника всех зафиксированных позднейших трансформаций. «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» В.И. Зиминой [2008] содержит исторические и лингвострановедческие комментарии, этимологические справки для разъяснения непонятных слов, историзмов и диалектизмов.

В словаре «Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь» под. ред. Д.Б. Гудкова, В.В. Красных и др. [2004] каждая словарная статья, фиксирующая зооним или прецедентное имя, начинается с лингвокультурологического комментария. В нем описывается место персонажа или предмета в мифологическом пантеоне и стереотипный образ, который за ним стоит. В словаре Д.Б. Гудкова и М.Л. Ковшовой «Телесный код русской культуры: материалы к словарю» [2007] толкование и интерпретация фразеологизмов с соматическим компонентом дается через лингвокультурологическое описание. По мнению авторов словаря, фразеологизм помимо собственно языкового значения

обладает культурной семантикой, или культурной коннотацией, которая «эксплицируется в процессе интерпретации образно-мотивационного компонента, создавая таким образом культурный смысл языкового знака» [Гудков, 2007, с. 101].

Фразеологизмы в «Большом фразеологическом словаре русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под ред. В.Н. Телия [2009] рассматриваются как знаки языка культуры, поэтому в словарную статью введен лингвокультурологический комментарий. В нем определяется роль фразеологизма, которую он выполняет в концептосфере культуры. Лингвокультурологический подход позволил составителям системно представить фразеологические единицы с соматическим компонентом, выявить их образные основания; соотнести образ фразеологизма с древнейшими пластами культуры, фольклорно-литературными источниками, кодами культуры, видами тропов; определить роль фразеологизма как знака языка культуры.

Практически все словари, интерпретирующие в лексикографической форме образный лексический и фразеологический фонд, являются лингвокультурологическими либо по цели толкования, либо по возможности использования их в качестве источника лингвокультурологических исследований.

6. Принцип ориентации на функционирование образных средств языка в речи, учет речевого узуса.

Словарное описание образных слов и выражений, широко распространенных в современном русском языке и его подсистемах, отражает актуальное состояние общеязыковой образной системы с учетом ее вербализации в речи представителей русской лингвокультуры. Использование текстов современной художественной литературы, средств массовой информации и массовой коммуникации и др. в качестве иллюстративного материала позволяет более полно толковать образные единицы, выявлять разнообразные смысловые оттенки, возможные трансформации и выделять ситуации употребления образных слов и выражений.

Например, в словаре А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи» [1997] представлены разнообразные трансформированные употребления фразеологических единиц, включены индивидуально-авторские употребления фразеологизмов. Иллюстративный материал в «Словаре устойчивых сравнений русского языка» В.М. Огольцева [2001] отражает варианты, факультативные и подвижные компоненты и диапазон объектов речевого приложения сравнений. Авторы словаря «Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь» под ред. Д.Б. Гудкова, В.В. Красных и др. [2004] при отборе языкового и иллюстративного материала ориентировались на реальное речевое употребление образных слов и выражений носителями русского языка.

7. Принцип концептуальной организации макроструктуры словаря.

Двуплановый метафорический характер семантики образной лексики и фразеологии диктует необходимость такого расположения материала в словаре, которое отражает структурно-семантические связи единиц и единство метафорического образа. Это обусловлено тем, что образные вторичные номинации системой своих значений транслируют типовые образные представления носителей языка. Концептуальная организация этих слов и выражений позволяет реконструировать фрагмент языковой картины мира.

Например, в учебном словаре-справочнике «Русская фразеология» Р.И. Яранцева [1997] материал распределен по тематико-ситуационным группам на основании общей для фразеологизмов семантической доминанты, поэтому одна и та же фразеологическая единица может быть включена в разные тематические разделы в зависимости от ситуации употребления. «Словарь поэтических образов» Н.В. Павлович [1999] состоит из 23 больших тематических разделов, каждый из которых включает более мелкие рубрики. Такая макроструктура словаря отражает систему поэтических образов. В «Словаре устойчивых сравнений русского языка» В.М. Огольцева [2001] принят алфавитно-гнездовой

принцип подачи материала. Гнездо включает образные сравнения, объединенные общим субъектом сравнения, а уже гнезда располагаются в алфавитном порядке.

Разделы лингвокультурологического словаря «Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь» под ред. Д.Б. Гудкова, В.В. Красных и др. [2004] отражают представление авторов о фрагменте национального культурного пространства. В разделах словарные статьи располагаются в алфавитном порядке и включают лингвокультурологический комментарий, парадигму образных единиц с толкованиями значений и иллюстративным материалом. «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» В.И. Зимина [2008] состоит из 47 глав, организованных по тематическому принципу. Сам материал представлен как рассказ-объяснение, как диалог с читателем, комментарии к которому дает автор. В «Большом фразеологическом словаре русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий» [2009] под ред. В.Н. Телия фразеологизмы сгруппированы в образно-смысловые гнезда, внутри которых образные выражения расположены в алфавитном порядке. Это объясняется тем, что фразеологизмы вне словарной презентации образуют семантические гнезда.

Представленные принципы фигуративной лексикографии в разной степени были реализованы при создании словарей образных слов и выражений. Принцип словарной презентации вторичных образных значений реализуется во всех лексикографических работах данного направления. Это обусловлено тем, что авторами-составителями словарей учитывается структурный характер образной единицы и тематика образного основания. Принцип экспликации мотивирующего компонента образной единицы осуществлен в нескольких словарях, которые можно считать ядром фигуративной лексикографии. Это связано с тем, что раскрытие образного основания лексикографируемых единиц – задача трудоемкая, но необходимая для выявления метафорических моделей и дальнейшей формулировки типовых образных представлений. Раскрытие культурного содержания образных вторичных номинаций позволяет лексикографически

описать их не только как единицы языка, но и как знаки культуры, транслирующие знания, представления, стереотипы носителей русского языка. Концептуальная организация макроструктуры словаря необходима для комплексного описания и наглядного представления системности образного строя языка. Таким образом, реализованные в лексикографической практике принципы фигуративной лексикографии позволяют комплексно репрезентировать образные слова и выражения как феномен русского языка, эксплицировать механизмы мышления и сознания личности, реконструировать языковую картину мира представителей лингвокультурной общности.

Выводы по главе 1

1. Фигуративная лексикография является отдельным направлением отечественной лексикографии, которое связано с составлением и изучением словарей образных слов и выражений языка и поэтической речи. Выделение этого направления подтверждается количеством словарей (131), описывающих вторичные образные номинации, а также особыми способами и приемами лексикографической презентации языковых единиц на уровне макро- и микроструктуры словаря.

2. Корпус фигуративной лексикографии включает фразеологические словари, словари образных слов и выражений, образных сравнений, перифраз, крылатых слов, пословиц и поговорок, поэтическую и лингвокультурологическую лексикографию, описывающую образное воплощение концептов и культурных кодов в языке. Составители словарей описывают поэтические (А.И. Васильев, А.Л. Голованевский, Н.В. Павлович и др.), дискурсивные (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов) и языковые метафоры (Г.Н. Складарская и др.), фразеологический состав языка (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, А.В. Жуков, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия и др.), пословицы, поговорки и крылатые фразы (Л.П.

Дядечко, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова и др.), прецедентные феномены, образы и символы (Д.Б. Гудков, В.В. Красных и др.).

3. Объект словарного описания предопределяет организацию макро- и микроструктуры словаря. На уровне макроструктуры словаря образные слова и выражения систематизируются по идеографическому принципу. Микроструктура словаря образных слов и выражений отличается способами и приемами семантизации толкуемых языковых единиц (экспликация образного основания, культурной коннотации и символических смыслов) и структурой словарной статьи.

4. При составлении концептоориентированных словарей реализуются принципы фигуративной лексикографии: 1) словарной презентации вторичных образных значений, 2) целостности и системности описания фрагмента образного строя русского языка, 3) экспликации мотивирующего компонента образной единицы, 4) экспликации закрепленных за образными словами и выражениями экспрессивных и эмотивных коннотаций, 5) отражения культурного содержания, 6) ориентации на функционирование образных средств языка в речи, учет речевого узуса, 7) концептуальной организации макроструктуры словаря.

2 Реализация принципов фигуративной лексикографии на уровне макроструктуры и словника «Словаря русской пищевой метафоры»

2.1 Принципы формирования словника

2.1.1 Критерии отбора языковых единиц

Объектом описания в четырехтомном «Словаре русской пищевой метафоры» являются образные слова и выражения, воплощающие пищевой код культуры. При составлении словника образных лексических и фразеологических единиц языка учитываются системные, антропологические и функциональные критерии [Блинова, 1983, 1997, 2010; Юрина, 2004, 2005, 2010, 2012; Блинова, Юрина, 2008].

К числу системных критериев, в основе которых лежат структурно-семантические особенности и системные связи образных слов и выражений, относятся:

1. Мотивированность образного средства языка наименованиями явлений гастрономической сферы, что обнаруживается в смысловой и структурной связи исходной мотивирующей лексической единицы и образно мотивированного слова или выражения.

Например, языковая метафора *донечь* ‘вывести из терпения, из равновесия, доставляя неприятности, не давая покоя, досажая чем-л.’ мотивирована исходным лексико-семантическим вариантом лексемы *печь* ‘приготавливать пищу сухим способом без жиров и жидкости, обогреть со всех сторон’. Собственно образное слово *обстряпать* ‘выгодно устроить, уладить какое-л. дело, чаще не вполне законное’ мотивировано исходным значением слова *стряпать* ‘готовить кушанье, изготавливать кулинарные изделия’. Образные значения устойчивого сравнения *как мука* 1) ‘о чем-л. рассыпчатым, порошкообразным, напоминающим по структуре муку’, 2) ‘о чем-л. бледного, серовато-белого цвета’ мотивированы

исходным значением слова *мука* ‘рассыпчатый продукт питания белого цвета, получаемый путём перемалывания зёрен различных культур, измельчённых до порошкообразного состояния’ и др.

2. Наличие метафорической внутренней формы образного слова или выражения. О.И. Блинова определяет внутреннюю форму слова как «морфо-семантическую структура слова, позволяющую объяснить связь его звучания и значения» [Блинова, 2010, с. 28–29]. В данном исследовании, вслед за Е.А. Юриной, внутренняя форма языковой единицы понимается как «её морфо-семантическая (для слов) или лексико-синтаксическая (для фразеологизмов) структура, позволяющая объяснить связь звучания и значения посредством соотнесенности с мотивирующими единицами. Внутренняя форма транслирует мотивировочный признак номинации, метафорически (шире – фигурально, иносказательно) выраженный в образных средствах языка» [Юрина, 2013, с. 21]. Образные лексические и фразеологические языковые единицы обладают метафорической внутренней формой, которая отражает представления о называемых явлениях через уподобление явлениям других понятийных сфер [Мелерович, 1997, с. 19–20; Юрина, 2005, с. 24–26; 2012, с. 129–144; Блинова, 2010, с. 27–30]. Более абстрактные феномены осмысливаются по образу и подобию эмпирически познаваемых предметов, свойств, качеств, действий, процессов. Лексикографическим средством фиксации внутренней формы слова или выражения могут служить толкования значений образных слов и выражений, включающие изъяснение мотивирующих компонентов семантики, которые транслируются внутренней формой. Например, образное устойчивое сравнение *как апельсин* ‘о чем-л. насыщенного глянцевого оранжевого цвета, подобного цвету кожуры апельсина’, собственно образное слово *зернёный* ‘состоящий из мелких округлых частиц, будто из зёрен’ и др.

3. Наличие семантической двуплановости.

Особенностью семантики образных лексических и фразеологических средств языка является её двуплановый характер: значение включает как

предметно-понятийное содержание, так и ассоциативной-образный смысл, который транслируется внутренней формой слова или выражения [Блинова, 1993; Скляревская, 1993; Юрина, 1994 и др.]. Например, толкование значения образного выражения *разводить на бобах* ‘вводить в заблуждение, обманывать, словно гадая на бобах’ содержит мотивировочный способ изъяснения ассоциативно-образного компонента значения ‘словно гадая на бобах’.

4. Наличие структурно-семантических и концептуальных связей между образными средствами языка различной структуры, которые объединены общностью транслируемых типовых представлений.

Образные слова и выражения, мотивированные одной исходной лексической единицей и транслирующие серию типовых для русской лингвокультуры представлений, формируют мотивационно-образную парадигму [Юрина, 2005]. Совокупность образных средств языка различных структурно-семантических разрядов в пределах парадигмы демонстрирует единство исходного образа, лежащего в основе метафорических номинаций.

Например, образ *дрожжей* воплощается во внутренней форме образных языковых единиц, мотивированных исходным значением *дрожжи* ‘микроскопические грибки, вызывающие брожение’: *дрожжи* ‘то, что является источником бурного развития, причиной изменения’, *взойти как дрожжи* ‘быстро увеличиться, стремительно развиться’, *пухнуть как на дрожжах* ‘стремительно толстеть (о человеке)’, *расти, как на дрожжах* ‘быстро увеличиваться, стремительно развиваться’.

Наименование *есть* в исходном значении ‘поглощать пищу, питаться чем-л.’ является мотивирующим для 124 образных слов и выражений (и их лексико-семантических вариантов). Совокупность вторичных образных номинаций образует глагольную мотивационно-образную парадигму. Так, ситуация разрушения предметов или тела человека образно характеризуется посредством языковых метафор: *есть / съест / съедать* 1) ‘разрушать / разрушить поверхность, структуру вещества посредством процесса окисления, трения,

высокой температуры’, 2) ‘разрушать / разрушить организм человека тяжелой болезнью’, **выесть / выедать** ‘разрушать / разрушить, вызвать / вызывать раздражение действием химически активных веществ, яркого света, дыма, пыли’, **заесть / заедать** 1) ‘зажать / зажимать, зацепить / зацеплять какой-л. объект, препятствуя движению (о механизмах)’, 2) ‘разрушить организм человека (о болезни)’, **изьесть / изьедать** ‘разрушить / разрушать, повредить / повреждать в результате воздействия химических веществ, пыли, солнца, а также от длительного использования’, **изьесть** ‘разрушить организм человека (о болезни, старости)’, **поедать** ‘уничтожать в результате биохимического воздействия’, **проесть / проедать** ‘разрушить поверхность, структуру вещества посредством окисления, трения, высокой температуры’; фразеологизма: **поедом есть** ‘ругать, изводить упреками, придирками’; собственно образных слов: **разьесть / разьедать** ‘разрушить / разрушать поверхность, структуру вещества посредством окисления, трения, высокой температуры’, **едкий** ‘разрушающий, раздражающий химически (о веществах, запахе, дыме)’, **едкость** ‘способность разрушать, раздражать химически’.

Структурно-семантические и концептуальные связи между образными средствами языка, объединенными общностью транслируемых типовых образных представлений, в словаре демонстрирует лексико-фразеологическое гнездо. Подробнее о презентации гнезда см. раздел 2.2.2.2.

Антропологические критерии предполагают учет метаязыкового сознания носителей русского языка. К ним относятся:

1. Осознание образного значения лексической или фразеологической единицы носителями языка.

Носителями языка осознается ассоциативно-образный компонент семантики образных слов и выражений, что подтверждают и данные психолингвистических экспериментов, описанных в работах Е.А. Шериной, Н.Н. Казаковой [Шерина, 2010; Казакова, 2014]. По отношению к представленному в «Словаре русской пищевой метафоры» материалу данный критерий учитывался посредством метода

интроспекции с опорой на метаязыковое сознание авторов. Небольшая часть материала была изучена с помощью психолингвистического эксперимента [Казакова, 2014]. Кроме того, контекстный материал демонстрирует актуализацию ассоциативно-образного компонента семантики в метаязыковом сознании автора и его речевое воплощение в тексте: *И теперь точно помнит, какой был тогда год, но путает север и юг, названия деревьев, модели субмарин, сколько раз и куда целовались. В её голове ужасная каша. Притом, говорит, счастлива была совершенно* (В. Солдатенко. Другие опусы).

2. Наличие в метаязыковом сознании носителей языка культурного фона, способствующего интерпретации кодов культуры, вербализованных во вторичных образных номинациях.

Образные слова и выражения воплощают различные коды культуры. Е.А. Юрина отмечает, что «типичные образные представления национальной культуры, транслируемые семантикой образных лексических и фразеологических единиц, базируются на когнитивных метафорических и метонимических моделях, свойственных человеческому мышлению и носящих во многом универсальный характер» [Юрина, 2013, с. 29]. Наличие культурного фона в сознании носителей языка позволяет эксплицировать культурные коннотации, закрепленные за семантикой образных средств языка.

Функциональный критерий связан с реализацией образного значения слова или выражения в речи и возможностью актуализации образной семантики в контексте, поэтому при отборе образных единиц языка для словника учитывается речевой узус. Анализ контекстных словоупотреблений, отобранных из Национального корпуса русского языка, позволяет выявить образные слова и выражения с мотивирующей кулинарной семантикой, которые ранее не были описаны в словарях русского языка. Таким образом, контекстная база служит источником пополнения словника.

Так, в современных толковых и фразеологических словарях («Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой [1999], «Новом словаре русского языка»

Т.Ф. Ефремовой [2000], «Большом фразеологическом словаре» под ред. В.Н. Телия [2009] и др.) не фиксируются слова и выражения, связанные с метафоризацией образа мороженого. Однако по данным Национального корпуса русского языка были выявлены следующие образные выражения: *дать на мороженое* ‘получить незначительную сумму денег’; *как мороженое* 1) ‘о чем-л. белого цвета’, 2) ‘о чем-л., затвердевшем на морозе’; *зарабатывать на мороженое* ‘подрабатывать, получая незначительные доходы’; *звать на мороженое* ‘приглашать в гости без намерений близкого знакомства’; *таять как мороженое* 1) ‘плавиться, разжижаться’, 2) ‘становиться вялым из-за жары, зноя’, 3) ‘быстро расходоваться, исчезать’, 4) ‘исчезать, утрачиваться’, 5) ‘испытывать нежные чувства к объекту влюбленности’. Подобные случаи не единичны.

Методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка отобрано более 20 000 контекстов, которые демонстрируют текстовое функционирование образных слов и выражений с мотивирующей пищевой семантикой. В качестве контекстных иллюстраций для словаря отбираются фрагменты художественных текстов, мемуарно-биографической литературы, журнальной и газетной публицистики, бытовых текстов и интернет-источников.

С опорой на описанные критерии образности был составлен общий словник «Словаря русской пищевой метафоры», который включает 3550 образных лексических и фразеологических единиц. К ним относятся:

1. Языковые метафоры (ЯМ): *каша* 1) ‘полужидкая масса (грязь, мокрый снег и т. п.)’, 2) ‘путаница, беспорядочное смешение фактов, событий, явлений’, 3) ‘суматоха, нестабильная военная или политическая ситуация’; *крендельный* ‘согнутый в виде завитка (о предметах)’, *свариться* ‘стать вялым, разомлевшим, покраснеть и вспотеть из-за долгого пребывания на солнце или в жарком месте’ и др.

С точки зрения частеречной принадлежности языковых метафор выделяются следующие группы:

1) субстантивные метафоры: **навар** ‘прибыль, выгода, спекулятивные доходы’, **вилка** 1) ‘название различных деталей, приспособлений с раздвоенным концом’, 2) ‘положение в шахматной игре, при котором одна фигура угрожает одновременно двум или нескольким фигурам’, 3) ‘любая ситуация с возможностью выбора’ и др.

2) адъективные метафоры: **пикантный** 1) ‘возбуждающий острый интерес, любопытство своей необычностью, сенсационностью и т. п.’, 2) ‘не вполне пристойный, фривольный’, 3) ‘возбуждающий чувственность, соблазнительность’; **сладкий** 1) ‘исполненный довольства, счастья, радости’, 2) ‘приятный, доставляющий удовольствие, наслаждение’, 3) ‘приятный на слух (о звуках, о голосе)’, 4) ‘умильный, приторно-угодливый’ и др.

3) адвербиальные признаковые метафоры: **вкусно** 1) ‘богато, роскошно, с удовольствием (о качестве жизни, проведении времени)’, 2) ‘выразительно, наглядно, ярко (о манере речи, манере поведения, жестах)’, **сочно** 1) ‘о ярких, чистых и глубоких тонах’, 2) ‘о выразительном, образном, ярком языке, литературном произведении, сценической игре’, 3) ‘о звучном голосе, звуках’ и др.

4) глагольные метафоры: **отсеять** ‘путем отбора устранить кого-, что-л. как ненужное, постороннее’, **насолить** ‘доставить неприятность, навредить кому-л.’, **съесть** ‘уничтожить противника в конкурентной борьбе’ и др.

2. Авторские метафоры, которые являются индивидуально-авторской реализацией общей языковой метафорической модели, употребляются в конкретном контексте и не обладают системной воспроизводимостью в речи: **сдобный** ‘пышный, мягкий, объёмный (об облаках)’ («Тёплое **сдобное** облако, плывущее над землёй, было утыкано жаворонками, как изюмом» Ю. Коваль. У Кривой сосны); **накипеть** ‘набрать вес, растолстеть (о частях тела человека)’ («Одного воспитателя с перевалившейся через поясной ремень пузой и со значком «Ворошиловский стрелок» наши остроязыкие бойцы, насмехаясь, спросили, уж не с крапивы ли и клевера у него такое справное брюхо **накипело**» (В. Астафьев. Затеси) и др.

3. Собственно образные слова (СО): *вьедливый* 1) ‘имеющий свойство легко проникать, пропитывать собой’, 2) ‘вникающий во все мелочи, придирчивый, дотошный (о человеке)’, 3) ‘проникающий вглубь, испытующий (о глазах, взгляде)’, *молокосос* ‘молодой, неопытный, не знающий жизни человек’, *чашевидный* ‘о бутонах цветов, напоминающих по форме чашу’ и др.

1) собственно образные существительные: *прихлебатель* ‘тот, кто угождает, подхалимничает, с целью получения каких-л. благ, привилегий’, *угрызение* ‘чувство беспокойства, вызванное внутренними переживаниями, терзаниями’ и др.

2) собственно образные прилагательные: *свежеиспечённый* 1) ‘недавно произведенный, созданный, придуманный (о продуктах экономической, интеллектуальной и творческой деятельности)’, 2) ‘недавно получивший образование, специальность, должность, статус (о человеке)’, *мучнистый* 1) ‘рассыпчатый, порошкообразный (о природном явлении)’, 2) ‘серовато-белый, подобный цвету муки (о бледной коже человека, явлениях природы)’ и др.

3) собственно образные глаголы: *заестся* ‘стать слишком капризным, разборчивым, привередливым по отношению к чему-л.’, *подлизываться* ‘лестью, угодливостью снискать чье-л. расположение’, *умаслить* ‘добиться чьего-л. расположения, склонить к чему-л. лаской, лестью, подарками’ и др.

4) собственно образные наречия: *студенисто* ‘колеблясь, подобно мягкому, но плотному и упругому студню’, *запоем* ‘беспрерывно с огромным увлечением, интересом’ и др.

4. Двухкомпонентные образные номинации (ОН): *мучнистая роса* ‘грибковое заболевание растений, проявляющееся в виде беловатого налета на поверхности листьев’, *апельсиновая корка* ‘неровная и бугристая кожа человека, вызванная изменениями в подкожно-жировом слое’ и др.

5. Устойчивые образные сравнения различной структуры:

1) сравнения с компаративным элементом *как, словно, будто* (В сравн.): *как блин* 1) ‘о круглом и румяном лице человека’, 2) ‘о лице с пористой кожей’, 3) ‘о

круглых и плоских предметах’, 4) ‘о ровном открытом пространстве, ландшафте местности’ и др., *словно кочан* ‘о большой голове человека’ и др.

2) родительный сравнения (Род. сравн.): *форма бублика* ‘форма кольца с широким диаметром изогнутой части’, *цвета апельсина* ‘о чем-л. насыщенного глянцевого оранжевого цвета, подобного цвету кожуры апельсина (преимущественно о волосах, небе, свете лампы)’ и др.

3) творительный сравнения (Твор. сравн.): *ковшиком* ‘о чем-л., похожем на сосуд для зачерпывания’, *рюмочкой* 1) ‘о вытянутой, конусовидной форме предметов’, 2) ‘о стройной женской фигуре’, *пельмешком* ‘о форме уха’ и др.

6. Авторские сравнения представляют собой индивидуальные речевые сравнительные обороты, которые употребляются в определенном контексте и не обладают системной воспроизводимостью в языке. Например, *будто кости смололись* ‘о человеке с расслабленным телом, опущенными плечами, сутулой спиной’ («Спина его, плечи, руки обвисали всё ниже, ниже, будто сделался он весь тряпичный, *будто и кости смололись в нём сразу, и стал он меньше ростом*» (В. Астафьев. Последний поклон)); *словно маринованный* ‘о неестественно бледном цвете кожи’ («Из-за этого да ещё из-за неестественно бескровного, большого, *словно маринованного рта был он девочке немножко противен*» (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки)) и др.

7. Фразеологические единицы (ФЕ): *объедки с чужого стола* ‘остаточное количество денег, материальных благ, духовных ценностей; унижающая подачка’, *вешать лапшу на уши* ‘обманывать’, *как сыр в масле кататься* ‘находиться в комфортных, благоприятных условиях; жить в достатке, изобилии’ и др.

8. Индивидуально-авторские идиомы отличаются от устойчивых фразеологизмов тем, что являются окказиональными и не носят устойчивый системный характер (Авт. ФЕ). Например, *покрошить душу на винегрет* ‘доставить душевные страдания, мучительные эмоциональные переживания’ (*Как она говорит? Врать и воровать – самые большие грехи. Понятно. Лучше резать правдой по живому сердцу напополам, на четвертинки, на восьмушки... Крошить*

душу на винегрет (М. Гиголашвили. Экобаба и дикарь)); *жрать из одного корыта* ‘получать материальные и социальные блага из одного источника’ («Говорил ли ты в трактире «Жёлтый осёл», что великий отец реформации Мартин Лютер и богопротивный папа Юлий – свиньи, *жрущие* из одного корыта человеческого невежества? – Говорил и думаю сейчас так же...» А. Вайнер, Г. Вайнер. Лекарство против страха) и др.

9. Пословицы (Посл.): *всё перемелется – мука будет* ‘тяжелые времена пройдут, и все будет хорошо’, *хочешь есть калачи, не сиди на печи* ‘если хочешь получить желаемое, нужно приложить к этому усилия’, *бесплатный сыр (бывает) только в мышеловке* ‘очень выгодное и заманчивое на первый взгляд предложение чаще всего бывает обманом, принятие такого предложения может причинить вред’ и др.

10. Поговорки (Погов.): *аппетит приходит во время еды* ‘желание заниматься чем-л. приходит в процессе работы’, *не к тёще на блины ехать* ‘направляться в место, пребывание в котором опасно, связано с трудностями’ и др.

Выборка образных языковых единиц осуществлялась из толковых словарей и словарей образных слов и выражений, а также из текстовых баз Национального корпуса русского языка (подробнее см. во введении).

2.1.2 Критерии дифференциации семантических вариантов в структуре многозначных образных слов и выражений

При лексикографическом описании образных средств языка возникает проблема выделения лексико-семантических вариантов в структуре многозначной лексемы. В основе семантической концепции «Словаря русской пищевой метафоры» лежит принцип передачи совокупности образных значений слова или выражения, каждое из которых должно быть исчерпывающе истолковано и проиллюстрировано примерами текстовой реализации. Все метафорические лексико-семантические варианты многозначной образной единицы описываются в

форме отдельной словарной дефиниции. Например, *сделать фарш* 1) ‘сильно избить, поколотить’ – *Выигравшей будет считаться та команда, чьи участники первыми сделают фарш из соперников* (Коллективный), 2) ‘оказать моральное давление, отругать, раскритиковать’ – *Пусть проветрится, а то Пал Петрович из меня фарш сделает за курение, если, не дай господь, учует...* (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений»), 3) ‘подвергнуть испытаниям, заставить пережить трудности’ – *Впрочем, в любом случае она (то есть жизнь) в конце концов делает из человека никому не нужный фарш* (А. Волос. Недвижимость); *размазня* 1) ‘жидкая грязь, слякоть’ – *Воображение его, само страшась своих картин, рисовало то дым до неба, черный щебень на месте злополучного ДК, то уходящие по размазне октябрьских дорог куда-то прочь, куда-то в сторону Назрани, где Тиша не был никогда, но слово выучил, понурые колонны войск* (А. Дмитриев. Призрак театра), 2) ‘вялый, нерешительный человек’ – *Ты не мужчина, Валялкин! Ты мизер, размазня, пустое место!* (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона), 3) ‘высказывание, произведение, лишённое четкой идеологической позиции, выраженного авторского мнения’ – *Вы не финтите! – крикнул Раздутый со своего стула, готового под ним взорваться. – Говорите прямо, без интеллигентской размазни, осуждаете вы или нет это возмутительно...* (И. Грекова. Без улыбок) и др.

Семантическая структура многозначной метафорической номинации представлена в словаре как серия самостоятельных образных значений, каждое из которых семантически не членится на оттенки значения. При выделении метафорических значений учитывается область денотативной отнесенности образной номинации и частотность употребления данного значения в контекстах (не менее чем в 3–5). При таком подходе разграничиваются семантические варианты, которые реализуют метафорические переносы в разные понятийные сферы по принципу: «один лексико-семантический вариант реализует одну метафорическую модель». Так, семантическая структура языковой метафоры *варёный* представлена тремя образными лексико-семантическими вариантами,

которые реализуются в языковых метафорах **варёный** 1) ‘неактивный, вялый, апатичный (о человеке): *Ну, что ты варёный такой?! Ребенок заботы требует* (Р. Сенчин. Елтышевы). *Утром сидит такой вот расслабленный за пультом, варёный, лицо кирпичом, улыбку ни за что не выдавишь* (М. Магомаев. Любовь моя – мелодия) и др. В других контекстах актуализируется образное значение этой метафоры **варёный** 2) ‘выражающий слабость, неуверенность (о голосе)’: *Здравствуйте, – варёным голосом сказал он. Общая тишина только подчеркнула неуверенность его голоса* (С. Шаргунов. Чародей) и др. Образное значение **варёный** 3) ‘о джинсовой одежде, имеющей характерную окраску в виде светлых вылинявших разводов на синем или голубом фоне’ реализуется в следующих контекстах: *Рядом с метро «Рижская», по соседству со знаменитым Рижским рынком – колыбелью свободной торговли самопальными варёными джинсами и прочими мануфактурными завоеваниями демократии («Столица»). Ими оказались краснолицый бунтарь и богобоязненный юноша в лоснившейся от грязи «варёной» куртке, с редкими волнистыми волосешками до плеч* (Д. Симонова. К теме маленького человека) и др. Результатом анализа ситуаций речевого употребления образного слова **варёный** и выявления денотативной отнесенности метафорических проекций стали 3 лексико-семантических варианта этой образной языковой единицы. В «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой [1999] эти метафорические значения не описаны. В «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой зафиксировано только образное значение **варёный** ‘вялый, сонный’ [Ефремова, 2000, Т.1, с. 147].

В качестве еще одного примера семантической структуры многозначной образной единицы приведем собственно образное слово **подмаслить**. В ходе анализа контекстов и определения денотативной отнесенности были выявлены два метафорических значения: **подмаслить** 1) ‘расположить к себе кого-л., задобрив лестью или подарками; дать взятку’ реализуется в следующих контекстах: *Факт остается фактом: многие родители уверены, что сегодня практически невозможно поступить в престижный вуз на бесплатное отделение, «не*

подмаслив» кому надо («Российская газета»). *Две книжечки, правда, вышли, сдана третья, но ведь и в издательстве тоже надо подмаслить: рецензентам дать, редактору дать, директора свозить на дачу, поугощать, да еще править, редактировать рукопись, без этого у них уж никак!* (В. Астафьев. Веселый солдат). Это метафорическое значение зафиксировано в названных выше толковых словарях. Второе образное значение *подмаслить* 2) ‘сделать более любезным, приятным; смягчить, сгладить’ ранее не зафиксировано. Оно было выделено в результате анализа серии контекстов: *При каждом замечании такого рода Килькичев суровым взглядом своих глазеншей впивался в члена своей номенклатуры Бориса Лугового, а потом, подмаслив этот взгляд, поворачивался к Ваксону, у которого часы барахлят так, что позволяют ему опаздывать к секретарю ЦК на сорок минут* (В. Аксенов. Таинственная страсть). *Ваше мнение для меня имеет значение, и, получи я письмо раньше, я бы, вероятно, немножко подмаслил рецензию* (В. Астафьев. Зрячий посох) и др.

В структуре многозначной метафоры *скорлупа* выявлены два значения. В каждом из них присутствует семантический микрокомпонент ‘окружение чем-л., обособление от внешней действительности, подобно тому, как скорлупа ограждает содержимое от внешней среды’, что мотивировано предметно-понятийным значением исходной номинации. В результате анализа контекстного материала эти образные значения уточняются следующим образом: *скорлупа* 1) ‘то, что ограничивает, замыкает в какой-л. узкой сфере, обособляет от действительности, мешает действовать, развиваться’. Это образное значение реализовано в контекстах: *Словно пробило скорлупу заблуждения и он, как вылупившийся на свет пролетарский тиранозавр, хищный и жестокий, навсегда увидел в Цыбашеве «отца»* (М. Елизаров. Pasternak). *«Путями Каина» – гимн творческим силам человека, призыв уверовать в себя, отказаться от недооценки своих сил, сбросить себя скорлупу пассивности* («Вестник США») и др. *Скорлупа* 2) ‘искусственно созданные благоприятные условия, окружение, защищающие от опасностей внешнего мира’. Второе метафорическое значение актуализировано в

следующих контекстах: – *Мы ее как могли берегли, старались создать какую-то скорлупу вокруг* (Т. Тарасова, В. Мелик-Карамов. Красавица и чудовище). *Так бы все и продолжалось, кабы не «перестройка», которая выманила их из скорлупы и заставила торговать бананами на улице* (Е. Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов»).

Лексико-семантические варианты в словарной статье нумеруются арабскими цифрами и подаются в порядке увеличения степени абстрактности: «от значений предметно отождествляющего типа до значений, реализующих категориальный сдвиг в сферы психологического, интеллектуального, социального порядка» [Словарь русской пищевой метафоры, 2015, с. 18]. Расположение образных значений по увеличению степени абстрактности демонстрирует направления метафорического переосмысления исходного мотивирующего образа. В качестве примера рассмотрим словарное описание семантической структуры языковой метафоры **жарить** и исходной мотивирующей единицы, так как наибольшее количество образных значений имеют глагольные метафорические номинации:

ЖАРИТЬ, несов., *что*.

Готовить пищу под действием сильного жара, обычно в жире или масле без добавления воды. – *Иногда болтаешь по телефону с подругами, а бабушка жарит котлетки и подает их прямо в кровать* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки).

ЖАРИТЬ, несов. **ЯМ**. Разг. 1. *кого, что и без доп.* Обжигать лучами, палить (о солнце). *Экспр.* – *Солнце, находясь привычно высоко над горизонтом, жарило обгорелые плечи* («Вокруг света»). *Но солнце жарило без всякой пощады, голые ступни горели в нагретой пыли, мучительно ныли плечи и спина, и за всем этим Оля вскоре забыла и о том, что надо прислушиваться, и о самой встрече с грубым усатым жандармом* (Б. Васильев. Были и небыли).

2. *Жарко топить печь. Экспр.* – *И если прежде мы топили печь два-три раза за ночь, теперь ее приходилось жарить беспрестанно* (В. Астафьев. Веселый

солдат). – *Почему не топите печь? Дров жалко?* – спросил Болотников. – *А тут тебе не боярские палаты, чтобы жарить печи,* – стрелец попался сварливый, злой. Он и сам порядком зазяб, но возиться с печью ему было лень (Е. Богданов. Вьюга).

3. Излучать яркий свет. *Экспр.* – Там шла бесконечная деятельная жизнь: неподвижными белыми прожекторами **жарили** крупные звезды; медленно ворочались, перемещаясь, маяки поменьше; суетливо мигали и вспыхивали бисерные пригоршни мелких огней, среди которых носились облачка жемчужной звездной пыли (Д. Рубина. Окна). Солнце уже **жарило** всю. Светило, но не грело. Все-таки начало июня (Е. Козырева. Дамская охота).

4. Неоднократно и интенсивно стрелять, вести обстрел. *Экспр.* – Солдат в маскхалате подпрыгивал так, будто подбрасывало его землею, скаля зубы, что-то дикое орал он и слепо **жарил** куда попало очередями (В. Астафьев. Пастух и пастушка. Современная пастораль). Сильные бои тут были, финны из минометов **жарили** (В. Аксенов. Коллеги).

5. Быстро и интенсивно идти, бежать. *Экспр.* – Шоссе перед закуской было пустынно, сизые клубы дыма выплывали из-под расписных навесов, а за дымом был виден Матрос, который **жарил** прямым ходом к станции (Ю. Коваль. Приключения Васи Куролесова).

6. Играть на музыкальных инструментах интенсивно, азартно. *Экспр.* – Поглядел я на твоих товарищей. Каждый сам своей цены стоит. Один отличник, другой декорации малюет, третий **жарит** на пианино (Г. Николаева. Битва в пути). Второй мужик, в темных очках, стоял, упершись коленками в переборку, и **жарил** на обшарпанном немецком аккордеоне с залатанными мехами (В. Скворцов. Сингапурский квартет).

7. Совершать интенсивные речевые действия (громко, много, долго говорить, читать, ругаться, призывать к чему-л. и т.п.). *Экспр.* – Специализация! Кооперация! Вот основные задачи! – воскликнул он и сам испугался и удивился: «Лозунгами пошел **жарить!**» (Г. Николаева. Битва в пути). Дальше он **жарит**

прямо по лощи минут десять: о режиме ветров, образовании ледяного покрова и так далее. Он жарит, запинаясь, сбиваясь, перечитывая сбитое, безо всяких точек и запятых, но очень вразумительно и обстоятельно, хотя ровным счетом ничего не понимает из читаемого (В. Конецкий. Вчерашние заботы).

Такая детализация образных значений толкуемых единиц при лексикографическом описании является средством репрезентации тематических групп и категориальных классов объектов и явлений внеязыковой действительности, получивших образное обозначение посредством пищевой метафоры.

2.2 Принципы организации макроструктуры «Словаря русской пищевой метафоры»

2.2.1 Два способа расположения словарного материала по идеографическому принципу

Образные лексические и фразеологические единицы языка совокупностью своих значений воплощают концептуальную систему представлений человека о мире. Исследование семантики образных слов и выражений через призму человеческого восприятия и мышления предполагает распределение этих единиц на логико-понятийной основе в соответствии с категориальными классами явлений, относящихся к различным сферам внеязыковой действительности. В ходе лексикографической параметризации системы вторичных образных номинаций осуществляется организация словарного материала по модели, которая учитывается при разработке синоптической схемы и макроструктуры словаря. Таким образом, макроструктура словаря становится средством репрезентации языковой картины мира. С этой целью в концептоориентированных словарях лингвокультурологического типа языковой материал на уровне макроструктуры систематизируется по идеографическому принципу.

Идеографический принцип подачи языкового материала опирается на идеи, исходящие от самого языка, и позволяет отразить систему знаний и представлений об окружающем мире, выявить особенности и закономерности организации экстралингвистической действительности, реконструировать языковую картину мира, что невозможно продемонстрировать с помощью алфавитной подачи языкового материала. В словарях, составленных по идеографическому принципу, представлена система содержательно упорядоченных слов и выражений, объединенных на основании общности выражаемого ими понятия, смысловой близости (Л.Г. Бабенко, В.В. Дубичинский, Ю.Н. Караулов, В.А. Козырев, В.В. Морковкин, В.Д. Черняк и др.). Л.Г. Бабенко отмечает, что языковые единицы распределяются по лексико-семантическим группам, в которых они «сближаются благодаря тому, что участвуют в выражении одного общего понятия» [Концептосфера русского языка, 2010, с. 4].

Создание словаря по идеографическому принципу возможно осуществить двумя способами: индуктивно – от содержания отдельных языковых единиц к обобщающим концептуальным понятиям; дедуктивно – от предполагаемой системы категорий разного уровня к словам и выражениям. Каждый из способов требует, прежде всего, разработки синоптической (идеографической) схемы, а также составления полного и точного словника и формулировок словарных дефиниций. Идеографическая схема предполагает категоризацию экстралингвистической действительности, которая, по мнению С.М. Беляковой, «состоит из нескольких уровней, каждый последующий из них носит все более конкретный характер» [Белякова, 1993, с. 23]. Целью такого способа подачи образных слов и выражений является целостное представление языковой картины мира (или ее фрагмента).

Задача разработки синоптической схемы решается лексикографами по-разному. В некоторых толковых словарях и словарях образных слов и выражений, построенных по идеографическому принципу, используется «готовая» идеографическая схема, согласно которой выстраивается языковой материал на

уровне макроструктуры. В разное время идеографические схемы были разработаны П. Роже, Ш. Балли, Х. Касаресом, Р. Халлигом и В. фон Вартбургом и др. Наибольшее распространение получила синоптическая схема Р. Халлига и В. фон Вартбурга, которая включает три понятийных сферы: «Человек», «Вселенная» и «Человек и вселенная» (цит. по: [Караулов, 2010, с. 256–257]). Эта схема реализована, например, в «Идеографическом словаре русских фразеологизмов с названиями животных» Т.В. Козловой [2001].

В ряде словарей синоптическая схема является результатом анализа семантики языковых единиц и последующей реконструкции понятийной сетки. Данный подход направлен на описание реальной когнитивной модели, зафиксированной в сознании личности и вербализованной лексическими и фразеологическими средствами языка. Г.В. Гафарова и Т.А. Кильдибекова, авторы-составители «Функционально-когнитивного словаря русского языка. Языковая картина мира» [2013], отмечают, что «изучение словарного состава с точки зрения антропоцентричности языка и мышления помогает выработать оптимальные варианты идеографического словаря и дать когнитивную систематизацию лексики с опорой на основные концепты, связанные с человеком» [Гафарова, 1998, с. 5]. Авторские синоптические схемы реализованы в таких концептоориентированных словарях, как «Словарь образных выражений русского языка» под ред. В.Н. Телия [1995], «Словарь поэтических образов» Н.В. Павлович [1999], «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии)» под ред. Л.Г. Бабенко [2010] и др.

Моделирование макроструктуры словаря образных слов и выражений может осуществляться в двух проекциях. Во-первых, образные лексические и фразеологические средства языка объединяются по тематическим группам в пределах исходной сферы-источника метафорических номинаций. Таким образом, систематизация образных средств языка осуществляется на основании единства мотивирующего образа. Разработка синоптической схемы представляет

классификацию явлений сферы-источника метафорических проекций, которые названы мотивирующими единицами. Например, словарь «Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь» Д.Б. Гудкова и др. [2004], «Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов» под ред. Е. А. Юриной [2014] и др.

Во-вторых, образные слова и выражения группируются на основании общности денотатов / референтов образных номинаций, отражающих явления результирующих сфер-мишеней. Вторичные образные номинации классифицируются при этом на основании единства категории явлений действительности, получивших в языке метафорическое обозначение. Например, «Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных» Т.В. Козловой [2001], «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии)» под ред. Л.Г. Бабенко [2010] и др.

Два способа моделирования макроструктуры словаря пищевой метафоры обусловлены двуплановым характером семантики образных средств языка. Макроструктура «Словаря русской пищевой метафоры» также моделируется в двух указанных проекциях. Первый формат лексикографического представления пищевой метафоры, реализованный в первых трех томах, предполагает макроструктуру, которая отражает классификацию явлений гастрономической сферы и реконструирует систему пищевых образов, задействованных в метафорической номинации явлений действительности. В этом случае словник систематизируется по тематике исходных мотивирующих единиц.

Второй формат лексикографической презентации образных слов и выражений предполагает такую синоптическую схему, которая моделирует систему явлений внеязыковой действительности, подлежащих метафорической номинации. Этот способ систематизации словника «Словаря русской пищевой метафоры» реализуется в макроструктуре четвертого тома «Мир в зеркале

пищевой метафоры. Идеографический словарь»³. Синоптическая схема словаря при этом отражает классификацию явлений внеязыковой действительности, образно поименованных посредством пищевой метафоры. Индуктивный принцип разработки синоптической схемы для двух форматов макроструктуры основывается на результатах исследования семантики образных слов и выражений, воплощающих пищевой код культуры.

2.2.2 Гнездовой принцип организации макроструктуры «Словаря русской пищевой метафоры» (1–3 тома) как отражение системы гастрономических образов

2.2.2.1 Синоптическая схема гнездового словаря

Лексикографическое описание пищевой традиции в зеркале языковых образов представлено в первых трех томах «Словаря русской пищевой метафоры», построенных по гнездовому принципу. На уровне макроструктуры образные слова и выражения систематизируются с опорой на синоптическую схему, которая отражает концептуальное членение сферы «Еда».

Когнитивная модель концептуальной сферы «Еда» описана в монографии Е.А. Юриной «Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов» [Юрина, 2013]. Е.А. Юрина отмечает, что гастрономическая сфера включает две стереотипные ситуации: «приготовление блюд субъектом из определенных продуктов (варить, жарить, консервировать и др.) и «поглощение субъектом готовых блюд» (есть, кусать, глотать и др.) [Юрина, 2013, с. 64]. Каждая ситуация предполагает наличие «субъектов гастрономической деятельности» (гурман, повар и др.), описание их «состояния» (голод, жажда), а также «объектов гастрономической деятельности» – продуктов и блюд (мясо, котлета, каша, хлеб и др.), «инструментов» (тарелка, нож и др.) и «локусов»

³ Находится на стадии разработки.

(кухня) [Юрина, 2013, с. 64]. Структура концептуальной сферы «Еда» представлена на рисунке 2.

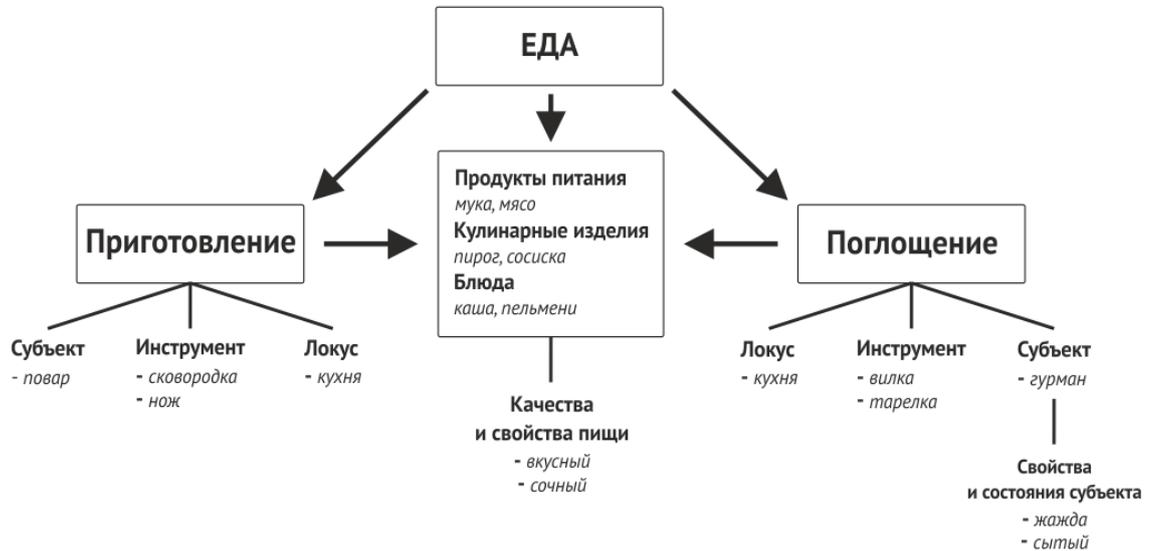


Рисунок 2 – Структура концептуальной сферы «Еда»

Результаты структурно-семантического исследования образной лексики и фразеологии и лингвокогнитивного исследования концептуальной сферы «Еда» отражены в синоптической схеме гнездового словаря:

I. Блюда и продукты питания.

1.1 Продукты растительного происхождения.

1.1.1 Зерновые продукты, мучные и крупяные изделия.

1.1.2. Фрукты.

1.1.3. Овощи.

1.1.4. Ягоды.

1.1.5. Грибы.

1.1.6. Орехи.

1.2 Продукты животного происхождения.

1.2.1. Молочные продукты.

1.2.2. Яйцо.

1.2.3. Мясные продукты и блюда.

1.2.4. Рыбные продукты и блюда.

1.3. Кулинарные блюда и изделия.

1.3.1. Закуски и гарниры.

1.3.2. Супы.

1.3.3. Сладости.

1.3.4. Напитки.

1.3.5. Приправы и специи.

1.3.6. Части кулинарных изделий.

1.4. Остатки пищи.

II. Гастрономическая деятельность.

2.1 Процессы приготовления пищи.

2.1.1. Тепловая обработка продуктов.

2.1.2. Механическая обработка продуктов.

2.1.3. Консервация и ферментная обработка продуктов.

2.1.4. Приготовление составов и формирование кулинарных изделий.

2.2. Процессы поглощения пищи.

2.2.1. Поглощение пищи.

2.2.2. Поглощение жидкости.

2.2.3. Этапы и способы поглощения пищи.

2.2.4. Физиологические процессы, связанные с поглощением пищи.

2.3. Кормление.

III. Качества и свойства пищи.

3.1. Вкусовые свойства продуктов.

3.2. Качества, связанные с составом продуктов.

3.3. Высокое / низкое качество продуктов.

IV. Субъект гастрономической деятельности.

4.1. Субъект поглощения пищи.

4.2. Субъект приготовления пищи

4.3 Субъект кормления.

4.4. Состояния субъекта поглощения пищи;

V. Инструменты гастрономической деятельности.

5.1. Посуда.

5.2. Кухонный инвентарь.

VI. Пространство гастрономической деятельности.

6.1. Место приготовления пищи.

6.2. Место поглощения пищи.

В первом тематическом разделе «**Блюда и продукты питания**» описываются образные слова и выражения, мотивированные соответствующими наименованиями. К продуктам питания относятся: *пшеница, ячмень, зерно, крупа, мука, тесто, боб, горох; дрожжи; баклажан, капуста, картошка, лук, морковь, свёкла, тыква; гриб, груздь, сморчок; молоко; горчица; килька, лосось, сельдь; мясо, потроха, туша, фарш, яйцо*. Также фрукты, овощи, ягоды и орехи, которые могут употребляться в пищу без приготовления: *абрикос, апельсин, арбуз, банан, гранат, груша, дыня, лимон, персик, слива, яблоко; огурец, помидор, редиска, редька, салат; брусника, вишня, земляника, клубника, клюква, смородина, черника; миндаль, семечки, фисташка*. Дополнительными ингредиентами при приготовлении блюд являются приправы и специи: *ваниль, горчица, перец, соль, уксус, шафран*.

К кулинарным изделиям относятся *баранка, блин, бублик, булка, калач, каралька, коврижка, крендель, лапша, лепешка, пампушка, пирог, плюшка, пончик, пряник, пышка, сухарь, хлеб; колбаса, сарделька, сосиска; бутерброд, закуска; варенье, десерт, желе, конфета, мороженое, торт, шоколад*. Блюдами являются кушанья, которые готовятся из нескольких ингредиентов посредством механической и / или термической обработки: *пельмени; каша, размазня, тюря; бульон, окрошка, похлебка, солянка, щи, уха; котлета, отбивная, студень; гарнир; торт*. Напитками являются *вино, коньяк, пиво, коктейль; квас, кисель, компот, сок; кофе, чай; кефир, ряженка*.

В этом разделе представлены исходные мотивирующие наименования как продуктов питания, так и блюд. Это обусловлено тем, что во внеязыковой

действительности зерно подвергается первичной обработке для производства муки, из которой затем готовятся различные хлебобулочные изделия. Крупа является главным ингредиентом для приготовления крупяных блюд. Молоко подвергается сепарации для получения сливок, масла, пахты, ферментации для получения кефира, простокваши, сметаны, термической обработке для получения мороженого, ряженки, сыра, творога.

В тематическом разделе «**Гастрономическая деятельность**» образные слова и выражения систематизируются по исходным мотивирующим наименованиям процессов приготовления и поглощения пищи. К процессам приготовления пищи относятся традиционные способы приготовления продуктов, зафиксированные в различных кухнях мира. Продукты питания подвергаются механической обработке: *крошить, месить, мешать, молотить, молоть, потрошить, сеять, цедить*. Из них готовятся составы и формируются кулинарные изделия: *начинять, сдобрить, солить, стряпать, фаршировать, шпиговать*. Продукты питания готовятся посредством температурного воздействия: *варить, жарить, кипятить, печь* или подвергаются ферментивной обработке с помощью консервирующих средств: *бродить, квасить, консервировать, мариновать, солить*.

К ситуации поглощения пищи относятся физиологические процессы, сопровождающие принятие пищи человеком. Исходные наименования транслируют представления носителя языка о приеме твердой пищи: *есть, жрать, кушать, смаковать* и жидкости: *пить, сосать, хлебать*; об этапах поглощения продуктов питания и блюд: *глодать, глотать, грызть, жевать, кусать, лизать*, а также о физиологических процессах, сопутствующих принятию пищи: *подавиться, переваривать, поперхнуться, чавкать*; о кормлении как о ситуации поглощения пищи с помощью посредника: *кормить, питать, пичкать, поить*. Такие представления характерны для носителей различных языков, так как процесс поглощения пищи является однотипным для человека как биологического вида.

В тематическом разделе «**Объект гастрономической деятельности**» описываются образные лексические и фразеологические средства языка, мотивированные наименованиями качеств и свойств пищи. Исходные лексемы вербализуют представления носителей языка о вкусовых свойствах продуктов: *вкусный, горький, кислый, пикантный, пресный, приторный, сладкий, соленый*; о качествах, связанных с составом продуктов: *жирный, постный, сальный, скоромный, сочный*; о высоком и низком качестве продуктов: *вкусный, деликатес, лакомый, смачный, тухлый, черствый*.

Тематический раздел «**Субъект гастрономической деятельности**» отражает систематизацию вторичных образных номинаций, мотивированных наименованиями субъектов гастрономической деятельности. Мотивирующие языковые единицы транслируют представления о субъектах приготовления пищи: *мясник, повар*, о субъектах поглощения пищи: *гурман*, о состояниях субъекта: *аппетит, голод, жажда, похмелье; пьяный, сытый, трезвый*.

В тематическом разделе «**Инструменты гастрономической деятельности**» описываются образные слова и выражения, мотивированные наименованиями места приготовления и поглощения пищи и кухонного инвентаря. Слова в исходном значении воплощают представления о помещении для приготовления и поглощения пищи: *кабак, кухня* и кухонной утвари: *блюдо, блюдце, бочка, бутылка, ведро, вилка, горшок, дурилаг, духовка, жёрнов, кадка, кастрюля, ковш, котёл, кувшин, ложка, миксер, миска, морозильник, мясорубка, нож, перечница, печь, посудина, решето, рюмочка, сито, скатерть, сковорода, стакан, ступа, тарелка, тёрка, холодильник, чайник, чашка, штопор*.

В рамках тематических рубрик синоптической схемы словарный материал распределен по гнездовому принципу: в одно лексико-фразеологическое гнездо объединяются образные слова и выражения, мотивированные наименованием какого-либо явления пищевой сферы.

2.2.2.2 Структура лексико-фразеологического гнезда

Лексико-фразеологическое гнездо – это элемент макроструктуры словаря, включающий группировку словарных статей толкуемых единиц по принципу структурно-семантических мотивационных и деривационных связей. Вершиной гнезда выступает наименование гастрономической сферы, мотивирующее вторичные образные номинации. Общим структурным компонентом образных лексических единиц гнезда является корень, образных фразеологических единиц гнезда – опорное слово, несущее мотивирующий образ. Общим семантическим компонентом значения выступает содержание корневой морфемы или слова, «входящее в прямое номинативное значение исходной мотивирующей единицы или производных мотивирующих единиц, а также в ассоциативно-образный компонент семантики метафорически мотивированных образных слов, функционирующих самостоятельно или в составе идиоматических выражений» [Юрина, 2013, с. 38]. Такой способ лексикографической подачи образных слов и выражений, воплощающих пищевой код культуры, направлен на презентацию единства исходного мотивирующего образа и демонстрацию близости семантической, морфемной, грамматической связи языковых единиц внутри гнезда.

Гнездовое расположение языкового материала в словаре является естественным и логичным, так как, по мнению Ю.Н. Караулова, «в языке нет и не может быть слов, изолированных друг от друга в семантическом отношении. Каждое слово десятками и сотнями нитей связано со значениями многих других» [Караулов, 2010, с. 75].

Гнездовой принцип подачи лексических единиц впервые в истории русской лексикографии был реализован в «Словаре Академии Российской» под редакцией Е.Р. Дашковой (1789–1794 гг.), но теоретически обоснован и подкреплен методическими рекомендациями в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (первое издание – 1863–1866 гг.). Автор словаря называл

алфавитный способ упорядочения материала «тупым и сухим», поскольку «самые близкие и сродные речения... разносятся далеко врозь и томятся тут и там в одиночестве; всякая живая часть речи разорвана и утрачена; слово, в котором не менее жизни, как и в самом человеке, терпнет и коснеет» (цит. по: [Тихонов, 2002, с. 164–165]).

Данный принцип подачи языковых единиц является традиционным для словообразовательных словарей, так как показывает деривационные связи однокоренных слов, например, «Словообразовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова [1985], «Опыт диалектного гнездового словообразовательного словаря» под ред. Е.М. Пантелеевой [1992] и др. Основной единицей таких словарей является словообразовательное гнездо, которое, по определению А.Н. Тихонова, «представляет собой совокупность однокоренных слов, имеющих в русском языке живые смысловые связи» [Тихонов, 1985, с. 3]. Ученый также отмечает, что в словообразовательном гнезде «языковые единицы связаны не только формально, но и семантически» [Тихонов, 1989, с. 29]. Гнездовой принцип подачи материала позволяет проследить семантические преобразования, что особенно актуально для семантизации образных средств языка, так как при экспликации связи с мотивирующим значением высвечивается образное основание метафорической номинации.

В «Словаре русской пищевой метафоры» структура лексико-фразеологического гнезда включает четыре зоны: 1. Исходное значение. Представляет толкование мотивирующей единицы и иллюстративный материал, наглядно демонстрирующий ее речевое употребление. 2. Образные значения. Содержит серию словарных статей, описывающих образные слова и выражения. 3. Лингвокультурологический комментарий. Включает характеристику феномена пищевой сферы, послужившего источником метафорической проекции, а также культурологические сведения (функционирование продукта или блюда в современной и традиционной кухне, история происхождения и употребления, символическое, ритуальное и обрядовое переосмысление). 4. Типовые образные

представления. Включают формулировки типовых образных аналогий, вербализованных образными словами и выражениями, и эксплицируют основания уподобления объектов и предметов сферы-источника явлениям сфер-мишеней.

В качестве примера представим с некоторыми сокращениями лексико-фразеологическое гнездо **ЯЙЦО** [Словарь русской пищевой метафоры, Т.1, 2015, с. 243]:

ЯЙЦО, -а, ср.

I. Исходное значение.

Женская половая клетка птиц овальной формы, состоящая из желтка, белка и скорлупы, употребляющаяся как пищевой продукт. – *Мать заворачивает в белую тряпку четвертушку коровьего масла, десяток яиц, складывает все это в базарную сумку, сшитую из грубой кирзы (М. Сайтов. Островки). Когда они усаживались делать пирожки с капустой или с яйцом, или принимались шить, штопать – мягкая гортанная речь перелетала от одной к другой где-то над моей макушкой, едва касаясь сознания (Д. Рубина. Окна).*

II. Образные значения.

В ФОРМЕ ЯЙЦА. Род. сравн. Овальная форма с одним суженным и другим расширенным концами. – *После ночной пастьбы он ехал вместе со всеми в поле: кашеварил там, косы отбивал и точил, на стогу стоял – стогометом он был отменным, так выведет стог, в форме яйца, что ни дождь, ни ветер не страшны («Общая газета»).*

ВЫЕДЕННОГО ЯЙЦА НЕ СТОИТ. ФЕ. Разг. Не имеет никакого значения, не заслуживает внимания. Пренебр. – *Гражданские распри и войны из-за проблем, не стоящих выеденного яйца, в самом деле выглядят нелепо, если не замечать, что за ними стоит извечная борьба между консерваторами и сторонниками перемен («Наука и жизнь»).*

КАК КУРИЦА С ЯЙЦОМ НОСИТЬСЯ с кем-, чем-л. ФЕ. Разг. Уделять излишнее внимание тому, кто или что такого внимания не заслуживает. Осуд. – *Ещё не отдавая себе отчёт в собственных переживаниях, не формулируя для себя*

происходящего, я носилась с тобой, как курица с яйцом, стараясь уберечь, поддержать, направить (Т. Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть).

КЛАСТЬ ВСЕ ЯЙЦА В (ОДНУ) КОРЗИНУ // ХРАНИТЬ ВСЕ ЯЙЦА В (ОДНОЙ) КОРЗИНЕ. ФЕ. Размещать где-л. доходы от экономической деятельности. *Экспр.* – *Ведь те самые деятели, которые сейчас складывают все свои яйца в корзину приватизации, несколько лет столь же рьяно возлагали надежды по нормализации рынка на кооперативы и индивидуальную деятельность («Огонек»).*

ОТ ЯЙЦА. ФЕ. С самого начала. – *Да-да, начните, как говорили латиняне, «ab ovo», от яйца (П. Галицкий. Цена Шагала). Начинаем с начала, от яйца, из всего (Е. Радов. Змеесос).*

ЯЙЦА КУРИЦУ НЕ УЧАТ. ФЕ. *Разг.* Молодой, менее опытный не научит старшего, более опытного. *Экспр. Неодобр.* – *Родитель отвечивал коротко и решительно: «Яйца курицу не учат!» (В. Астафьев. Царь-рыба).*

ЯЙЦЕВИДНЫЙ / ЯЙЦЕОБРАЗНЫЙ. СО. Напоминающий по форме яйцо. – *Забыв о Тане, магнетизер схватился за свой яйцевидный живот, который, раздуваясь, становился все больше (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона). Семена крупные, яйцевидные, выпуклые, блестящие, с пестрой красивой мозаичной кожурой («Лесное хозяйство»).*

ЯЙЦЕГОЛОВЫЙ. СО. 1. Имеющий голову в форме яйца. – *Яйцеголовый, приятно грассирующий генерал береговой службы, не глядя на младшего архивиста Башуцкого, сказал тускло: «Вы этого никогда не видели. Идите» (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны).*

2. *Разг.* Умный, начитанный интеллектунл. *Экспр.* – *Пора отойти от мысли, что вот какие-то яйцеголовые умники где-то между собой что-то придумали, исходя из каких-то своих представлений и интересов, а нам потом с этим жить («Русский репортер»).*

В пределах лексико-фразеологического гнезда образные языковые единицы располагаются в алфавитном порядке с учетом их структурно-семантического

типа. Например, в лексико-фразеологическом гнезде **МОЛОКО** словарные статьи образных слов и выражений приводятся в следующем порядке: 1. Языковые метафоры (от конкретных к абстрактным значениям): *молоко* 1) 'густой белый туман', 2) 'сок растений (плодов, стеблей, листьев) белого цвета, напоминающий молоко', 3) 'белое поле вокруг мишени'. 2. Авторские метафоры: *молоко* 1) 'о свете солнца или луны', 2) 'о благополучии, изобилии'. 3. Сравнительные обороты различной структуры (сравнения с компаративным элементом *как, будто, словно*; родительный сравнения, творительный сравнения): *как молоко* 'о густом белом тумане'; *цвета топленого молока* 'о чем-л. белого с легким коричневатым оттенком цвета, подобного цвету топленого молока (об одежде и предметах интерьера)' и др. 4. Фразеологизмы, включающие исходное наименование, располагаются в алфавитном порядке: *впитать с молоком матери* 'усвоить с самых ранних лет'; *как от козла молока* 'об отсутствии или невозможности получения положительных результатов от чьей-л. деятельности' и др. 5. Поговорки и пословицы: *обжѣгшись на молоке и на воду дует* 'о человеке, который стал очень осторожным из-за прежних ошибок и неудач и переносит старый опыт на новые ситуации'. 6. Собственно образные слова, метафорические производные от вершины гнезда: *молокосос* 'молодой неопытный человек'. 7. Метафорические значения лексем, производных от вершины гнезда: *молочный* 1) 'белый с легким желтоватым оттенком, подобный цвету молока', 2) 'очень молодой, юный', 3) 'находящийся на первой стадии налива, когда при раздавливании выделяется густая белая жидкость (о зерне или плодах в период созревания)'. 8. Образные выражения, включающие лексем, производные от вершины гнезда: *молочные зубы* 'зубы детей, вырастающие в раннем возрасте, выпадающие после шести лет и заменяющиеся новыми, постоянными'; *молочные реки, кисельные берега* 'о роскоши, изобилии'.

Внутри тематической рубрики первым помещается лексико-фразеологическое гнездо с вершиной, которая обобщает ряд явлений гастрономической сферы. Например, группа «Супы» открывается лексико-

фразеологическим гнездом **СУП**; рубрика «Тепловая обработка продуктов» – **ВАРИТЬ** и **ЖАРИТЬ**; рубрика «Место приготовления и поглощения пищи» – **КУХНЯ** и др. Последующие гнезда внутри рубрики располагаются в алфавитном порядке.

Лексико-фразеологическое гнездо как способ лексикографической подачи языкового материала демонстрирует единство исходного мотивирующего образа для серии образных слов и выражений. Распределение гнезд по тематическим рубрикам и разделам в «Словаре русской пищевой метафоры» направлено на отражение концептуального членения понятийной сферы «Еда».

2.2.2.3 Описание макроструктуры словаря

Значительный объем лексикографируемого языкового материала обуславливает разделение «Словаря русской пищевой метафоры» на 3 тома. Каждый том имеет подзаголовок: первый том называется «Блюда и продукты питания», второй том – «Гастрономическая деятельность», третий том – «Субъект, объект, инструменты гастрономической деятельности». В каждом томе словаря осуществляется подробное представление тематических разделов посредством систематизации образных слов и выражений по рубрикам и лексико-фразеологическим гнездам.

Макроструктура **первого тома «Блюда и продукты питания»** включает три рубрики: 1. «Продукты растительного происхождения», 2. «Продукты животного происхождения», 3. «Кулинарные блюда и изделия». В разделе «Продукты растительного происхождения» представлены тематические рубрики «Зерновые продукты, мучные и крупяные изделия», «Фрукты», «Овощи», «Ягоды», «Грибы», «Орехи». Этот раздел включает 85 лексико-фразеологических гнезд.

Тематическая группа **«Зерновые продукты, мучные и крупяные изделия»** содержит 36 лексико-фразеологических гнезд, вершинами которых являются

исходные мотивирующие наименования зерновых продуктов, мучных и крупяных блюд. Например:

ЗЕРНО → *зерно* 1) ‘об очень мелких предметах округлой формы’, 2) ‘о малой, незначительной части чего-л. (чувств, эмоций, мыслей, информации и т. п.)’, 3) ‘основа, суть, исходное начало чего-л.’, 4) ‘какая-л. мысль, идея, зарождающаяся в человеке’; *заронить зерно* ‘возбудить, вызвать какое-л. чувство; дать основание, повод к чему-л.’ и др.;

КАША → *каша* 1) ‘полужидкая масса (грязь, мокрый снег и т. п.)’, 2) ‘путаница, беспорядочное смешение фактов, событий, явлений’, 3) ‘суматоха, нестабильная военная или политическая ситуация’, *заварить кашу* ‘начать какое-л. хлопотливое, трудное дело, имеющее неблагоприятные последствия’, *однокашник* ‘человек, учащийся с кем-л. вместе в школе, реже университете; одноклассник, однокурсник’ и др.;

МУКА → *как мука* 1) ‘о чем-л. рассыпчатым, порошкообразным, напоминающем по структуре муку’, 2) ‘о чем-л. бледного, серовато-белого цвета’, *всё перемелется – мука будет* ‘тяжелые времена пройдут, и все будет хорошо’, *мучной* ‘серовато-белый, подобный цвету муки’ и др.;

КАЛАЧ → *калач* ‘женская прическа пышной округлой формы с закрученными на голове волосами или косами’, *калачом не заманишь* ‘невозможно привлечь кого-л. никакими способами, уговорами, обещаниями’, *тёртый калач* ‘опытный человек, которого трудно провести, обмануть, которого жизненные трудности как бы долго «терли» и мяли, как тесто для калача’ и др.

Тематическая рубрика «Фрукты» представлена 12 исходными наименованиями, мотивирующими серию образных слов и выражений. Данная рубрика включает наименования фруктов, которые могут как подвергаться первичной обработке, так и употребляться в пищу без предварительного приготовления. Например:

ФРУКТ → *фрукт* ‘человек, обладающий отрицательными качествами’, *что за фрукт* ‘что за человек, какими чертами характера и особенностями поведения обладает, к какой категории людей относится’;

ГРУША → *груша* 1) ‘тренажер для отработки ударов в боксе, напоминающий своей формой грушу’, 2) ‘предмет, имеющий форму суженного посередине округлого конуса, напоминающий грушу (груша микрофона, резиновая груша, груша клаксона и т. п.)’, 3) ‘фигура женщины с узкой талией и выраженными бедрами’, *груши околачивать* ‘бездельничать, лениться, заниматься ерундой’ и др.

Тематическая рубрика «**Овощи**» содержит 18 исходных мотивирующих наименований, выступающих в качестве вершин лексико-фразеологических гнезд. Эта рубрика включает наименования овощей, которые употребляются в пищу как после первичной обработки (*баклажан, картошка, лук, оливка, свекла, тыква, хрен*), так и без предварительного приготовления (*капуста, морковь, огурец, помидор, перец, редиска, редька, репа*). Например:

ОВОЩ → *что за овощ* ‘что за человек, какими чертами характера и особенностями поведения обладает, к какой категории людей относится’, *всякому овощу своё время* ‘для достижения результата необходимо время, все произойдет в положенный срок, не нужно торопить события’ и др.;

КАРТОШКА → *как картошка* 1) ‘о предметах, напоминающих картошку по форме, размеру, цвету’, 2) ‘о ком-, чем-л. простом, непритязательном’, *нос картошкой* ‘нос с крупным круглым кончиком и широкими ноздрями’, *любовь не картошка* ‘любовь – это сильное чувство, которое нелегко преодолеть, от которого трудно избавиться’ и др.

Тематическая рубрика «**Ягоды**» включает 10 лексико-фразеологических гнезд, вершинами которых являются исходные мотивирующие наименования ягод, которые употребляются в пищу свежими и в составе различных блюд и напитков: варенье, джем, компот, морс, кисель, пироги, торты, десерты, желе. Например:

ЯГОДА → *ягодка* 1) ‘небольшой предмет, напоминающий ягоду по форме и цвету’, 2) ‘милый, любимый, симпатичный человек’, 3) ‘ласковое обращение к любимому человеку или ребенку’, *одного поля ягоды* ‘люди, схожие по своим привычкам, пристрастиям, характеру, воспитанию, образу жизни; занимающие одинаковое положение в обществе и т. д.’, *это ещё цветочки, а ягодки впереди* ‘это еще не самое худшее, в дальнейшем могут последовать более неблагоприятные события’ и др.;

МАЛИНА → *малинник* ‘женское окружение мужчины’, *малиновый* ‘насыщенный розовый с фиолетовым оттенком, подобный цвету ягод малины’, *малиновый звон* ‘приятный, мягкий по тембру, гармоничный звук колоколов, колокольчиков, бубенцов’ и др.

Тематическая рубрика «**Грибы**» содержит 5 лексико-фразеологических гнезд, которые объединены мотивирующим образом гриба. Данная тематическая рубрика включает наименования грибов, которые употребляются в пищу после первичной обработки: обычно грибы жарят, солят, маринуют, сушат. Например:

ГРИБ → *ядерный гриб* ‘грибовидное облако, возникающее после ядерного или термоядерного взрыва, также называемое радиоактивным облаком’, *появляться, как грибы после дождя* ‘появляться в большом количестве в короткие сроки’, *грибовидный* ‘имеющий расширенную округлую верхнюю часть и удлиненное суженное основание’ и др.;

ГРУЗДЬ → *назвался груздем, полезай в кузов* ‘если добровольно взялся за какое-л. дело, то выполняй свои обязанности в соответствии со сделанным выбором’ и др.

Тематическая группа «**Орехи**» содержит 4 лексико-фразеологических гнезда, вершинами которых являются наименования орехов. В этой рубрике представлены исходные мотивирующие наименования орехов, которые употребляются в пищу как до первичной обработки, так и после нее. Например:

ОРЕХ → *не по зубам орех* ‘о какой-л. проблеме, задаче, решить которую крайне сложно или невозможно’, *расколоться, как орех* ‘выдать секретную

информацию под давлением извне, перестать скрывать правду’, *крепкий орешек* ‘о волевом, решительном человеке с твердыми принципами и убеждениями’ и др.;

ФИСТАШКА → *фисташковый* ‘светло-зеленый с легким желтоватым оттенком, подобный цвету ядра фисташкового ореха (преимущественно об одежде и предметах интерьера)’ и др.

Рубрика «Продукты животного происхождения» включает 31 лексико-фразеологическое гнездо. Представлены тематические группы «Молочные продукты», «Яйцо», «Мясные продукты и блюда», «Рыбные продукты и блюда».

Тематическая группа «**Молочные продукты**» содержит 12 лексико-фразеологических гнезд, вершинами которых являются исходные мотивирующие наименования молочных и кисломолочных продуктов. Например:

МОЛОКО → *молоко* 1) ‘густой белый туман’, 2) ‘сок растений (плодов, стеблей, листьев) белого цвета, напоминающий молоко’, 3) ‘белое поле вокруг мишени’ и др., *впитать с молоком матери* ‘усвоить с самых ранних лет’, *обжѣгшись на молоке и на воду дует* ‘о человеке, который стал очень осторожным из-за прежних ошибок и неудач и переносит старый опыт на новые ситуации’ и др.;

СЛИВКИ → *сливки* ‘самая лучшая часть чего-л.’, *как взбитые сливки* ‘о легких, пышных, объемных предметах белого цвета (облаках, платьях)’, *снимать сливки* ‘воспользовавшись удачным моментом, извлечь наибольшую выгоду, взять лучшее в сложившейся ситуации’ и др.

В тематической рубрике «**Яйцо**» располагается 1 лексико-фразеологическое гнездо **ЯЙЦО**:

ЯЙЦО → *форма яйца* ‘овальная форма с одним суженным и другим расширенным концами’, *от яйца* ‘с самого начала’, *яйца курицу не учат* ‘молодой, менее опытный не научит старшего, более опытного’, *яйцеголовый* 1) ‘имеющий голову в форме яйца’, 2) ‘умный, начитанный интеллектual’ и др.

Тематическая рубрика «**Мясные продукты и блюда**» включает 11 лексико-фразеологических гнезд, вершинами которых являются наименования мясных

продуктов и блюд. Это обусловлено тем, что во внеязыковой действительности мясо является основным ингредиентом для приготовления этих блюд. Например:

МЯСО → *как мясо* 1) ‘о чем-л. красном’, *ни рыба ни мясо* ‘о ком-, чем-л., не имеющем отличительных индивидуальных свойств; ни то ни се’, *пушечное мясо* 1) ‘солдаты, насильственно или бессмысленно посылаемые на смерть, на убой’, 2) ‘люди, оказавшиеся жертвами манипуляций’ и др.;

ФАРШ → *фарш* 1) ‘комплектация автомобиля’, 2) ‘человек, с интересами которого не считаются, жертва манипуляций’, *сделать фарш* 1) ‘сильно избить, поколотить’, 2) ‘оказать моральное давление, отругать, раскритиковать’, 3) ‘подвергнуть испытаниям, заставить пережить трудности’, *фаршировать* 1) ‘снабдить в изобилии какими-л. знаниями, сведениями’, 2) ‘наполнить какой-л. информацией’ и др.

Тематическая рубрика «**Рыбные продукты и блюда**» содержит 7 лексико-фразеологических гнезд, вершины которых называют рыбные продукты (*вобла, килька, лосось, сельдь*) и блюда (*икра, шпроты*). Например:

РЫБА → *крупная рыба* ‘что-л. очень значимое, ценное, выгодное (человек, социальное явление)’, *биться как рыба об лёд* ‘безуспешно стараться изо всех сил сделать что-л.’, *ловить рыбу в мутной воде* ‘извлекать выгоду из чужих затруднений, вызванных нестабильностью ситуации, бесконтрольностью, отсутствием порядка’ и др.;

ЛОСОСЬ → *лососёвый* ‘яркий светло-розовый с оранжевым оттенком, подобный цвету филе лосося’;

СЕЛЬДЬ → *как сельдей в бочке* ‘о скоплении большого количества людей или предметов в ограниченном пространстве’, *селёдка* ‘очень худая женщина’ и др.

Тематический раздел «Кулинарные блюда и изделия» включает 7 разделов: «Закуски и гарниры», «Супы», «Сладости», «Напитки», «Приправы и специи», «Части кулинарных изделий» и «Остатки пищи». Этот раздел включает 52 лексико-фразеологических гнезда.

Тематическая рубрика «**Закуски и гарниры**» содержит 5 лексико-фразеологических гнезд, вершинами которых являются исходные мотивирующие наименования закусок, гарнира, соуса. Эти кулинарные изделия подаются как перед основными блюдами (*бутерброд, винегрет, закуска*), так и вместе с ними (*гарнир, соус*). Например:

ЗАКУСКА → *на закуску* ‘в заключение, напоследок’;

ВИНЕГРЕТ → *винегрет* 1) ‘путаница, беспорядочное смешение фактов, событий, явлений’, 2) ‘невнятная речь, лишенная четкого и ясного произношения’, *винегрет в голове* ‘путаница мыслей, отсутствие логики, неумение разобраться в разнородной информации’, *порубить на винегрет* 1) ‘уничтожить противника в ходе боевых действий’ и др.

Тематическая рубрика «**Супы**» представлена 9 лексико-фразеологическими гнездами, вершинами которых выступают исходные наименования супов. Например:

СУП → *индюк тоже думал да в суп попал* ‘ответ на реплику оправдательного характера «я думал», выражающий отрицательную оценку поступков, повлекших негативные последствия’, *потом – суп с котом* 1) ‘ответ на вопрос «а потом?» при нежелании продолжать рассказ о последующих событиях’, 2) ‘реплика на отговорку, предложение сделать дело не сразу, отложить на потом’, *у кого суп жидкий, а у кого жемчуг мелкий* ‘у представителей разных социальных классов разное понимание жизненно важных потребностей’ и др.;

ЩИ → *не лаптем щи хлебать* 1) ‘быть смышленным, сообразительным, догадливым’, 2) ‘быть развитым, современным, образованным’, *попасть как кур во щи* ‘неожиданно оказаться в неловком, затруднительном положении’, *профессор кислых щей* ‘самоуверенный глупец, выскочка, с умным видом рассуждающий о вещах, в которых он не является специалистом’ и др.

Тематическая рубрика «**Сладости**» включает 10 лексико-фразеологических гнезд, которые объединяют образные слова и выражения, мотивированные наименованиями сладких блюд и изделий. Тематическая рубрика включает в

качестве исходных мотивирующих наименований названия сладких блюд, приготовленных человеком (*варенье, десерт, желе, карамель, конфета, торт, шоколад*), природного продукта (*мед*) и основного ингредиента сладких блюд (*сахар*). Например:

САХАР → *как сахар* 1) ‘о чем-л. чисто-белого цвета’, 2) ‘о чем-л. сладком, вкусном’, 3) ‘о чем-л. приятном, доставляющем удовольствие (мыслях, словах)’, *таять, как сахар* ‘исчезать бесследно, утрачиваться’, *не сахарный* 1) ‘трудный, доставляющий проблемы, хлопоты (о жизни, работе)’, 2) ‘конфликтный, сложный (о характере человека)’ и др.;

ЖЕЛЕ → *желе* 1) ‘что-л. дрожащее, колеблющееся, словно плотное, но упругое желе’, 2) ‘что-л. очень медленно движущееся, почти остановившееся, словно загустевшее желе’, *как желе* ‘о том, что дрожит, колеблется, словно плотное и упругое желе’, *желейный* ‘мягкий, но плотный и упругий, как желе’ и др.;

ШОКОЛАД → *всё в шоколаде* ‘отлично, замечательно, благополучно’, *шоколадно* 1) ‘благополучно, счастливо’, 2) ‘льстиво, заискивающе’, *шоколадный* ‘темно-коричневый с легким желтоватым оттенком, подобный цвету шоколада’ и др.

Тематическая рубрика «**Напитки**» содержит 10 лексико-фразеологических гнезд, которые объединяют образные слова и выражения, мотивированные наименованиями алкогольных и безалкогольных напитков. Например:

КИСЕЛЬ → *кисель* 1) ‘густой туман’, 2) ‘природное явление, вызывающее ощущение вязкости, густоты, плотности’, 3) ‘бесхарактерный, слабый человек’, 4) ‘отсутствие ясности, четкости, логической последовательности (о речевых и художественных произведениях)’, *превратиться в кисель* ‘смешавшись с водой, превратиться в густую вязкую жидкость (о почве, талом снеге)’, *седьмая вода на киселе* ‘дальний родственник’ и др.;

ВИНО → *как вино* ‘о чем-л., что с течением времени становится только лучше (дороже, привлекательнее)’, *бродить, как вино* ‘о состоянии

эмоционального подъема, душевного волнения’, *бросаться в голову, как вино* ‘вызывать сильное волнение, возбуждение’ и др.

Тематическая рубрика «**Приправы и специи**» содержит 6 лексико-фразеологических гнезд, вершинами которых являются исходные мотивирующие наименования пряностей (*ваниль, горчица, перец, шафран*) и вкусовых добавок (*соль, уксус*). Например:

ПЕРЕЦ → *перец* ‘насмешливый, остроумный человек, шутник’, *как перец* 1) ‘о терпком пряном запахе’, 2) ‘о метком, остроумном, разоблачающем замечании, речевом произведении’, *как будто под хвост перцу насыпали* ‘очень быстро, суетливо, интенсивно’, *цвета соли с перцем* ‘о темных волосах, перемешанных с седыми или осветленными прядями’ и др.;

УКСУС → *на халяву и уксус сладкий* ‘то, что достается без усилий, бесплатно, принимается без претензий, не оценивается критически’, *уксусный* 1) ‘резкий, неприятный, пронзительный, визгливый (о голосе)’, 2) ‘недовольный, унылый, тоскливый (о выражении лица)’, 3) ‘неприятный, мучительный (о негативных чувствах, эмоциях)’, 4) ‘грубый, неприличный (о словах, выражениях)’.

Тематическая рубрика «**Части кулинарных изделий**» содержит 2 лексико-фразеологических гнезда, вершинами которых являются наименования отдельных частей блюд. Например:

КУСОК → *лакомый кусочек* ‘что-л. привлекательное, заманчивое, соблазнительное, на чем можно поживиться’, *кусок не лезет в горло* ‘о состоянии, когда человек не может есть от волнения, усталости и т. п.’, *кусок хлеба* ‘средства к существованию, заработок, пропитание’ и др.;

ЛОМОТЬ → *отрезанный ломоть* ‘человек, ставший самостоятельным, оторвавшийся от семьи’.

Завершает раздел «Кулинарные блюда и изделия» тематическая рубрика «**Остатки пищи**», в которую входят 10 лексико-фразеологических гнезд. Исходные мотивирующие наименования называют остатки от зерна при его

первичной обработке (*мякина*), от продуктов питания при их приготовлении (*кочерыжка, скорлупа, шелуха*), от продуктов и блюд при их употреблении в пищу (*кость, крошка, объедки, огрызок*). Например:

КРОШКА → *крошка* 1) ‘предмет нестандартно маленького размера’, 2) ‘маленький ребенок’, 3) ‘милая, привлекательная девушка’, 4) ‘мельчайшее, незначительное проявление какой-л. эмоции, чувства, мысли’, *до последней крошки* ‘полностью, все без остатка’, *ни крошки* ‘совсем ничего’ и др.;

ОБЪЕДКИ → *объедки* 1) ‘старые, бывшие в употреблении вещи’, 2) ‘остаточное количество денег, материальных благ, унижающая подачка’, 3) ‘малое, незначительное проявление эмоций и чувств’, 4. ‘что-л. малозначительное, не представляющее высокой ценности’, *объедки с чужого стола* ‘остаточное количество денег, материальных благ, духовных ценностей; унижающая подачка’) и др.

Тематический раздел «Блюда и продукты питания» включает 168 лексико-фразеологических гнезд, вершинами которых являются исходные мотивирующие наименования зерновых, молочных, мясных и рыбных продуктов; фруктов, овощей, ягод, грибов, орехов, яйца; кисломолочных, мясных и рыбных блюд; закусок, гарниров, супов, сладостей, напитков, приправ, специй, частей кулинарных изделий и остатков пищи.

На уровне макроструктуры **второго тома «Гастрономическая деятельность»** представлены тематические рубрики «Тепловая обработка продуктов», «Механическая обработка продуктов», «Консервация и ферментная обработка продуктов», «Приготовление составов и формирование кулинарных изделий». Всего описано 19 лексико-фразеологических гнезд.

Тематическая рубрика «**Тепловая обработка продуктов**» включает 4 лексико-фразеологических гнезда, вершинами которых являются наименования процессов термической обработки продуктов. Например:

ВАРИТЬ – СВАРИТЬ → *котелок не варит* ‘о человеке, не способном хорошо соображать, быстро принимать правильные решения’, *свариться* ‘стать

вялым, разомлевшим, покраснеть и вспотеть из-за долгого пребывания на солнце или в жарком месте’, *как варёный* ‘о медлительном, вялом, апатичном человеке’, *заваруха* ‘внезапно возникшая сложная, непредсказуемая жизненная или социально-политическая ситуация, нарушающая привычный порядок событий и чаще всего имеющая негативные последствия’, *навар* ‘прибыль, выгода, спекулятивные доходы’ и др.;

ЖАРИТЬ – ЗАЖАРИТЬ / ПОДЖАРИТЬ / ПОЖАРИТЬ → жарить 1) ‘обжигать лучами, палить (о солнце)’, 2) ‘излучать яркий свет’, 3) ‘жарко топить печь’, 4) ‘неоднократно и интенсивно стрелять, вести обстрел’ и др., *будто кто пятки жарит* ‘о быстром, стремительном беге’, *жареные факты* ‘сведения скандального, сенсационного характера, публикуемые в средствах массовой информации’, *как жареные пирожки разобрать* ‘о товарах, которые пользуются большим покупательским спросом, быстро распродаются’ и др.

Тематическая рубрика «**Механическая обработка продуктов**» включает 8 лексико-фразеологических гнезд, вершинами которых являются исходные мотивирующие наименования процессов механической подготовки продуктов к приготовлению. Например:

КРОШИТЬ – ИСКРОШИТЬ / ПОКРОШИТЬ / РАСКРОШИТЬ → крошить 1) ‘уничтожать что-л., ломая, круша, разделяя на мелкие части’, *крошево* 1) ‘состоящий из мелких твердых частиц снег, разбитый на мелкие кусочки лед’, 2) ‘множество мелких частиц разбитых, разломанных, раздробленных предметов’, 3) ‘раздробленные, покалеченные части человеческого тела’, 4) ‘активные боевые действия, связанные с большим количеством пострадавших раненых бойцов, разбитой техники, разрушительных последствий стрельбы из орудий’ и др.;

ПОТРОШИТЬ – ВЫПОТРОШИТЬ → потрошить 1) ‘извлекать содержимое какой-л. емкости для хранения или транспортировки чего-л. (мешка, сумки, чемодана, шкафа, ящика, бака)’, 2) ‘обворовывать, присваивая чужое имущество, лишая денежных средств’, 3) ‘разрывать на части что-л.; срывать покровы, извлекая содержимое’, *выпотрошенный* ‘уставший морально или

физически человек, выбившийся из сил и не способный на какую-л. деятельность’, *распотрошить* ‘разобрать на составные части механическое устройство’ и др.

Тематическая группа «**Консервация и ферментная обработка продуктов**» включает 5 лексико-фразеологических гнезд, вершинами которых выступают исходные мотивирующие наименования процессов консервации и ферментации. Например:

БРОДИТЬ – ВЫБРОДИТЬ – ПЕРЕБРОДИТЬ → *бродит* ‘интенсивно, бурно, стремительно развиваться, ощущаться (о мыслях, чувствах, эмоциях)’, *брожение* 1) ‘массовое проявление недовольства, протестные настроения в обществе, коллективе’, 2) ‘интенсивное, бурное переживание чувств, эмоций’, *перебродит* 1) ‘перестать беспокоить (о мыслях, чувствах)’, 2) ‘со временем утратить изначальные свойства, изменить качества (о характере, способностях, идеях)’ и др.;

МАРИНОВАТЬ – ЗАМАРИНОВАТЬ → *мариновать* 1) задерживать на долгое время, не отпуская кого-л.’, 2) ‘намеренно задерживать решение, исполнение чего-л.’, *мариноваться* 1) ‘вынужденно находиться в определенном месте длительное время’, 2) ‘откладывать на длительное время’ и др.

Тематическая группа «**Приготовление составов и кулинарных изделий**» включает 6 лексико-фразеологических гнезд. Например:

НАЧИНЯТЬ – НАЧИНИТЬ → *начинять* 1) ‘наполнять каким-л. веществом внутреннюю полость какого-л. предмета’, – *увлекались только пиротехникой, начиняли порохом и взрывали баллончики* 2) ‘устанавливать технические устройства, оборудование во внутренней части прибора или строения’, 3) ‘размещать какие-л. предметы внутри чего-л.’ и др., *начинка* 1) ‘вещество, материал, заполняющий внутреннюю часть предметов’, 2) ‘внутреннее техническое устройство приборов, механизмов’, 3) ‘характер, внутренние качества человека’ и др.;

СТРЯПАТЬ – СОСТРЯПАТЬ → *состряпать* 1) ‘создать порочащие, компрометирующие документы, как правило, фальсифицированного характера, с целью обвинения, дискредитации кого-л.’, 2) ‘изготовить поддельные документы для достижения корыстных целей, вводя в заблуждение других заинтересованных лиц’, 3) ‘произвести что-то быстро и некачественно, как правило, в большом количестве, преследуя корыстные интересы’ и др., *стряпня* ‘литературно-художественные, публицистические, театральные, кинематографические произведения низкого качества’, *обстряпать* ‘выгодно устроить, уладить какое-л. дело, чаще не вполне законное’, *устряпаться* ‘испачкаться’ и др.

Второй раздел «Процессы поглощения пищи» включает тематические рубрики «Поглощение пищи», «Поглощение жидкости», «Этапы и способы поглощения пищи», «Кормление», «Физиологические процессы, связанные с поглощением пищи». Данная тематическая область содержит 21 лексико-фразеологическое гнездо.

Тематическая рубрика «Процессы поглощения» содержит 4 лексико-фразеологических гнезда, вершинами которых выступают наименования процессов поглощения твердой пищи. Например:

ЕСТЬ – СЪЕСТЬ – СЪЕДАТЬ → *съесть* ‘уничтожить противника в конкурентной борьбе’, *с чем его едят* ‘что это значит, как это использовать (о явлениях, предметах)’, *Васька слушает да ест* ‘кто-л. продолжает делать свое дело, поступать по-своему, не считаясь с мнением говорящего, несмотря на осудительное отношение к его действиям окружающих’, *быт заел* ‘утратить духовность, способность делать важные дела, решать серьезные проблемы, будучи погруженным в решение мелких текущих дел и забот’, *сердцеед* ‘мужчина, пользующийся большим успехом в женском обществе, покоритель женских сердец’ и др.;

ЖРАТЬ – СОЖРАТЬ – СЖИРАТЬ → *жрать живьем* ‘жестоко подавлять, уничтожать кого-л.’, *сожрать и не подавиться* 1) ‘поверить в чей-л. обман’, 2) ‘морально уничтожить, принизить силой своего превосходства’, *обжора* ‘тот, кто

чрезмерно увлекается чем-л.’, *пожирать* 1) ‘отнимать время и силы (о какой-л. бессмысленной деятельности)’, 2) ‘избавляться от соперников в конкурентной борьбе’. 3) ‘уничтожать кого-л. морально и физически’, *прожорливость* ‘способность потреблять большое количество топлива, энергетических ресурсов’ и др.

Тематическая группа «**Поглощение жидкости**» содержит 3 лексико-фразеологических гнезда, вершинами которых являются исходные мотивирующие наименования процессов поглощения напитков и жидкой пищи. Например:

ПИТЬ – ВЫПИТЬ – ВЫПИВАТЬ → *как пить дать* ‘точно, несомненно’, *выпить все соки* ‘лишить психологических, физических сил, мучая, угнетая или эксплуатируя кого-л.’, *вашими устами да мёд пить* ‘хорошо, если бы случилось так, как вы говорите’, *кто не рискует, тот не пьет шампанского* ‘тот, кто не боится рисковать, имеет больше шансов на успех’, *испить* 1) ‘получить какой-л. жизненный опыт’, 2) ‘испытать, прочувствовать’, 3) ‘отнять, отобрать что-л.’, *упиваться* ‘наслаждаться чем-л., испытывать удовольствие, восторг’ и др.;

ХЛЕБАТЬ → *хлебнуть* 1) ‘перенести жизненные трудности, тяжёлые испытания’, 2) ‘получить какой-л. жизненный опыт’, *из одного котелка хлебать* ‘быть с кем-л. в тесных дружеских отношениях’, *несолоно хлебавши* ‘ни с чем, ничего не добившись’, *прихлебатель* ‘тот, кто угодничают, подхалимничает, с целью получения каких-л. благ, привилегий’, *расхлёбывать* ‘исправлять последствия неверных действий; улаживать сложную, неприятную ситуацию’ и др.

В тематической рубрике «**Этапы и способы поглощения пищи**» образные слова и выражения систематизированы по исходным мотивирующим наименованиям в 6 лексико-фразеологических гнездах. Например:

ГЛОТАТЬ – ПРОГЛОТИТЬ – ПРОГЛАТЫВАТЬ → *глотать* 1) ‘принимать платежные средства, купоны, билеты (об автоматических устройствах)’, 2) ‘не проговаривать звуки, слова, фразы, произносить их неотчетливо’, 3) ‘сдерживать проявление эмоций (о смехе, плаче)’ и др., *проглотить пилюлю* ‘смириться с

несправедливым отношением, неблагоприятными обстоятельствами’, *глотать слюнки* 1) ‘испытывать сильное желание съесть что-л. под впечатлением от вида, аромата еды, воспоминаний о еде и т. п.’, 2) ‘с завистью, с жадностью, вожделением смотреть на что-л. заманчивое, но недоступное’, *заглотить крючок* ‘стать объектом манипулирования, попасться на уловку’ и др.;

ЖЕВАТЬ – ПРОЖЕВАТЬ – ПРОЖЕВЫВАТЬ → *жевать не пережевать* ‘о больших объемах предстоящей работы’, *даром хлеб жевать* ‘жить за чужой счет, незаслуженно иметь денежные доходы’, *жевать мочалку* ‘нудно и бестолково говорить об одном и том же’, *жвачка* ‘из раза в раз повторяющаяся тема для обсуждения’, *разжевать и в рот положить* ‘объяснить все детально, максимально простым языком и дать готовое решение’ и др.

Тематическая рубрика «Кормление» включает 4 лексико-фразеологических гнезда. Например:

КОРМИТЬ – НАКОРМИТЬ → *зря хлебом кормить* ‘материально обеспечивать лентяя, бездельника’, *кормить сказками* 1) ‘лгать, недостоверно преподносить информацию’, 2) ‘не выполнять обещания, уходить от ответственности’, *волка ноги кормят* ‘чтобы добыть средства к существованию, надо не сидеть на месте, а энергично работать’, *не в коня корм* ‘о бессмысленных, напрасных, безрезультатных усилиях’, *кормушка* ‘место, где можно бесконтрольно поживиться, получить что-л. неблагоприятными, незаконными способами’ и др.;

ПИТАТЬ → *питаться акридами и мёдом* ‘скудно питаться, голодать’, *питательная среда* ‘обстановка, способствующая упрочению, развитию чего-л., создающая почву для чего-л.’, *впитать с молоком матери* ‘усваивать, воспринимать с ранних лет какие-либо мысли, сведения, правила, нормы поведения и т. п.’, *впитывать как губка* ‘о восприимчивом, легко и быстро усваивающем что-л. человеке’, *пропитаться* 1) ‘пропахнуть чем-л.’, 2) ‘проникнуться какими-л. мыслями, чувствами, идеями и т. п.’ и др.

Тематическая рубрика «**Физиологические процессы, связанные с поглощением пищи**» содержит 4 лексико-фразеологических гнезда. Например:

ДАВИТЬСЯ – ПОДАВИТЬСЯ → *подавиться* ‘задохнуться от приступа смеха, плача, рыданий, зевоты, попавшего в горло дыма’, *подавись* ‘ответ на чье-л. требование отдать что-л., выражающий нежелание’, *давиться куском* ‘делать что-л. второпях, некачественно’, *чтоб мне подавиться!* ‘клянусь!’ и др.;

ПЕРЕВАРИВАТЬ – ПЕРЕВАРИТЬ → *переваривать* 1) ‘функционировать, перерабатывая топливо (об автомобилях)’, 2) ‘перерабатывать вещество посредством химической реакции’, 3) ‘понимать, усваивать что-л., овладевать каким-л. знанием’, 4) ‘осмыслять, осознавать что-л., свыкаться с какой-л. идеей, мыслью’, *не переваривать* ‘не любить, не выносить кого- или чего-л.’, *удобоваримый* ‘пригодный, приемлемый для чего-л.’ и др.

Макроструктура **третьего тома «Субъект, объект, инструменты гастрономической деятельности»** включает три рубрики: «Качества и свойства пищи», «Субъект гастрономической деятельности», «Кухня и кухонный инвентарь». Всего описано 61 лексико-фразеологическое гнездо.

Раздел «Качества и свойства пищи» представлен тематическими рубриками «Вкусовые свойства продуктов», «Качества, связанные с составом продуктов», «Высокая и низкая степень качества продуктов».

Тематическая рубрика «**Вкусовые свойства продуктов**» содержит 9 лексико-фразеологических гнезд, вершинами которых являются исходные мотивирующие наименования вкуса продуктов и блюд. Например:

ГОРЬКИЙ → *горький* ‘тяжелый, горестный, исполненный тягот, невзгод, горя’, *горе горькое* ‘чрезвычайно сильное горе’, *горькая правда* ‘о чем-л. справедливом, но неприятном, обидном’, *горький урок* ‘тяжелые испытания’ и др.;

СЛАДКИЙ → *сладкий* 1) ‘о жизни, наполненной удовольствием, счастьем, радостью’, 2) ‘приятный чувства, мечты, желания, доставляющие удовольствие, наслаждение’, 3) ‘приятный на слух (о звуках, о голосе)’ и др., *оставить на сладкое* ‘отложить самое приятное, лучшее на потом’, *сладкоголосый* ‘умеющий

красиво, увлекательно говорить’, *слащавый* ‘чрезмерно ласковый, любезный’, *наслаждение* ‘высшая степень удовольствия’ и др.

Тематическая рубрика «**Качества, связанные с составом продуктов**» включает 5 лексико-фразеологических гнезд. Исходными мотивирующими лексемами серии образных слов и выражений выступают наименования характеристик блюд по составу. Например:

ЖИРНЫЙ → *жирный кусок* ‘что-л. выгодное, заманчивое куш’, *жирно будет* ‘слишком много, роскошно’ и др.;

СОЧНЫЙ → *сочный* 1) ‘полный, ярко окрашенный (о губах)’, 2) ‘свежий, полный (о теле)’, 3) ‘яркий, глубоких, чистых тонов (о цвете, красках, изображениях и т. п.)’, 4) ‘выразительный, образный, яркий (о языке, литературном произведении, сценической игре)’, 5) ‘звучный (о голосе, звуках)’ и др.

Тематическая рубрика «**Высокое / низкое качество продуктов**» содержит 7 лексико-фразеологических гнезд, вершинами которых выступают наименования высокой (*вкусный, деликатес, лакомый, смачный*) и низкой (*тухлый, черствый*) степени качеств продуктов питания и блюд. Например:

ВКУСНЫЙ → *вкусный* 1) ‘ароматный, свежий, приятный (о запахе)’, 2) ‘яркий, красочный, выразительный, внешне привлекательный (о красках, видах, зрительно воспринимаемых объектах)’, 3) ‘выразительный, красочный, яркий (о манере речи, словах, текстах)’, 4) ‘интересный, увлекательный, интригующий (о содержании речевых произведений, книгах, статьях, спектаклях и т. п.)’ и др., *вкуснятина* ‘что-л. привлекательное, выразительное, вызывающее интерес’ и др.;

СМАЧНЫЙ → *смачный* 1) ‘сильный, обильный, насыщенный’, 2) ‘выразительный, яркий’, 3) ‘непристойный, фривольный’, *смачность* ‘яркость, неповторимость’, *смак* 1) ‘приятное ощущение, удовольствие, испытываемое во время чего-л.’, 2) ‘особый интерес, смысл, особая острота чего-л.’, *смакование* ‘ощущение особого наслаждения, удовольствия’, *смаковать* ‘делать что-л.,

выполнять или воспринимать что-л., испытывая особое удовольствие, наслаждение этим' и др.

Тематический раздел «Субъект гастрономической деятельности» включает рубрики «Субъект поглощения пищи», «Субъект кормления и приготовления пищи», «Состояния субъекта поглощения пищи». В этом разделе образные слова и выражения систематизированы в 11 лексико-фразеологических гнезд. Тематическая рубрика «**Субъект поглощения пищи**» включает 1 лексико-фразеологическое гнездо **ГУРМАН**:

ГУРМАН → *гурман* 'ценитель искусства; поклонник всего изящного, красивого'.

Тематическая рубрика «**Субъект кормления и приготовления пищи**» содержит 2 лексико-фразеологических гнезда. Например:

МЯСНИК → *мясник* 1) 'врач (чаще всего хирург), выполняющий свои обязанности непрофессионально, с негативными последствиями для пациента', 2) 'человек, отличающийся особой жестокостью, способный совершить убийство');

ПОВАР → *повар* 1) 'человек, умело / неумело создающий произведения искусства', 2) 'человек, формирующий политическую ситуацию', *поварёнок* 'начинающий политик'.

Тематическая рубрика «**Состояния субъекта поглощения пищи**» представлена 8 лексико-фразеологическими гнездами, вершинами которых являются исходные мотивирующие наименования состояний субъекта поглощения пищи. Например:

АППЕТИТ → *аппетит* 1) 'интерес, желание, стремление к какому-л. занятию, явлению', 2) 'желание получить какую-л. выгоду, прибыль; стремление заполучить власть', 3) 'потребление топлива, энергии (о технике, автомобилях)', 4) 'интерес, влечение', *с аппетитом* 'с интересом, с наслаждением', *аппетит приходит во время еды* 'желание заниматься чем-л. приходит в процессе работы', *аппетитный* 1) 'заманчивой, вызывающий интерес', 2) 'приятный,

доставляющий положительные эмоции’, 3) ‘привлекательный, соблазнительный, с пышными формами (о женщине)’ и др.;

СЫТЫЙ → *сытый* 1) ‘материально обеспеченный, довольный жизнью, не знающий нужды’, 2) ‘упитанный, откормленный, холеный, крупный (о человеке или животном, частях тела)’, *как сытый кот* ‘жмуриться, потягиваться лениво, с наслаждением’, *сыт не будешь* ‘чего-л. недостаточно для удовлетворения собственных потребностей’, *насыщать* 1) ‘пропитывать каким-л. веществом’, 2) ‘снабдить чем-л. в изобилии’, *пресытиться* ‘стать безразличным, равнодушным к чему-л., утомиться вследствие чрезмерного удовлетворения каких-л. потребностей, неумеренного пользования чем-л.’ и др.

Тематический раздел «Кухня и кухонный инвентарь» включает разделы «Место приготовления и поглощения пищи» и «Посуда и прочий кухонный инвентарь». Всего описано 39 лексико-фразеологических гнезд. Тематическая рубрика «Место приготовления и поглощения пищи» включает следующие гнезда. Например:

КАБАК → *кабак* 1) ‘учреждение или рабочий коллектив, в котором нарушена дисциплина, не соблюдаются никакие правила’, 2) ‘грязное помещение’, 3) ‘шумное место’;

КУХНЯ → *кухня* ‘скрытая сторона какой-л деятельности, известная только тем, кто долго с ней связан’, *кухня погоды* ‘регионы, влияющие на появление циклонов, изменение атмосферного фронта’, *кухонный* ‘домашний, скрытый, не разглашаемый общественности (о разговорах, философии)’, *кухонная латынь* ‘неправильная, сопровождающаяся ошибками латинская речь’.

Тематическая рубрика «Посуда и прочий кухонный инвентарь» содержит 37 лексико-фразеологических гнезд. Исходными мотивирующими единицами выступают наименования посуды (*блюдо, блюдце, дуршлаг, горшок, кастрюля, ковш, миска, решето, рюмка, сито, сковорода, стакан, тарелка, тёрка, чайник, чашка*), кухонной утвари (*бочка, бутылка, ведро, жёрнов, кадка, котёл, кувшин, ступа*), столовых приборов (*вилка, ложка, нож*), кухонных аксессуаров

(*перечница, скатерть, штопор*), бытовой техники (духовка, миксер, морозильник, мясорубка, холодильник). Например:

БЛЮДЦЕ → *с блюдце* ‘о круглых и больших глазах’, *как блюдце* 1) ‘о круглых предметах’, 2) ‘о плоских предметах’, *на блюдечке с голубой каёмочкой* ‘о ситуации, в которой можно получить что-л. ценное даром’;

КАСТРЮЛЯ → *кастрюля* 1) ‘что-л. бесполезное, никчемное, некачественное, потерявшее товарный вид; предмет, не выполняющий своей функции’, 2) ‘голова’, 3) ‘о глупом человеке’, *как кастрюля* ‘о голове большого размера’, *вываливаться как тесто из кастрюли* ‘увеличиваться в объеме (о человеческом теле, границах государства, получаемой информации)’, *марш пустых кастрюль* ‘форма уличного протеста против бедности, в ходе которого участники создают шум, ударяя в пустые кастрюли и другую домашнюю утварь’, *кастрюлька* ‘шляпа, по форме напоминающая кастрюлю’;

РЕШЕТО → *как решето* ‘о чем-л, имеющем много отверстий’, *голова как решето* ‘о плохой памяти’, *изрешетить* ‘покрыть сплошь дырами, пробить во многих местах’ и др.

Всего в трех первых томах «Словаря русской пищевой метафоры» представлено 340 лексико-фразеологических гнезд. Первый том «Блюда и продукты питания» объединяет 170 лексико-фразеологических гнезд, включающих 955 образных слов и выражений. Второй том «Гастрономическая деятельность» содержит 104 гнезда, описывающих 1 424 образных слова и выражения. Третий том «Субъект, объект, инструменты гастрономической деятельности» включает 66 лексико-фразеологических гнезд и 800 образных слов и выражений.

Организация макроструктуры первых трех томов в соответствии с тематической классификацией исходной сферы «Еда» как источника метафорических проекций реконструирует концептуальную структуру сферы-источника. Членение тематических областей на разделы и рубрики демонстрирует категоризацию явлений гастрономической сферы, которые задействованы в

образном выражении представлений человека о мире и связаны с метафорическим переосмыслением гастрономических образов. В тематические рубрики объединяются вербальные языковые единицы на основании семантической близости исходных мотивирующих наименований.

Через образы явлений гастрономической сферы человек описывает мир, экстраполируя свои знания о продуктах питания, блюдах, напитках, добычании, приготовлении, поглощении пищи и др. на окружающую действительность, что зафиксировано в языке как отражение пищевого кода культуры. Систематизация образных лексических и фразеологических единиц языка по мотивирующим их исходным наименованиям в лексико-фразеологические гнезда позволяет представить пищевую традицию в зеркале языковых образов. Исходные мотивирующие наименования продуктов и блюд отражают специфику русской кухни, заключающуюся в тесной связи с сельским хозяйством (возделыванием зерновых и бобовых культур, овощей и фруктов) и промысловой деятельностью (сбором грибов, ягод, трав и др.), что объясняет наличие большего количества блюд из грибов, ягод, овощей, зерна и рыбы, а также хлебных, мучных изделий. Например, баранки, блины, бублики, булочки, вафли, калачи, коврижки, пряники, различные пироги с разнообразной начинкой из рыбы, мяса, птицы, грибов, ягод, творога, овощей, фруктов. Это обуславливает метафорическую активность наименований блюд и продуктов питания.

2.2.3 Макроструктура четвертого тома «Мир в зеркале пищевой метафоры.

Идеографический словарь»

2.2.3.1 Синоптическая схема идеографического словаря

Образные слова и выражения с мотивирующей кулинарной семантикой вербализуют общие и частные метафорические модели, которые базируются на устойчивых ментальных схемах уподобления явлений результирующих сфер

явлениям исходной гастрономической сферы. Миромоделирующая функция пищевой метафоры была подробно проанализирована в рамках диссертационного исследования А.В. Балдовой [Балдова, 2016], где на материале предметной пищевой метафоры были выявлены и описаны сферы внеязыковой действительности, явления которых метафорически характеризуются посредством гастрономических образов. Описание метафорической интерпретации этих концептуальных сфер позволяет реконструировать фрагмент языковой картины мира. Задача лексикографического описания данного фрагмента решается в четвертом томе «Мир в зеркале пищевой метафоры. Идеографический словарь», в котором словник форматируется по идеографическому принципу. Его синоптическая схема реконструирует понятийную сетку, в рамках которой осуществляется процесс метафорических переносов с объектов пищевой сферы на явления окружающего мира. Синоптическая схема разработана индуктивным путем и включает следующие тематические области: «Человек», «Социум», «Артефакты», «Натурфакты», «Пространство», «Объекты чувственного восприятия», «Мера»:

I. Человек.

- 1.1. Внешность.
- 1.2. Самочувствие и настроение.
- 1.3. Речемыслительные способности.
- 1.4. Характер и поведение.

II. Социум.

- 2.1. Политика.
- 2.2. Экономика.
- 2.3. Культура.
- 2.4. Общественная жизнь.

III. Натурфакты (объекты природного мира).

IV. Артефакты (предметы материального мира).

V. Пространство.

VI. Объекты чувственного восприятия (Запах, Звук, Вкус).

VII. Мера.

В рамках тематических рубрик синоптической схемы словарный материал распределен по образным рядам наименований однотипных категориальных классов явлений.

2.2.3.2 Расположение материала в пределах образного ряда

В четвертом томе «Мир в зеркале пищевой метафоры. Идеографический словарь» образные средства языка на основании общности устойчивых образных аналогий между гастрономическими явлениями и явлениями окружающего мира объединяются в образные ряды, которые демонстрируют категориально-образные парадигмы. Под категориально-образной парадигмой понимается «комплексная структурно-семантическая единица образного строя языка, включающая серию образных номинаций, иносказательно называющих определенное явление одной общей концептуальной сферы, которое уподобляется различным явлениям общей исходной сферы по единому основанию образной аналогии» [Балдова, 2016, с. 35].

Категориально-образная парадигма включает образные слова и выражения, которые «называют явления одной сферы внеязыковой действительности (человек, артефакты и др.), отражают общее основание метафорического уподобления и восходят к разным мотивирующим образам» концептуальной сферы «Еда» [Балдова, 2016, с. 36].

Лексикографическая презентация категориально-образной парадигмы открывается наименованием парадигмы в виде заглавия. Первая часть в названии каждой парадигмы указывает на то, какие явления окружающей действительности названы с помощью пищевой метафоры. Вторая часть отражает основание образного уподобления явлений сферы «Еда» явлениям других понятийных сфер.

Заглавие категориально-образной парадигмы репрезентирует типовое образное представление, транслируемое пищевой метафорой.

Например, в категориально-образной парадигме «*Артефакты через форму продукта / блюда / посуды*» зафиксированы образные единицы, которые называют предметы внеязыковой действительности по аналогии с формой продукта или блюда: предметы в форме кольца называются *баранкой* или *бубликом*, головные уборы округлой формы – *блином, кастрюлькой, котелком*. Предметы шарообразной формы метафорически уподобляются по форме *гороху, яблоку*, плоские круглые предметы – *лепёшке, сковородке* и др.

За заглавием категориально-образной парадигмы следуют словарные статьи, описывающие слова и выражения, называющие данную категорию явлений посредством пищевой метафоры. Они располагаются в алфавитном порядке. В качестве примера приведем категориально-образную парадигму из тематической рубрики «Культура» (раздел «Социум»):

Произведения искусства через структуру и консистенцию продукта / блюда.

ВРОДЕ БУТЕРБРОДА. Авт. сравн. О речевом произведении, состоящем из нескольких смысловых частей. *Экспр.* – Доклад на съезде тоже был как бы слоеным, *вроде бутерброда на все вкусы* (А. Яковлев. Омут памяти).

КИСЕЛЬ. ЯМ. Разг. Отсутствие ясности, четкости, логической последовательности (о речевых и художественных произведениях). *Неодобр.* – В содержании фильма должно быть содержание, а не *кисель* (Н. Шлиппенбах. ...И явил нам Довлатов Петра).

КОКТЕЙЛЬ. ЯМ. Разг. Нелогичное соединение разнородных, часто противоположных принципов, взглядов, теорий, худ. элементов. *Экспр.* – А если учесть, что во время учебы в вузе эти студенты еще и сериалы иногда посматривают по телевизору, то легко предположить, какой *коктейль* из мифов и глупостей гнездится в их головах (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают).

КОМПОТ. ЯМ. *Разг.* Нелогичное соединение разнородных, часто противоположных принципов, взглядов, теорий, худ. элементов. *Экспр.* – *Однажды, заместитель главного редактора журнала, Рада Никитична Аджубей дала мне задание: отправиться в Комитет по науке и технике при Совете министров СССР и подготовить, как тогда называлось, «компот» – нарезку из небольших информационных материалов, – демонстрирующей экономические связи СССР с развитыми западными странами (С. Лопатников. Продолжение следует...).*

МАННАЯ КАША. В сравн. Высказывание, произведение, лишённое четкой идеологической позиции, выраженного авторского мнения. *Экспр.* – *Пьеса по тем временам производила сильное впечатление: хорошие роли, отлично закрученный сюжет – и вполне при том наша, советская. Но не манная каша, как «Походный марш» или «Орленок»... (М. Козаков. Актерская книга).*

ОГРЫЗОК. ЯМ. Фрагмент художественного произведения, не подчиненный общей логике. *Экспр. / Неодобр.* – *Было непонятно, зачем CINEWS INC нужны услуги такого сценариста как он, если людям ничего не стоит превратить любой словесный **огрызок** в развернутую мысль какой угодно звучности и глубины (В. Пелевин. S.N.U.F.F).*

ОКРОШКА. ЯМ. *Разг.* Нелогичное соединение разнородных, часто противоположных принципов, взглядов, теорий, худ. элементов. *Экспр. / Неодобр.* – *Потом, в разное время, я слышала эти знакомые мелодии. Все они были из разных эпох, разных стилей – **окрошка** (Л. Гурченко. Аплодисменты).*

РАЗМАЗНЯ. ЯМ. Высказывание, произведение, лишённое четкой идеологической позиции, выраженного авторского мнения. *Экспр. / Неодобр.* – *Некоторые считают, что в альманахе нет ничего антисоветского. Я против такой **размазни**. Если литератор пишет, что человек – скотина и сволочь, это глубокая антисоветчина (В. Аксенов. Тайственная страсть).*

СБОРНАЯ СОЛЯНКА. ФЕ. *Разг.* О чём-л. разнородном, не отличающемся единством стиля. *Экспр. / Неодобр.* – *Ему не хотелось слушать эту бодягу,*

которая, – он знал, – если не сплошное вранье, то уж надерганная из разных чужих историй или даже книжек – **сборная солянка**, но перебивать человека перед окончательной разлукой было невежливо (В. Корнилов. Демобилизация).

СОК. ЯМ. Основа, суть, содержание речевого произведения. *Экспр.* – «Я выжал бы сок из моего представления, из моей концепции», – то есть форма ему представляется выжимкой, а не оболочкой (В.П. Зинченко. Тайнство творческого озарения).

СОЧНО. ЯМ. Ярко, насыщенно. *Экспр.* – Давно так не радовали современные художники. Так **сочно**, мощно. Нормальный такой реализм, какой и должен быть, на мой взгляд, в живописи, а не гипертупая фотографичность (коллективный. «Разрешите представить: гениальный художник Ирик Мусин и его бесконечно искренние работы»).

СОЧНЫЙ. ЯМ. Выразительный, эмоциональный, имеющий оригинальную форму и глубокое содержание (о речевых произведениях). *Экспр.* – В «Изверге», напротив, властвует стихия издевательского гротеска, хотя и тут есть различные его подвиды: монументальный император с традиционным для памятника голубем, то и дело оставляющем следы своего пребывания на царственной фигуре, – и **сочный** быт заключительной сцены на одесском Привозе, более мягкая ирония свидания сестер Гончаровых и буйная история с офицерами (Драматургические игры режиссера Игоря Ливитина // Театральная жизнь).

Образные слова и выражения данного ряда реализуют три типовых представления: 1) лишенные смысловой цельности, стилистической стройности, четкой идеологической позиции произведения уподобляются продуктам или блюдам, обладающим вязкой, полужидкой консистенцией и состоящим из беспорядочно смешанных ингредиентов; 2) стройная логическая структура произведения ассоциируется с кулинарным изделием, состоящим из слоёв; 3) глубокое содержание и выразительная форма произведения ассоциируется с содержащейся в блюде или продукте жидкостью.

2.2.3.3 Описание макроструктуры четвертого тома «Словаря русской пищевой метафоры», построенного по идеографическому принципу

Макроструктура четвертого тома «Мир в зеркале пищевой метафоры. Идеографический словарь» представлена тематическими разделами «Человек», «Социум», «Натурфакты», «Артефакты», «Пространство», «Запах, Звук, Вкус», «Мера». Тематический раздел «Человек» включает рубрики «Внешность», «Самочувствие и настроение», «Речемыслительные способности», «Характер и поведение». Рубрика «**Внешность**» представлена категориально-образными парадигмами «Части тела и органы через форму продукта или посуды», «Части тела через цвет продукта», «Части тела через качество поверхности продукта или посуды», «Части тела через структуру / консистенцию блюда или продукта», «Части тела через динамические свойства продуктов», «Тело человека через форму продукта», «Фигура через структуру / консистенцию продукта или блюда», «Внешность человека через вкус продукта».

1. Части тела и органы через форму продукта, блюда, посуды.

1.1 Круглая форма: голова, прическа, лицо, глаза, уши, нос, кадык, яички, сустав, ладони.

Адамово яблоко ‘выпирающий у мужчин кадык’, *блин* 1) ‘о круглом и румяном лице человека’, 2) ‘круглое плоское лицо’, *блюдца* ‘о больших круглых глазах’, *бублик* ‘о прическе из косы, нижний конец которой закреплен к основанию в виде кольца’, *вареники* ‘о больших, оттопыренных ушах’, *кастрюля* ‘о голове большого размера’, *нос картошкой* ‘толстый нос с широкими ноздрями’, *чаша* ‘верхняя часть черепной коробки, имеющая форму чаши’, *яйцеголовый* ‘о голове в форме яйца’ и др.

1.2 Продолговатая форма: пальцы, нос.

Баклажанный ‘о большом бесформенном толстом носе’, *морковка* ‘об удлиненном носе’, *сардельки* ‘о толстых пальцах’ и др.

1.3 Сложная форма: прическа, глаза, нос.

Крендель ‘о женской причёске со скрепленными на затылке двумя косами, напоминающими по виду букву «в»’, *луковица* ‘корень волоса’, *миндалевидный* ‘восточный продолговатый разрез глаз’, *миндалина* ‘доля парного органа лимфатической системы на стенках глотки’, *нос грушей* ‘большой, расширенный книзу нос’, *нос луковицей* ‘большой, расширенный книзу нос’.

2. Части тела через цвет продукта.

2.1 Оттенки белого и серого: волосы, глаза, кожа.

Бледная поганка ‘о человеке с бледной кожей’, *молочный* ‘о белой коже’, *мучной* ‘бледный, серовато-белый (о коже)’, *сметана* ‘о белой коже’, *соль с перцем* ‘темные волосы, перемешанные с седыми или осветленными прядями’ и др.

2.2 Оттенки красного: губы, волосы, кожа, лицо, кровь.

Арбузный ‘о губах розоватого оттенка’, *брусничный* ‘красный (о крови)’, *вишнёвый* ‘о красных губах’, *гранатовый сок* ‘красный (о крови)’, *земляничный* ‘о покрасневшей коже’, *клубничный* ‘розово-красный (о губах, коже человека)’, *клюква* ‘о покрасневшем лице человека’, *морковка* ‘о рыжих волосах’, *персиковый* ‘нежная с румянцем кожа’, *помидор* ‘о покрасневшем от гнева или других эмоций лице человека’ и др.

2.3 Оттенки желтого и коричневого: волосы, кожа.

Дыня ‘о желтоватой коже’, *лимон* ‘о желтоватой коже’, *пшеничный* ‘светло коричневато-желтые, подобные цвету колосьев пшеницы волосы’, *репа* ‘о желтоватой коже’, *тыква* ‘о желтоватой коже’, *шафранный* ‘о желтой коже’.

2.4 Оттенки синего и фиолетового: глаза.

Сливовый ‘о темных глазах’, *смородиновый* ‘о темных глазах’.

3. Части тела через качество поверхности продукта или посуды.

3.1 Неровная поверхность: кожа лица и тела.

Апельсиновая корка ‘о неровной бугристой коже, покрытой целлюлитом’, *блин* ‘лицо с пористой кожей’, *печёное яблоко* ‘о морщинистой коже пожилых людей’, *решето* ‘о теле человека, покрытом ранами’, *сморчок* ‘о старом,

морщинистом мужчине’, *тёрка* ‘о шершавых, небритых, неприятных на ощупь частях тела’.

3.2 Блестящая поверхность: кожа лица, глаза.

Блин ‘лицо с блестящей, лоснящейся кожей’, *маслянистый* чувственный, с влажным блеском (о взгляде)’.

3.3 Приятная на ощупь поверхность: кожа лица.

Персик ‘кожа, покрытая легким пушком’.

4. Части тела через структуру / консистенцию блюда или продукта.

4.1 Состоящий из комочков / Полужидкий: тело, лицо, кожа.

Кисель ‘о неупругих частях тела и коже человека’, *крупитчатый* ‘толстый, рыхлый, бугристый (о частях тела и теле)’, *мучнистый* ‘о рыхлой, бугристой, неупругой коже’, *простокваша* ‘о рыхлой, бугристой, неупругой коже’, *творожистый* ‘о рыхлой, бугристой, неупругой коже’.

4.2 Плотная структура: тело, части тела.

Мясистый ‘толстый, полный (о фигуре, частях тела, лице человека)’.

4.3 Многослойный: подбородок.

Блинчатый ‘состоящий из складок’.

5. Части тела через динамические свойства продуктов.

5.1 Увеличение в размере: тело, живот, бока.

Вываливаться как опара из кастрюли ‘части тела (тело), увеличивающиеся в объеме’, *лезть как тесто из кадки* ‘части тела (тело), увеличивающиеся в объеме’, *пухнуть как на дрожжах* ‘части тела (тело), увеличивающиеся в объеме’.

6. Тело человека через форму продукта.

6.1 Круг: поза, тело, фигура.

Баранкой ‘поза человека, подтянувшего ноги к животу’, *бочонок* ‘толстый человек’, *бублик* 1) ‘полный человек с округлой фигурой’, 2) ‘о позе человека, подтянувшего ноги к животу’, *булочка* ‘полная женская фигура с округлыми формами’, *калачом* ‘придав округлую форму рукам или ногам’, *мешок с крупой*

‘толстый, бесформенный человек’, *пышка* ‘полная женская фигура с округлыми формами’, *свернуться калачиком* ‘поза человека, подтянувшего ноги к животу’ и др.

6.2 Продолговатая форма: поза, фигура.

Вобла ‘о тощем человеке’, *килька* ‘о тощем человеке’, *кочерыжка* ‘худая женщина маленького роста’, *поза банана* ‘поза человека, согнувшего тело дугой’, *селёдка* ‘очень худая женщина’.

6.3 Сложная форма: поза, фигура.

Груша ‘женщина с узкой талией и выраженными бедрами’, *крендель* ‘о позе человека, который поместил руки на колени, отведя локти в сторону’, *рюмочка* ‘о стройной женщине, с тонкой талией’.

7. Фигура через структуру / консистенцию продукта или блюда.

7.1 Состоящий из комочков / полужидкий: части тела, толстое тело.

Желе ‘о толстом человеке’, *квашня* ‘о толстом человеке’, *кисель* 1) ‘о полном человеке’, 2) ‘о дряблых, неупругих частях тела’, *крупитчатый* ‘толстый, рыхлый, бугристый (о частях тела и теле)’, *тесто* ‘о полном, рыхлом теле человека’.

8. Внешность человека через вкус продукта.

8.1 Сладкий: молодая девушка, красивые губы.

Конфетка ‘молодая привлекательная девушка’, *персик* ‘молодая привлекательная девушка’, *сахарный* ‘красивые манящие губы’, *сорок пять – баба ягодка опять* ‘после сорока пяти женщина снова становится привлекательной’, *ягодка* ‘молодая привлекательная девушка’.

8.2 Невкусный, несъедобный: некрасивая девушка.

Поганка ‘непримечательная, несимпатичная девушка’.

Тематическая рубрика «Самочувствие и настроение человека» содержит категориально-образные парадигмы «Самочувствие человека через приготовление продукта», «Самочувствие и настроение человека через структуру / консистенцию

продукта», «Самочувствие и настроение человека через способность поглощение пищи», «Настроение через вкус продукта».

1. Самочувствие человека через приготовление продукта.

Как на раскалённой сковороде ‘испытывать тягостные чувства, переживать’, *отбивная* ‘тело человека, поврежденное сильными ударами’, *свариться* ‘стать вялым, разомлевшим, покраснеть и вспотеть из-за долгого пребывания на солнце или в жарком месте’, *варёный* ‘неактивный, вялый, апатичный человеке’, *жариться* ‘испытывать неудобства от пребывания в слишком нагретом помещении, страдать от жары, духоты’, *зажариться* ‘почувствовать себя плохо в результате пребывания на солнце, жаре, в душном помещении’ и др.

2. Самочувствие и настроение человека через структуру / консистенцию продукта.

В самом соку ‘полный жизненных сил, в хорошей физической форме’, *как огурчик* ‘о человеке, который чувствует себя бодрим, здоровым, полным сил’, *квашня* ‘вялый, слабый человек’, *кисель* ‘о расслабленном человеке’, *сочный* ‘физически развитый, крепкий, здоровый (о человеке)’.

3. Самочувствие и настроение человека через способность поглощения пищи.

Как будто лимон съел / разжевал ‘о перекошенном от недовольства, злости, зависти лице’, *кусоч не идёт в горло* ‘о состоянии, когда человек не может есть от усталости, волнения и т.п.’ и др.

4. Настроение через вкус продукта.

Как будто лимон разжевал / съел ‘о перекошенном от недовольства, злости, зависти лице’, *уксусный* ‘недовольный, унылый, тоскливый’.

Тематическая рубрика «Речемыслительные способности человека» содержит категориально-образные парадигмы «Речемыслительные способности человека через поглощение пищи», «Речемыслительные способности человека через структуру продукта».

1. Речемыслительные способности человека через поглощение пищи.

Щёлкать как семечки ‘легко справляться с решением сложных задач’, *каша во рту* ‘о нечленораздельной, невнятной речи’, *каша во рту стынет* ‘о глуповатом, медлительном, нерасторопном человеке’, *лаптем щи хлебать* ‘быть невежественным отсталым’, *мухоморов наестся* ‘потерять способность здраво мыслить’, *не по зубам орех* ‘о какой-л. проблеме, задаче, решить которую крайне сложно или невозможно’, *раскусить орешек* ‘решить сложную задачу, проблему’ и др.

2. Речемыслительные способности человека через структуру продукта.

Винегрет 1) ‘путаница, беспорядочное смешение фактов’, 2) ‘невнятная речь, лишенная четкого и ясного произношения’, *винегрет в голове* ‘путаница мыслей, отсутствие логики, неумение разобраться в разнородной информации’, *каша* ‘путаница, беспорядочное смешение фактов’, *каша в голове* ‘путаница мыслей, невозможность найти нужную информацию в голове’, *каша во рту* ‘о нечленораздельной, невнятной речи’, *компот* ‘путаница, беспорядочное смешение фактов’.

Тематическая рубрика «Характер и поведение человека» включает категориально-образные парадигмы «Характер человека через структуру и консистенцию продукта», «Характер и поведение человека через вкус продукта», «Характер и поведение человека через пищевую ценность продукта», «Поведение и межличностные отношения человека через приготовление пищи».

1. Характер человека через структуру и консистенцию продукта / блюда.

Квашня ‘вялый нерешительный человек’, *кисель* ‘бесхарактерный, слабый человек’, *крепкий орешек* ‘человек с волевым твердым характером’, *простокваша* ‘слабовольный человек’, *размазня* ‘вялый нерешительный человек’, *сухарь* ‘неотзывчивый, эгоистичный человек, не способный открыто выражать свои эмоции’, *тюря* ‘вялый, не способный к принятию решений человек’ и др.

2. Характер и поведение человека через вкус продукта.

Ванильный ‘излишне изнеженный, подчеркнуто утонченный, сентиментальный, чрезмерно подверженный влиянию моды (о девушках)’, *задать перцу* ‘отругать, отчитать кого-л. за серьезный проступок, устроить скандал’, *медоточивый* ‘льстивый, подобострастный’, *миндальничать* ‘быть ласковым, уступчивым, проявлять излишнюю снисходительность’, *не сахарный* ‘о человеке с конфликтным, сложным, характером’, *шоколадно* ‘льстиво, заискивающе’ и др.

3. Характер и поведение человека через пищевую ценность продукта.

Завернуть поганку ‘сделать пакость, неприятность’, *лить помой* ‘распространяя предосудительные сведения о ком-, чем-л., выставлять в неблагоприятном свете; порочить’, *поганка* ‘неприятная, подлая женщина’ и др.

4. Поведение и межличностные отношения человека через приготовление пищи.

Вариться в собственном соку ‘жить, работать, решать какие-л. вопросы изолированно, не используя опыт других, ни с кем не советуясь’, *каши не сварить* ‘невозможно договориться с кем-л.’, *мясник* ‘человек, отличающийся особой жестокостью’, *насолить* ‘доставить неприятность, навредить кому-л.’, *раздавить в лепёшку* ‘уничтожить морально или физически’, *сделать отбивную* 1) ‘сильно избить, поколотить кого-л.’, 2) ‘оказать моральное давление, отругать, раскритиковать’, *толочь воду в ступе* ‘заниматься чем-л. бесполезным, попусту тратить время’ и др.

Тематический раздел «Социум» включает рубрики «Политика», «Экономика», «Культура», «Общественная жизнь». Тематическая рубрика «Политика» содержит категориально-образные парадигмы «Политическая ситуация через приготовление пищи», «Политическая ситуация через функцию посуды».

1. Политическая ситуация через приготовление пищи.

Подавать под соусом ‘прикрывать высокой идеей неблагоприятные цели, поступки’, *попасть в жернова* ‘подвергнуться тяжелым испытаниям,

страданиям, лишившись свободы выбора и самоопределения’, *рубить в капусту* ‘наносить удары противнику при помощи холодного или огнестрельного оружия во время вооруженных столкновений, боевых действий’, *сделать фарш* ‘подвергнуть испытаниям, заставить пережить трудности’ и др.

2. Политическая ситуация через функцию посуды.

Кастрюля ‘многонациональное или многоконфессиональное государство’, *кипящий котёл* ‘о нестабильной социальной и политической ситуации’, *котёл* ‘окружение войска’, *плавильный котёл* ‘многонациональное или многоконфессиональное государство’, *мясорубка* ‘кровопролитная битва, война’.

Тематическая рубрика «Экономика» включает категориально-образные парадигмы «Материальные ценности через пищевую ценность продукта», «Материальные ценности через вкус продукта».

1. Материальные ценности через пищевую ценность продукта.

Бесплатный сыр бывает только в мышеловке ‘очень выгодное и заманчивое, на первый взгляд, предложение чаще всего бывает обманом, принятие такого предложения может причинить вред’, *зарабатывать на хлеб* ‘зарабатывать, добывать средства к существованию’, *лакомый кусочек* ‘что-л. привлекательное, заманчивое, соблазнительное, на чем можно поживиться’, *как сыр в масле кататься* ‘жить в достатке, изобилии’, *на хлеб не намажешь* ‘о чем-л. несущественном, недостаточном для удовлетворения необходимых потребностей’, *объедки с чужого стола* ‘остаточное количество денег, материальных благ, унижающая подачка’, *плохо лежащий кусок* ‘часть богатства, имущества, которую можно украсть, не опасаясь наказания’, *снимать сливки* ‘воспользовавшись моментом, получить наибольшую выгоду’ и др.

2. Материальные ценности через вкус продукта.

Всё в шоколаде ‘отлично, благополучно’, *на халяву и уксус сладкий* ‘то, что достается без усилий, бесплатно, принимается без претензий, не оценивается критически’, *остатки сладки* ‘даже последняя малая часть чего-л. имеет ценность’, *пряников всегда не хватает* ‘невозможно справедливое

распределение материальных ценностей, кто-то всегда останется ущемленным в своих интересах' и др.

Тематическая рубрика «**Культура**» содержит категориально-образные парадигмы «Произведения искусства через структуру и консистенцию продукта / блюда», «Манера и стиль речевого произведения через вкус продукта / блюда», «Субъект творческой деятельности через субъекта гастрономической деятельности».

1. Речевые произведения через структуру и консистенцию продукта / блюда.

Бутерброд 'о речевом произведении, состоящем из нескольких смысловых частей', *кисель* 'отсутствие ясности, четкости, логической последовательности (о речевых и художественных произведениях)', *компот* 'нелогичное соединение разнородных, часто противоположных принципов, взглядов, теорий, худ. элементов', *манная каша* 'высказывание, произведение, лишенное четкой идеологической позиции, выраженного авторского мнения', *огрызок* 'фрагмент художественного произведения, не подчиненный общей логике', *сборная солянка* 'о чем-л. разнородном, не отличающемся единством стиля', *сочный* 'выразительный, эмоциональный, имеющий оригинальную форму и глубокое содержание (о речевых произведениях)' и др.

2. Манера и стиль речевого произведения через вкус продукта / блюда.

Ванильный 'подчеркнуто утонченный, сентиментальный (о речевых произведениях)', *карамельный* 'излишне трогательный, вызывающий умиление (о речевых произведениях)', *перец* 'о метком, остроумном, разоблачающем замечании, речевом произведении', *солёный* 'пошлый, вульгарный (о шутках, анекдотах, рассказах)', *соус* 'манера, эмоциональная окраска, стиль речи, в которых преподносится какая-л. информация', *уксусный* 'грубый, неприличный (о словах, выражениях)' и др.

3. Субъект творческой деятельности через субъекта гастрономической деятельности.

Гурман ‘ценитель искусства; поклонник всего изящного, красивого’, *повар* ‘человек, создающий произведения искусства’.

Тематическая рубрика «**Общественная жизнь**» включает категориально-образные парадигмы «Явления общественной жизни через вкус продукта», «Явления общественной жизни через пищевую ценность продукта», «События общественной жизни через процесс приготовления пищи».

1. Явления общественной жизни через вкус продукта.

Горькая редька ‘о чем-л., вызывающем раздражение, сильно надоевшем’, *ложка дёгтя в бочке мёда* ‘о неприятной мелочи, небольшом недостатке, который может испортить все хорошее’, *медовый месяц* 1) ‘первый месяц молодоженов после свадьбы’, 2) ‘наиболее удачный период деятельности’, *не мёд* ‘о тяжелой жизни, работе, доставляющей проблемы, хлопоты’, *хрен редьки не слаще* ‘из двух неблагоприятных явлений или событий ни одно не является лучше другого’, *хуже горькой редьки* ‘о чем-л. неприятном, раздражающем, надоевшем от многократного повторения’, *всё в шоколаде* ‘о хорошей жизни, благополучном материальном положении’ и др.

2. Явления общественной жизни через пищевую ценность продукта.

Быть нужным, как хлеб ‘быть необходимым, важным для кого-, чего-л.’, *выеденного яйца не стоит* ‘о чем-л. не стоящем внимания, незначительном, пустяковом’, *чепуха на постном масле* ‘о чем-л., не стоящем внимания, незначительном, пустяковом’, *конфетный фантик* ‘что-л., не имеющее реальной ценности, важности, значимости’, *на безрыбье и рак рыба* ‘кто-, что-л. высоко оценивается лишь потому, что нет ничего лучшего’, *суп из топора* ‘товар или услуга, привлекательные лишь на первый взгляд и не имеющие истинной ценности’ и др.

3. События общественной жизни через процесс приготовления пищи.

Всё перемелется – мука будет ‘тяжелые времена пройдут, и все будет хорошо. говорится человеку, чтобы его успокоить’, *второй блин* ‘второй опыт в каком-л. деле, более удачный, чем первый’, *заварить кашу* ‘начать какое-л.

хлопотливое, трудное дело, имеющее неблагоприятные последствия’, *кипящий котёл* ‘о нестабильной социальной и политической ситуации’, *попасть как кур во щи* ‘неожиданно оказаться в неловком, затруднительном положении’, *пропустить через сито* ‘преодолеть жесткий, тщательный отбор’ и др.

Раздел «Натурфакты» представлен категориально-образными парадигмами «Натурфакты через структуру или консистенцию продукта / блюда», «Натурфакты через форму продукта / блюда», «Натурфакты через цвет продукта / блюда».

1. Натурфакты через структуру или консистенцию продукта / блюда.

Зернистый ‘о пищевых продуктах, состоящих из мелких округлых частиц, будто из зерен’, *каша* ‘грязь, мокрый снег, слякоть’, *кисель* 1) ‘густой белый туман’, 2) ‘о жидкости, напоминающей кисель по консистенции’, 3) ‘о природном явлении, вызывающем ощущение вязкости, густоты, плотности’, *крупка* ‘о веществах, состоящих из мелких твердых частиц (песок, снег)’, *мучнистый* ‘что-л. рассыпчатое, порошкообразное (песок)’, *простокваша* ‘об облачном небе’, *мясистый* ‘имеющий толстую сочную мякоть (о растениях, плодах)’, *сахарный* ‘о плодах или соке растений, состоящих из мелких частиц, похожих на кристаллики сахара’ и др.

2. Натурфакты через форму продукта / блюда / посуды.

Горошина ‘град’, *крупа* ‘снег или град’, *чашечка* ‘часть околоцветника, состоящая из отдельных или сросшихся под венчиком чашелистиков, защищающих венчик цветка’, *чашевидный* ‘о бутонах цветов, напоминающих по форме чашу’ и др.

3. Натурфакты через цвет продукта / блюда.

Блин ‘о солнце и луне’, *молоко* 1) ‘густой белый туман’, 2) ‘сок растений (плодов, стеблей, листьев) белого цвета, напоминающий молоко’, *мучнистая роса* ‘грибковое заболевание растений, проявляющееся в виде беловатого налета на поверхности листьев’, *сахарная косточка* ‘кость с губчатым строением ткани белого цвета’, *сметана* ‘густой белый туман’ и др.

Тематический раздел «**Артефакты**» включает категориально-образную парадигму «Артефакты через форму продукта / блюда».

1. Артефакты через форму продукта / блюда.

Банан 1) ‘надувной водный матрас желтого цвета, прикрепляющийся к катеру и использующийся в развлекательных целях на курортах’, 2) ‘украшение, вдеваемое в отверстие, проколотое в пупке или брови, с длинной изогнутой дужкой в форме банана’, **баранка** 1) ‘рулевое колесо автомобиля’, 2) ‘предмет в форме кольца (вентиль)’, **в горох** ‘узор в виде кружков на однотонной ткани или какой-л. поверхности’, **вафельный** ‘о ткани, вытканной в мелкую рельефную клеточку’, **груша** ‘тренажер для отработки ударов в боксе, напоминающий своей формой грушу’, **кастрюлька** ‘шляпа, по форме напоминающая кастрюлю’, **крендельный** ‘о предметах с завитками (рама зеркала, перила, каркас сооружений)’, **лимонка** ‘ручная граната овальной формы, напоминающая лимон’, **тарелка** 1) ‘спутниковая антенна в виде большого белого диска, напоминающего тарелку’, 2) ‘плоский репродуктор, напоминающий тарелку’, 3) ‘механическая деталь, плоская и круглая, как тарелка’, **яблочко** ‘центральная часть мишени в виде небольшого черного круга’ и др.

Тематический раздел «**Пространство**» содержит категориально-образные парадигмы «Пространство и траектория движения через форму продукта», «Положение в пространстве через положение продукта».

1. Пространство и траектория движения через форму продукта / посуды.

Бутылочное горлышко ‘о самом узком месте на дороге’, **выписывать кренделя** 1) ‘идти, шатаясь (о походе пьяного человека)’, 2) ‘совершать сложные, замысловатые движения, выполнять трюки (в танце, на транспортном средстве)’, **развилка** ‘место, в котором дорога разделяется на несколько путей’, **чаша** 1) ‘о помещении в форме полушария’, 2) ‘ландшафт, представляющий собой низменность, окруженную холмами и горами’, 3) ‘большой естественный или

искусственный водный резервуар округлой формы’, *штопор* ‘фигура высшего пилотажа, заключающаяся в снижении самолета по крутой спирали’ и др.

2. Положение в пространстве через положение продукта.

Болтаться, как сосиска ‘покачиваться всем телом из стороны в сторону, подобно сосиске в связке’, *как кильки в консервной банке* ‘о большом скоплении людей или предметов в тесном пространстве’, *растечься, как тесто* ‘развалиться на какой-л. поверхности, полностью заняв ее своим телом (о человеке)’ и др.

Тематический раздел «**Объекты чувственного восприятия (Запах, Звук, Вкус)**» включает категориально-образные парадигмы «Запах, вкус и звук через вкус продукта», «Звук через структуру продукта».

1. Запах, вкус и звук через запах и вкус продукта.

Варенье ‘о приятном, сладком запахе’, *малиновый звон* ‘приятный, мягкий по тембру, гармоничный звук колоколов, колокольчиков, бубенцов’, *медовый* 1) ‘сладкий, ароматный’, 2) ‘милый, приятный (о голосе)’, *перец* ‘о терпком пряном запахе’, *помои* ‘жидкая невкусная пища, некрепкий чай или кофе’, *сахарный* 1) ‘сладкий, приятный на вкус’, 2) ‘нежный, приятный по звучанию (о голосе, музыке)’, *уксусный* ‘резкий, неприятный, пронзительный, визгливый (о голосе)’.

2. Звук через структуру продукта.

Мясистый ‘низкий, глубокий (о голосе, звуке)’, *сочный* ‘яркий, насыщенный, интенсивный’.

Тематический раздел «**Мера**» содержит категориально-образные парадигмы «Размер предмета через размер продукта», «Количество через размер продукта / объем посуды», «Интенсивность и результативность действий через процесс поглощения или приготовления пищи», «Интенсивность процесса через динамические свойства пищи».

1. Размер предмета через размер продукта.

С горошину ‘о чем-л. очень маленького размера’, *крошка* ‘о чем-л. очень маленьком’, *крупинка* ‘мельчайшая часть чего-л.’, *с рисовое зёрнышко* ‘о чем-л. очень маленького размера’, *туша* ‘строение больших размеров’.

2. Количество через размер продукта / объем посуды.

В час по чайной ложке ‘не спеша, понемногу, небольшими дозами’, *дыра от баранки* ‘совсем ничего’, *дырка от бублика* ‘совсем ничего’, *капля мёду* ‘доля участия в каком-л. деле; вклад в какую-л. работу’, *ни крупинки* ‘совсем ничего’, *ни крошки* ‘совсем ничего’, *по зёрнышку* ‘небольшими частями, понемногу’, *по крупинкам* ‘небольшими частями, понемногу’.

3. Интенсивность и результативность действий через процесс поглощения или приготовления пищи.

До последней крошки ‘полностью, все без остатка’, *несолоно хлебавши* ‘ни с чем, ничего не добившись’, *пересолить* ‘превысить меру, зайти слишком далеко в чем-л.’, *печь как блины* ‘производить в большом количестве (о продуктах производственной и интеллектуальной деятельности)’, *со всеми потрохами* ‘полностью, целиком, со всем, что есть’.

4. Интенсивность процесса через динамические свойства пищи.

Расти, как на дрожжах ‘быстро увеличиваться, стремительно развиваться’, *полезть, как каша из волшебного горшка* ‘неожиданно появиться в большом количестве’, *расти как поганки* ‘появляться в большом количестве в короткие сроки’, *появляться как грибы после дождя* ‘появляться в большом количестве в короткие сроки’.

Организация макроструктуры идеографического словаря «Мир в зеркале пищевой метафоры» отражает фрагмент языковой картины мира, связанный с категориальными классами явлений внеязыковой действительности, получивших в русском языке образную характеристику посредством пищевой метафоры. Образные лексические и фразеологические единицы языка с мотивирующей кулинарной семантикой систематизируются в соответствии с денотатами метафорических номинаций.

Макроструктура концептоориентированного словаря лингвокультурологического типа отражает языковую картину мира, вербализованную образными средствами языка. Такая макроструктура

предполагает презентацию образных языковых средств в лексико-фразеологических гнездах или категориально-образных парадигмах.

Выводы по главе 2

1. При составлении общего словника «Словаря русской пищевой метафоры» учитываются системные (мотивированность образного средства языка наименованиями явлений гастрономической сферы, наличие метафорической внутренней формы образного слова или выражения, семантической двуплановости и структурно-семантических и концептуальных связей между образными средствами языка различной структуры), антропологические (осознание образного значения лексической или фразеологической единицы носителями языка, наличие в метаязыковом сознании носителей языка культурного фона) и функциональные (учет речевого узуса) критерии. Источником языкового материала, помимо толковых словарей и словарей образных слов и выражений, служит контекстная база «Словаря русской пищевой метафоры».

2. Синоптическая схема гнездового «Словаря русской пищевой метафоры» реконструирует концептуальную сферу «Еда» и включает тематические разделы «Блюда и продукты питания», «Гастрономическая деятельность», «Качества и свойства пищи», «Субъект гастрономической деятельности», «Инструменты гастрономической деятельности», «Пространство гастрономической деятельности». На уровне макроструктуры словаря отражается классификация явлений гастрономической сферы и системы пищевых образов, которые задействованы в метафорической номинации явлений действительности.

3. Синоптическая схема идеографического словаря «Мир в зеркале пищевой метафоры» моделирует систему явлений внеязыковой действительности, подлежащих метафорической номинации, и включает 7 тематических разделов: «Человек», «Социум», «Натурфакты», «Артефакты», «Пространство», «Запах,

Звук, Вкус», «Мера». На уровне макроструктуры словаря отражается классификация явлений внеязыковой действительности, образно характеризующихся посредством пищевой метафоры.

3 Реализация принципов фигуративной лексикографии на уровне микроструктуры словаря

3.1 Структура словарной статьи отдельной толкуемой единицы

Микроструктура словаря представляет самостоятельную многоаспектную систему внутри словаря в виде совокупности словарных статей. Словарная статья, вслед за В.В. Дубичинским, понимается как «основная структурная единица словаря, состоящая из заголовочной единицы и ее описания» [Дубичинский, 2009, с. 56]. В этом словарном фрагменте характеризуются основные свойства лексикографируемого слова или выражения. Традиционно словарная статья, помимо заголовочной единицы, включает информацию акцентологического, грамматического, прагматического характера, дефиницию, иллюстративные примеры, серию различных лексикографических помет.

Общая структурная схема словарной статьи в гнездовом «Словаре русской пищевой метафоры» и идеографическом словаре «Мир в зеркале пищевой метафоры» выглядит следующим образом: 1. Зона заглавного слова. 2. Зона толкования. 3. Зона помет. 4. Зона иллюстрации. 5. Интерпретационная зона. Данная схема представлена в трех разновидностях по отношению к описанию 1) исходных мотивирующих слов в прямых значениях (вершин гнезд), 2) образных лексических и фразеологических единиц гнезда, 3) образных единиц идеографического словаря. Словарная статья отдельной толкуемой языковой единицы также включает условные обозначения, знаки и графическое выделение структурно значимых компонентов.

Зона заглавного слова включает наименование толкуемой в словарной статье языковой единицы. Вершиной лексико-фразеологического гнезда является исходное мотивирующее наименование для серии образных слов и выражений гнезда, несущее представление об объекте или явлении гастрономической среды – источнике метафорического образа. Мотивирующее слово расположено в начале

словарной презентации всего гнезда в целом. При толковании глагольной метафоры в качестве вершины гнезда приводится коррелятивная видовая пара. Словарная статья образного слова или выражения в гнездовом и идеографическом словарях открывается наименованием образной лексической или фразеологической единицы языка. Заглавное слово пишется полужирным шрифтом прямыми прописными буквами, акцентологическая характеристика дается с помощью нижнего подчеркивания.

В зоне заглавной номинации образных лексических и фразеологических средств языка также располагаются различные вариантные формы толкуемой языковой единицы, которые разделяются знаком «косая черта»: **САХАР** / **САХАРОК**. Таким образом обозначается варьирующийся компонент в структуре фразеологической единицы: **ЖИТЬ** / **ЗАМКНУТЬСЯ** / **СКРЫТЬСЯ В СКОРЛУПЕ** // **СПРЯТАТЬСЯ В СКОРЛУПУ**. Если изменяется более двух компонентов, то вариативная форма подается через знак «двойная черта», например:

МОЗГ КИПИТ // **МОЗГИ КИПЯТ** // **МОЗГИ ЗАКИПЕЛИ**.

СЫПАТЬ / **ПОДСЫПАТЬ СОЛЬ НА РАНУ** // **ПОСЫПАТЬ СОЛЮ РАНЫ**.

Усекаемый компонент структуры фразеологизма выделяется в квадратные скобки (при неупотреблении данной части образного выражения образуется самостоятельная фразеологическая единица), например:

[ЛЕЗТЬ / БЕЖАТЬ / СОВАТЬСЯ] ВПЕРЕД / ПОПЕРЕД / ПОПЕРЕК / ПРЕЖДЕ БАТЬКИ В ПЕКЛО.

[КАК БУДТО ЧЕРТИ] ГОРОХ МОЛОТИЛИ.

ЛЮБОВЬ НЕ КАРТОШКА, [НЕ ВЫБРОСИШЬ В / ЗА ОКОШКО].

Факультативный (необязательный) компонент, который может опускаться в ситуациях употребления фразеологизма, не изменяя при этом его значения и не образуя новое образное выражение, заключается в круглые скобки:

СОЛИТЬ (ИХ / ЕГО) ЧТО ЛИ?

**БЕСПЛАТНЫЙ СЫР (БЫВАЕТ) ТОЛЬКО В МЫШЕЛОВКЕ.
С (СО ВСЕМИ) ПОТРОХАМИ.**

В зоне толкования приводится дефиниция лексикографируемой единицы языка. Толкование исходного мотивирующего наименования включает описание предметно-понятийного значения, которое является мотивирующим для образных слов и выражений, метафор и метафорических дериватов. Дефиниция содержит изъяснение только тех значений первичной номинации, к которым восходят метафорически производные значения составляющих гнездо образных лексических и фразеологических средств языка. Толкование вторичной образной номинации подается в виде развернутого описательного определения (см. подробнее раздел 3.2). Словарная дефиниция подается прямым шрифтом, строчными буквами, после нее ставится точка. Например:

МАРИНОВАТЬ, несов., *что*.

I. Исходное значение.

Готовить пищевые продукты, выдерживая их в растворе уксуса, соли и сахара с добавлением пряностей (маринад). – *Там селедок ловят, солят, маринуют, и свежую селедку морозят, и живую селедку можете купить и посадить в аквариум* (А. Некрасов. Приключения капитана Врунгеля). *В русской кухне эту пряность [гвоздику] употребляют при приготовлении **маринованных** грибов и горячих блюд из грибов, квашеной капусты, мочёных яблок («Наука и жизнь»).*

II. Образное значение.

МАРИНОВАТЬ, несов. **ЯМ**. Утомлять кого-л. долгим ожиданием. *Экспр. Неодобр.* – *Так умелый следователь **маринует** арестованного в камере, не вызывая на допрос, – мотает нервы («Совершенно секретно»).* *Я – врач, а не какая-то там девчонка, чтобы вы меня под вашими начальственными дверьми **мариновали!*** (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений»).

Зона помет включает грамматические, структурно-семантические, стилевые, функционально-стилистические, эмоционально-оценочные, экспрессивные пометы (см. подробнее раздел 3.3). Грамматические пометы помещаются после заглавного слова гнезда и указывают на род (м., ж., ср.) и окончание в родительном падеже для исходных мотивирующих существительных; на вид (сов., несов.) для исходных мотивирующих глаголов. Эти пометы пишутся с маленькой буквы. Например: **СУП**, -а, м. **ВАРИТЬ**, несов. – **СВАРИТЬ**, сов.

Структурно-семантические пометы указывают на разряд образного средства. Инициальные аббревиатуры пишутся прописными буквами полужирным шрифтом: **ЯМ** (языковая метафора), **ФЕ** (фразеологическая единица). Слоговые сокращения пишутся с заглавной буквы строчными, также полужирным шрифтом: **В сравн.** (в сравнении), **Посл.** (пословица). Например:

КИСЕЛЬ. ЯМ. ПРИКИПЕТЬ (ВСЕЙ) ДУШОЙ / СЕРДЦЕМ. ФЕ.

Функционально-стилистические пометы отражают функциональный стиль речи. Подаются курсивом в виде слогового сокращения: *Разг.* (разговорное), *Прост.* (просторечное), *Жарг.* (жаргонное) и др. Эмоционально-оценочные и экспрессивные пометы выражают ценностное отношение говорящего к называемому явлению: *Экспр.* – экспрессивное, *Ирон.* – ироническое, *Осуд.* – осудительное и др. Например:

ПОЕДОМ ЕСТЬ. ФЕ. Ругать, изводить упреками, придирками. *Экспр. Неодобр.*

ВЫЕДЕННОГО ЯЙЦА НЕ СТОИТ. ФЕ. *Разг.* Не имеет никакого значения, не заслуживает внимания. *Пренебр.*

В **зоне иллюстрации** расположены контексты, наиболее ярко демонстрирующие функционирование заглавной единицы в художественном, публицистическом и других типах дискурса (см. подробнее раздел 3.4). Как правило, приводятся 2–3 контекстных иллюстрации. Они подаются курсивом с заглавной буквы и отделяются знаком тире от предыдущей зоны. Толкуемая

единица в текстовом фрагменте выделяется полужирным шрифтом. Источник контекста дается в круглых скобках прямым шрифтом. Например:

СЛАДКИЙ.

I. Исходное значение.

Имеющий приятный вкус, свойственный сахару, меду и т. п. – *Особенно хороша она в сладких блюдах, таких как фруктовые супы, запеканки, компоты, кисели, пудинги, рулеты, пироги с ягодной начинкой, печёные яблоки, варенья, напитки («Наука и жизнь»).* *Пить горячий чай вприкуску после домашнего сладкого чая со сливками и свежей булкой не хотелось, но ритуал надо было соблюдать («Наука и жизнь»).*

II. Образное значение.

СЛАДКОРЕЧИВЫЙ. СО. Умеющий говорить красиво, интересно, увлекательно. *Экспр. – Я в отличие от тебя да дружка твоего сладкоречивого никого не сдала (С. Данилюк. Рублевая зона).* *Ее, конечно, предупреждали, что они удивительно сладкоречивы, эти мужчины-туземцы, однако верить им нельзя (Т. Орлова. Ловушка для ящериц).*

ПИТЬ, несов., что.

Поглощать какую-л. жидкость, набирая ее в рот и проглатывая. – *Старайтесь есть нежирную пищу, пейте не меньше двух литров воды в день и не нервничайте («Сочи»).* *Он наклонил голову и стал шумно, большими глотками пить воду («Мурзилка»).*

ПОЗДНО ПИТЬ БОРЖОМИ, [КОГДА ПОЧКИ ОТВАЛИЛИСЬ] // БЕСПОЛЕЗНО ПИТЬ НАРЗАН. Погов. Не имеет смысла предпринимать какие-л. меры после того, как негативные последствия критической ситуации уже наступили. *Экспр. – Поскольку Савченко находится в «Батькивщине» у Тимошенко и фракции оппоненты, то я думаю, закон быстро поправят или отменят, – надеется Олейник. – Но уже поздно что-либо делать. Как говорится, поздно пить боржоми, когда почки отвалились («Федеральное агентство новостей»).* *В той фазе гангрены коррупции, какая сейчас в России, уже*

бесполезно пить нарзан и уверять общественность, что одни оборотни в погонах пересажают других и всё будет хорошо («Лебедь»).

Интерпретационная зона вынесена за пределы словарной статьи отдельной толкуемой единицы и располагается после серии образных номинаций (образного гнезда или образного ряда идеографического словаря). Она включает лингвокультурологический комментарий и формулировки типовых образных представлений (см. подробнее раздел 3.5). Включение лингвокультурологического комментария как дополнительной словарной зоны направлено на репрезентацию пищевого кода культуры, воплощенного в семантике вторичных образных номинаций. Формулировки типовых образных представлений эксплицируют базовые метафорические модели, закрепленные в сознании носителя языка и транслируемые образными словами и выражениями с мотивирующей кулинарной семантикой.

К дополнительным графическим средствам презентации образных слов и выражений относится фотоиллюстрация, которая располагается в начале лексико-фразеологического гнезда. Ее использование является дополнительным способом экспликации ассоциативно-образного компонента семантики толкуемых языковых единиц. Например, прояснению значению фразеологизма *свернуться калачиком* ‘придать телу положение, при котором спина округляется, ноги подтягиваются к животу, голова и плечи наклоняются в сторону коленей’ способствует толкование исходной мотивирующей единицы *калач* ‘хлебобулочное изделие из пшеничной муки, испеченное в виде кольца или замка с дужкой’, которое сопровождается фотоиллюстрацией. Изображение калача представлено на рисунке 3.



Рисунок 3 – Калач

Лексикографическая подача словарной статьи исходного мотивирующего наименования предшествует толкованиям серии метафорических языковых единиц. Семантизация первичной языковой единицы актуализирует исходный мотивирующий образ, который несет внутренняя форма образных слов и выражений. Таким способом в словаре демонстрируется двуплановый характер образной семантики метафорически мотивированных слов и выражений.

Графическое оформление словарного текста позволяет в наглядной и лаконичной форме представить дополнительную информацию, необходимую для толкования семантики образных слов и выражений с мотивирующей кулинарной семантикой.

3.2 Презентация различных аспектов семантики образного слова в «Словаре русской пищевой метафоры»

3.2.1 Предметно-понятийная семантика образного слова: характер изъяснения лексического значения

Центром словарной статьи является толкование значения описываемого заглавного слова. Дефиниция отражает семантические признаки, которые отличают одно значение от других, близких значений. По мнению многих лексикографов, толкование должно быть кратким по объему, но достаточным для понимания особенностей семантики лексикографируемой единицы и нейтральным по стилистической характеристике [Трипольская, 1984; Складневская, 1989; Лукьянова, 2003 и др.]. Традиционно выделяют описательный, синонимический и отсылочный способы определения лексических значений, которые реализованы, прежде всего, в толковых словарях русского языка [Козырев, 2004; Дубичинский, 2009; Поцепня, 2013 и др.]. Описательная дефиниция объясняет значимые признаки лексикографируемого понятия, эксплицируя интегральные и дифференциальные семы. Синонимическое

толкование определяет значение языковой единицы с помощью синонима или синонимического ряда. Отсылочная дефиниция дает указание на схожее по значению слово, описанное в словаре. Такой способ толкования, как правило, используется для производных (отсылка к непроеводной мотивирующей языковой единице) и мало употребительных слов (отсылка к более употребительному варианту).

Представленные способы толкования лексического значения также используются при семантизации образных средств языка в различных типах словарей. По мнению Н.А. Лукьяновой, Г.Н. Складьевской, Т.А. Трипольской и др., лексикографическое толкование семантики образных, экспрессивных, оценочных языковых единиц в толковых словарях представленными способами имеет ряд недочетов. Самыми существенными являются следующие недостатки: неполнота описания семантических свойств и дифференциальных признаков семантики лексикографируемой единицы; нарушение иерархических связей между компонентами образного значения; тавтология толкования; отсутствие экспликации ассоциативно-образных, культурных, символических коннотаций, закрепленных за семантикой толкуемых языковых единиц; игнорирование денотативной отнесенности [Трипольская, 1984; Лукьянова, 1984; Лукьянова, Трипольская, 1984; Складьевская, 1989; Новоселова, 1990; Булыгина, 1991 и др.]. Исследователи приходят к выводу, что лексикографическая семантизация образных, экспрессивных, оценочных средств языка разнородна и не унифицирована.

Особенности значений вторичных образных номинаций обуславливают разработку особых принципов их словарной семантизации. В докторской диссертации «Языковая метафора как объект лексикологии и лексикографии» Г.Н. Складьевской были предложены практические рекомендации по формулировке словарных дефиниций образных средств языка [Складьевская, 1989]. В толковании образных единиц следует представлять «родовое понятие и характерный видовой признак» и указывать на определенный денотат метафорической номинации. Не

рекомендуется эксплицировать символ метафоры через сопоставление образной единицы с исходным мотивирующим наименованием, например, *коралл* ‘о предметах, напоминающих коралл’, поскольку такое толкование разрушает семантическую двуплановость и не раскрывает основание уподобления. Г.Н. Складарская указывает на необходимость «унификации внутри тематических групп или групп семантически однородной лексики и последовательного применения типизированных моделей дефиниций», а также советует избегать «нулевых компонентов» (например, *имеющий, являющийся; нечто, тот, что...; о том, что...*), разрушающих денотативную отнесенность [Складарская, 1989, с. 305–306].

С учетом практических рекомендаций и выявленных недостатков, описанных выше, применяется ряд правил при формулировке словарных дефиниций образных средств языка различного структурно-семантического типа. Общим правилом при толковании семантики образных слов и выражений является избегание метафорических элементов в толкованиях значений вторичных образных номинаций. Толкование должно быть информативным, понятным, не вводящим в заблуждение, не вызывающим дополнительных вопросов. Объяснение образного значения посредством метафор является существенным недостатком.

При толковании семантики образных лексических единиц – **языковых метафор** и **собственно образных слов** – используется развернутое описательное толкование. Данный способ семантизации значения образных слов позволяет представить полисемный характер семантики, «нерасчлененность признаков, их взаимное смешение и переплетение» [Там же, с. 287]. Поэтому каждый лексический элемент дефиниции указывает на определенный компонент понятийного содержания образного средства языка. Например: *молотить* ‘интенсивно стучать, ударяя по какому-л. предмету руками, кулаками, пальцами’, *перчинка* ‘пикантная деталь, возбуждающая интерес своей необычностью, сенсационностью’, *зернистость* ‘неоднородность структуры вещества,

поверхности предмета, окраски, обусловленная вкраплением мелких частиц, напоминающих зерна’, *крупитчатый* ‘состоящий из мелких частиц, деталей’ и др.

Логическая организация словарного определения лексического значения языковых метафор и собственно образных слов включает название ближайшего родового понятия и главного видового признака. Например, *конфетка* ‘милая, внешне привлекательная девушка’: лексическая единица *девушка* указывает на родовое понятие. Лексические характеристики *милая* и *внешне привлекательная* называют главные видовые признаки, а именно внешнюю привлекательность, которая характеризуется с помощью данной метафоры.

При формулировке словарных дефиниций образных лексических единиц также учитывается их частеречная отнесенность. Главным компонентом толкования субстантивной метафоры и собственно образного существительного является существительное, например, *крошка* 1) ‘предмет нестандартно маленького размера’, 2) ‘маленький ребенок’, 3) ‘милая, привлекательная девушка’, 4) ‘мельчайшее, незначительное проявление какой-л. эмоции, чувства, мысли’, *лимонка* ‘ручная граната овальной формы, напоминающая лимон’ и др. Главным структурным и смысловым компонентом словарной дефиниции глагольной метафоры и собственно образного глагола является глагол, например, *вкусить* 1) ‘испытать какие-л. состояния, чувства, эмоции’, 2) ‘получить какой-л. жизненный опыт’, *переборщить* ‘превысить меру, зайти слишком далеко в чём-л.’ и др.

Адъективные и адverbиальные метафоры и собственно образные прилагательные и наречия семантизируются с помощью синонимических рядов прилагательных и наречий. Например, *сочный* 1) ‘яркий, насыщенный, интенсивный, сильный (о цвете, звуке)’, 2) ‘выразительный, эмоциональный, имеющий оригинальную форму и глубокое содержание (о речевых произведениях)’, *медоточивый* ‘льстивый, подбострастный’, *шоколадно* 1) ‘благополучно, счастливо’, 2) ‘льстиво, заискивающе’, *сахарно* ‘излишне

любезно, угодливо'. Возможно толкование семантики субстантивной метафоры и собственно образного существительного с помощью синонимического ряда, если такая словарная дефиниция полностью отражает лексическое значение, например, *коктейль* 'путаница, беспорядочное смешение фактов, событий, явлений', *хлебосольность* 'радушие, щедрость, гостеприимство'.

Словарное определение семантики языковых метафор и собственно образных слов содержит элемент, обозначенный Г.Н. Складневской термином «семантический конкретизатор». Под семантическим конкретизатором понимаются «разного рода уточнения, которые даются в скобках в тексте толкования или после него» [Складневская, 1989, с. 281]. Среди таких уточнений используются указания на конкретный денотат, объект определения, субъект или объект действия. При толковании образных лексических средств с мотивирующей кулинарной семантикой приводятся семантические конкретизаторы, указывающие на денотативную отнесенность толкуемой образной единицы. Они приводятся в скобках после толкования. Например, *прожаренный* 'прогретый солнцем до высокой температуры (о воздухе, предметах)', *запечься* 'свернуться, загустеть, образуя корочку (о крови)', *мучнистый* 1) 'рассыпчатый, порошкообразный (о структуре вещества)', 2) 'серовато-белый, подобный цвету муки (о бледной коже человека, явлениях природы)' и др.

Семантические конкретизаторы необходимы в случае толкования многозначных образных средств языка, так как позволяют разграничить образные значения, указывая на их денотативную отнесенность. Например, *кипеть* 1) 'быть переполненным множеством живых существ (о какой-л. местности)', 2) 'беспорядочно двигаться в различных направлениях (о множестве людей)', 3) 'испытывать бурные эмоции, быть охваченным каким-л. чувством' (о человеке), 4) 'выражать бурные эмоции, оказывать сильное эмоциональное воздействие (о речевых произведениях)', 5) 'протекать очень оживленно, стремительно, бурно (о какой-л. деятельности, о жизни)'.

Семантика **устойчивых** и **авторских сравнений**, образно характеризующих свойства различных явлений, толкуется посредством указания на денотат при помощи синтаксической конструкции в предложном падеже с предлогом «о». Например, *с блюдце* ‘о круглых и больших глазах’, *как бублик* 1) ‘о предметах в форме кольца, по виду напоминающих бублик’, 2) ‘о полном человеке с округлой фигурой’; *точно варёный* ‘о медлительном, вялом, апатичном человеке’ и др.

В словарной дефиниции образного сравнения дается указание на признаки денотатов, получивших образное воплощение через аналогию с явлением гастрономической сферы. Данный принцип позволяет лексикографически эксплицировать основание метафорического уподобления. Например, в толковании образного сравнения *будто солью усыпанный* ‘о чем-л., имеющем белые вкрапления, напоминающие соль по цвету, структуре (снеге, седине и т. п.)’ компонент «белые вкрапления» является свойством денотата, которое метафорически обозначается через ассоциацию со снегом. Рассыпчатые, порошкообразные вещества образно ассоциируются с мукой, поэтому в толковании образного сравнения *как мука* введен компонент, указывающий на структуру вещества: ‘о чем-л. рассыпчатым, порошкообразном, напоминающем по структуре муку’

Также при словарном определении значения образных сравнений используются семантические конкретизаторы, указывающие на денотативную отнесенность метафорической номинации. Например, *пьянить, как вино* ‘о том, что вызывает ощущение радости, удовольствия (явлениях природы, чувствах, эмоциях)’, *растечься, как тесто* ‘развалиться на какой-л. поверхности, полностью заняв ее своим телом (о человеке)’ и др.

Толкования фразеологических единиц, пословиц и поговорок представляют собой законченные высказывания, сформулированные по предложенному В.П. Жуковым принципу «подобное толкуется подобным» [Жуков, 2000, с. 12]. Дефиниция представляет собой развернутое описание семантики образного выражения, в котором изъясняется ситуация и ее участники. При формулировке

толкования сохраняется синтаксическая и грамматическая структура образного выражения. Например, пословица *яблоко от яблони недалеко падает* толкуется как ‘дети наследуют черты своих родителей, в том числе и негативные, перенимая их характер, поведение, образ жизни’. Образ яблока ассоциируется с образом детей, в толковании обозначается лексемой *дети*. Образ яблони метафорически проецируется на образ родителей, в дефиниции изъясняется с помощью лексики *родители*. Ситуация *недалеко падает* образно характеризует ситуацию, когда дети наследуют качества характера родителей. Так в толковании сохраняются семантические позиции всех участников ситуации, которую задает внутренняя форма образного выражения.

Развернутое описательное толкование, как правило, является синтаксически усложненным и содержит причастный или деепричастный оборот или придаточное предложение. Например, *жареные факты* ‘сведения скандального, сенсационного характера, публикуемые в средствах массовой информации’; *сварить кашу из топора* ‘сделать, создать что-л., обходясь минимумом доступных средств’; *словно кипятком ошпарило* ‘о состоянии сильного и внезапного переживания негативных эмоций от неожиданных и неприятных известий, событий, при котором человек теряет самообладание, способность принимать решения’; *отрезанный ломоть* ‘человек, ставший самостоятельным, оторвавшийся от семьи’; *урвать кусок пирога* ‘захватить часть какого-л. богатства, имущества зачастую нечестным, незаконным путем’.

В «Словаре русской пищевой метафоры» семантизируются коммуникативно ориентированные образные языковые единицы с редуцированным понятийным компонентом. Например, *баранки гну* ‘ответ на реплику «Ну», выражающий нежелание продолжать разговор’; *спасибо на хлеб не намажешь* ‘одной благодарности недостаточно в качестве компенсации за оказанную услугу. Говорится в ответ на чью-л. благодарность’. При семантизации коммуникативно обусловленных образных выражений, так называемых «присловий», используется конструкция «Говорится в ситуации...». Например, *что, съел?* ‘что, получил по

заслугам? Говорится в адрес противника, оппонента в ситуации, когда кто-л. сумел утвердить свое превосходство, доказать свою правоту»; *не сахарный, не растаешь* 'ничего плохого не случится. Говорится изнеженному, щепетильному человеку в ситуации пребывания в некомфортных условиях'; *наме, жрите!* 'получите, что хотели. Говорится в ситуации, когда кто-л. ожидает каких-л. действий, результатов от говорящего'.

Разработанные правила способствуют унификации и стандартизации словарных дефиниций. Структурно-семантическая разновидность образного средства языка обуславливает специфику толкования. Так, унифицированные словарные определения лексических значений получают адъективные метафоры *крендельный* 'согнутый в виде завитка (о предметах)', *наваренный* 'прикрепленный сваркой (о металлических деталях)'. Однотипные по структуре развернутые словарные толкования получают описания семантики образных выражений *как жареные пирожки пойти* 'о товарах, которые пользуются большим покупательским спросом, быстро распродаются', *назвался груздем, полезай в кузов* 'если добровольно взялся за какое-л. дело, то выполняй свои обязанности в соответствии со сделанным выбором', *стыд не дым, глаза не ест* 'при получении выгоды неблагоприятным способом чувство стыда можно перетерпеть'.

3.2.2 Эмоционально-экспрессивные коннотации

Семантика образных слов и выражений, помимо предметно-понятийного значения, включает оценочные, эмоционально-экспрессивные, прагматические коннотации. В.Н. Телия определяет коннотацию как «семантическую сущность, узуально или окказионально входящую в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [Телия, 1985, с. 6].

В связи с этим актуальными становятся исследования функционально-семантических категорий экспрессивности (Л.Г. Бабенко, Н.А. Лукьянова, Т.В. Матвеева, В.Н. Телия, Т.А. Трипольская, и др.), эмотивности (Л.Г. Бабенко, Н.А. Лукьянова, В.И. Шаховский и др.), оценочности (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, Н.А. Лукьянова, В.Н. Телия, В.Н. Цоллер и др.) и др.

Исследователи приходят к выводу, что эти категории взаимодействуют в семантике образных языковых средств. В.Н. Цоллер отмечает, что экспрессивность, эмотивность и оценочность «в совокупности и каждая в отдельности объективируют в смысловой структуре соответствующих слов субъективное отношение языковой личности к миру реальной действительности» [Цоллер, 1998, с. 47]. Эмотивность и оценочность, свойственные семантике образной лексики и фразеологии, выражают ценностное отношение говорящего к называемому явлению и сопровождающую это отношение эмоцию и оценку (положительную, отрицательную или нейтральную). Эмотивность, по мнению В.И. Шаховского, является «имманентно присущим языку семантическим свойством выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики...» [Шаховский, 2008, с. 24]. Оценочность рассматривается исследователями как лингвистическая категория, которая выявляет ценностное отношение говорящего к объекту высказывания (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, Н.А. Лукьянова, В.Н. Телия, В.Н. Цоллер и др.). Эмотивность и оценочность тесно связаны друг с другом: как правило, хорошая оценка сочетается с положительной эмоцией и, наоборот, отрицательная оценка соотносится с негативной эмоцией.

Данные функционально-семантические категории имеют формальные средства выражения, обуславливающие их выделение в системе языка (Е.В. Бельская, О.И. Блинова, Н.А. Лукьянова, Е.А. Юрина и др.). Исследователи указывают на роль внутренней формы образного средства языка в выражении экспрессивной, эмотивной и оценочной семантики. В.Н. Телия отмечает, что «большинство слов и выражений с экспрессивной окраской – продукт вторичной или косвенной номинации» [Телия, 1986, с. 28].

В «Словаре русской пищевой метафоры» экспликация эмотивно-оценочных и экспрессивных коннотаций, закрепленных за семантикой образных слов и выражений, осуществляется двумя способами: 1) в формулировке словарной дефиниции и 2) посредством серии эмоционально-оценочных и экспрессивных помет. На эмотивность, экспрессивность и оценочность толкуемой единицы в структуре словарной дефиниции указывают лексические компоненты, своей семантикой выражающие отношение субъекта речи к объекту высказывания. Например, в толковании языковой метафоры *намолоть* ‘наговорить глупостей, рассказать о чем-л. неправдоподобном’ эксплицируются экспрессивные и оценочные коннотации. Лексический элемент «наговорить» в значении ‘сказать очень много’ указывает на экспрессивность метафоры, отрицательную оценку выражают лексические компоненты «глупость», «неправдоподобное». Словарная дефиниция фразеологизма *ни хрена себе* ‘выражение, означающее высокую степень удивления или недовольства’ включает словосочетание «высокая степень», которое указывает на сему интенсивности в коннотации этого образного выражения. На отрицательную эмоцию указывает лексический компонент толкования «недовольство».

В толковании поговорки *тили-тили тесто, жених и невеста* ‘насмешливое выражение, употребляющееся по отношению к жениху и невесте или влюбленной паре’ ироническую оценку передает лексический компонент «насмешливый», указывая на несерьезность ситуации употребления образного выражения. За семантикой фразеологизма *с боку припёку* ‘о ком-, чем-л. малозначительном, неважном, лишнем, постороннем’ закреплена отрицательная, пренебрежительная оценка. В толковании она эксплицируется с помощью компонентов «малозначительный», «неважный», «лишний», «посторонний». В семантике собственно образного слова *пустомеля* ‘человек, который любит много говорить о чем-л. неважном, несущественном; болтун’ отражена экспрессивность и оценочность. В толковании экспрессивность эксплицируется посредством лексических компонентов «любить много говорить» и «болтун». Отрицательная

оценка в словарной дефиниции передается с помощью лексических единиц «неважный», «несущественный» и «болтун».

Изъяснение эмотивно-оценочных и экспрессивных коннотаций, закрепленных за семантикой образных слов и выражений, посредством семантических компонентов дефиниций позволяет описать субъективное отношение говорящего к объекту высказывания. С этой целью также используется система экспрессивных и эмоционально-оценочных помет. Данные способы экспликации коннотаций являются взаимодополняющими.

3.3 Система помет как способ дополнительной семантизации образных средств языка

Помета, вслед за В.В. Морковкиным, понимается как «собственно лексикографическое средство (обычно в форме сокращенного слова или словосочетания), с помощью которого читателю сообщается, что соответствующая языковая единица (или языковое явление) относится к определенной совокупности однородных в каком-либо отношении единиц» [Морковкин, 1986, с. 110] и противопоставляется по лингвистическим характеристикам явлениям других лексических групп. Д.М. Поцепня отмечает, что пометы «передают дополнительные к толкованию языковой единицы сведения о характере ее семантики и употреблении» [Поцепня, 2013, с. 58].

В структуре словарной статьи гнездового «Словаря русской пищевой метафоры» и идеографического словаря «Мир в зеркале пищевой метафоры» представлена серия грамматических, структурно-семантических, стилевых, функционально-стилевых, эмоционально-оценочных, экспрессивных помет.

Грамматические пометы сопровождают все исходные мотивирующие слова – вершины гнезда. Они указывают на их часть речи. У существительного указывается род и окончание в родительном падеже, например: **МАСЛО**, -а, ср. У

глагола указывается вид и глагольное управление, например: **КУШАТЬ**, несов. – **СКУШАТЬ**, сов.

Грамматическая помета процессуальной метафоры указывает на вид глагола. Постановка этой пометы обусловлена тем, что образные значения коррелятивной видовой пары и глагола определенного вида могут отличаться. Грамматическая помета, указывающая на вид глагола процессуальной метафоры, необходима для выделения образной языковой единицы и корректной формулировки ее значения. Так, языковая метафора *просеять*, выраженная глаголом совершенного вида, имеет два значения: 1) ‘тщательно обдумать, переосмыслить, систематизировать какую-л. информацию, отделяя важное от неважного, ценное от второстепенного’, 2) определить значимость, ценность людей, их поступков, событий жизни (о времени)’. Это значение имеют только глаголы совершенного вида.

Структурно-семантические пометы маркируют разряд образного языкового средства. **ЯМ** – языковая метафора, **АМ** – авторская метафора, **В сравн.** – в сравнении, **Род. сравн.** – родительный сравнения, **Твор. сравн.** – творительный сравнения, **Авт. сравн.** – авторское сравнение, **ОН** – двухкомпонентная образная номинация, **ФЕ** – фразеологическая единица, **Авт. ФЕ** – авторская фразеологическая единица, **Погов.** – поговорка, **Посл.** – пословица, **СО** – собственно образное слово.

Стилевые пометы отражают характер особой стилевой природы образного средства и его специфическую функцию: **Прец.** – прецедентное, **Эвфем.** – эвфемизм, **Нар.-поэт.** – народно-поэтическое. Помета **Прец.** (прецедентное) характеризует образное средство, являющееся цитатой (крылатым словом или выражением) из фольклорного, литературного, религиозного источника:

СДЕЛАЙ ПАУЗУ, СКУШАЙ ТВИКС. ФЕ. Прец. Подожди, не торопись совершать какие-л. действия, принимать решения. *Экспр.– Куда можно продать старые пластинки (качество не очень)? – Не спеши, сделай паузу, скушай твикс – смотришь, и еще дорожке стоять будут (Коллективный). «Сделаем паузу, вы*

скушаете свой «Твикс» – и представите новый документ», – предложил Лужков «выдающимся руководителям» («Вечерняя Москва»).

Помета **Эвфем.** (эвфемизм) маркирует образные единицы, которые замещают грубые, бранные, нецензурные слова и выражения:

ХРЕНОВИНА / ХРЕНОТЕНЬ / ХРЕНЬ. СО. Эвфем. *Прост.* Что-л. совершенно ненужное, бесполезное, глупое; ерунда. *Груб. Экспр. Неодобр.* – *И все магазины забиты какой-нибудь одной хреновиной* (С. Довлатов. *Чемодан*). *Всякий раз, когда свекровь приезжает ко мне домой, она несет такую хреновень, что у меня от злости пропадает молоко* («Русская Жизнь»). *А в школу действительно не берут, не принято, в буфете можно купить, какую-нибудь хрень, вроде хуба-буба, сникерс – это еда?* (Коллективный).

Помета **Нар.-поэт.** (народно-поэтическое) маркирует образную лексику и фразеологию, которая характерна для устного народного творчества:

ХЛЕБ ДА СОЛЬ. ФЕ. Нар.-поэт. Обращение к гостям в качестве приглашения к столу. – *Хлеб да соль вам, дорогие гости, – сказал он. – Располагайтесь у нас, как у себя дома. Мы вас накормим и обогреем. Ваш отряд мы хорошо знаем и уважаем* (Д. Медведев. *Сильные духом* (Это было под Ровно)).

Функционально-стилистические пометы представляют функциональный стиль речи и функциональную разновидность языка, в пределах которых используется образная единица. В словаре используются следующие функционально-стилевые пометы: *Жарг. арм.* – армейский жаргон, *Жарг. угол.* – уголовный жаргон, *Жарг. мол.* – молодежный жаргон, *Жарг. проф.* – профессиональный жаргон, *Прост.* – просторечное, *Разг.* – разговорное.

Постановка функционально-стилистических помет происходит на основании анализа особенностей функционирования образных средств в речи, с ориентацией на их современное употребление и учетом существующей практики использования помет в изданных словарях, прежде всего, толковых. Пометы *Жарг. арм.* (армейский жаргон), *Жарг. угол.* (уголовный жаргон), *Жарг. мол.* (молодежный жаргон), *Жарг. проф.* (профессиональный жаргон) указывают на

образные средства языка, употребляемые определенными социальными или профессиональными группами. Например:

РАСКОЛБАС. СО. *Жарг. мол.* Безудержное веселье, бурное развлечение. *Экспр.*

КОКТЕЙЛЬ МОЛОТОВА. ФЕ. *Жарг. арм.* Жидкостная граната, представляющая собой бутылку с зажигательной смесью.

Помета *Разг.* (разговорное) маркирует образную лексику и фразеологию, характерную для разговорной речи, не нарушающей нормы литературного языка. Например:

РАСПОТРОШИТЬ. ЯМ. *Разг.* Разобрать на составные части механическое устройство. *Экспр.*

Помета *Прост.* (просторечное) указывает на образные слова и выражения, свойственные «простой, непринужденной речи или даже грубоватой устной речи, не связанной нормами литературного языка» [Толковый словарь русского языка, 2000, с. XXVI]. Например:

БЕЛЕНЫ ОБЪЕСТЬСЯ. ФЕ. *Прост.* Начать вести себя глупо, агрессивно, подобно сумасшедшему. *Экспр.*

Эмотивно-оценочные и экспрессивные коннотации, закрепленные за образными словами и выражениями, эксплицируются с помощью эмоционально-оценочных и экспрессивных помет. В «Словаре русской пищевой метафоры» представлены следующие пометы: *Бран.* (бранное), *Возвыш.* (возвышенное), *Груб.* (грубое), *Ирон.* (ироническое), *Ласк.* (ласкательное), *Неодобр.* (неодобрительное), *Одобр.* (одобрительное), *Осуд.* (осудительное), *Пренебр.* (пренебрежительное), *Шутл.* (шутливое), *Экспр.* (экспрессивное). Их постановка базируется на следующих принципах: анализ особенностей функционирования образных средств в речи и ориентация на их современное употребление; учет существующей практики использования помет в изданных словарях, прежде всего, толковых; соблюдение рекомендаций по расстановке эмоционально-

оценочных помет, представленных в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова [Большой толковый словарь, 2008, с. 16].

Помета *Экспр.* (экспрессивное) отражает выраженную образной единицей «коннотацию интенсивности, чрезмерности, высокой степени проявления качества называемого феномена» [Словарь русской пищевой метафоры, Т. 1, 2015, с. 18]. Например, фразеологизм *молоко на губах не обсохло* ‘о молодом человеке с небольшим жизненным опытом’ сопровождается пометой *Экспр.*: *Молоко на губах не обсохло, и женщины ещё кажутся таинственными* (М. Шишкин. Письмовник). *Теперь ушли от искусства вбок: не краску любят, а сан. Птенцы, ещё молоко на губах, а с детства ж к смирению падки* (М. Чегодаева. Соцреализм: Мифы и реальность).

Помета *Возвыш.* (возвышенное) дается словам и выражениям, которые передают настроение торжественности, приподнятости. Например, языковая метафора *хлеб* в значении ‘средства к существованию’: *Видя, как нелегко достается хлеб, человек уже не может относиться к судьбе легкомысленно, а житейские трудности воспринимает как естественные и неизбежные* («Наука и жизнь»). *Россия нас приютила по-братски. Дала нам хлеб и достаток. Мы благодарны русскому народу и на выборах пойдём с вами* (В. Шульгин. Последний). Помета *Одобр.* (одобрительное) дается языковым единицам, содержащим в своем значении похвалу, одобрение. Например, *котелок варит* ‘о человеке, способном хорошо соображать, быстро принимать правильные решения’: *После недолгой отсидки за драку в баре Майк поссорился с начальством и потерял работу. И тем не менее котелок у него варил неплохо. Был в армии компьютерщиком, но принципиально не захотел работать на войну. Пацифист!* (М. Валеева. Кусаки, рыжий бес). Помета *Ласк.* (ласкательное) сопровождает языковые средства, которые используются говорящим для выражения доброго, ласкового отношения к субъекту или объекту речи. Например, *ягодка* в значении ‘ласковое обращение к любимому человеку или ребенку’:

Сереженька, куколка моя, ягодка ненаглядная, нашёлся, родной (И. Грекова. На испытаниях).

Помета *Шутл.* (шутливое) сопровождает слова и выражения, которые передают несерьезную, веселую оценку: *сердцеед* ‘мужчина, пользующийся большим успехом в женском обществе, покоритель женских сердец’: *Великолепны были «жертвы»* (М. Аджинджал и И. Арухадзе), *великолепен был и соблазнитель Шалико* (Р. Сабуа) – *лысоватый, отчасти скрюченный, но в ослепительно белом курортном костюме, с кошачьей грацией опытного сердцееда...* («Театральная жизнь»). Помета *Ирон.* (ироническое) дается языковым средствам, употребляемым с целью насмешки, например, *где уж нам, дуракам, чай пить* ‘употребляется в качестве иронического самоуничижения в ситуации, когда кто-л. оказывается неспособным справиться с чем-л.’: *Что же до «дихотомий» и «денотатов», то их не нашлось даже в словаре лингвистических терминов – где уж нам, дуракам, чай пить* (Ю. Даниэль. Письма из заключения).

Помета *Пренебр.* (пренебрежительное) характеризует образные единицы, которые содержат «оценку снисходительного порицания с оттенком высокомерия» [Большой толковый словарь русского языка, 2008, с. 16]. Например, *выеденного яйца не стоит* ‘не имеет никакого значения, не заслуживает внимания’: *Да, факс получил, вопрос выеденного яйца не стоит, сегодня вечером он согласует с шефом ответ и завтра передаст в редакцию* («Витрина читающей России»). Помета *Неодобр.* (неодобрительное) характеризует языковые единицы, которые содержат отрицательную оценку, неприятие чего-либо. Например, *как варёная муха* ‘о медлительном, вялом, апатичном человеке’: *Вот, пожалуйста, перед репетицией уснуть не можешь, потом будешь как муха вареная* (А. Берсенева. Полет над разлукой). Помета *Осуд.* (осудительное) используется для описания слов и выражений, содержащих отрицательную оценку того, что считается дурным, плохим. Например, *дармоед* ‘тот, кто живет за чужой счет; бездельник, тунеядец’: *Целые армии дармоедов, прихлебателей как считали, что на войне и в мирной жизни без них и шагу не сделать, что были они главная движущая сила*

военных побед и возрождающегося прогресса, так и считают (В. Астафьев. Пролетный гусь).

Помета *Груб.* (грубое) отражает неадекватную, оскорбительную оценку или реакцию, закрепленную за семантикой лексикографируемой единицы. Например, фразеологизм *сожрать и не подавиться* ‘поверить в чей-л. Обман’: *Он сказал: «Она в командировку поехала, конверт отнесла... нет второй такой дуры, чтобы это сожрать и не подавиться!»* Значит, она проглотила какую-то наживку, и эта наживка сработала, несмотря на то что они были не слишком уверены, что она сработает (Т. Устинова. Подруга особого назначения). Помета *Бран.* (бранное) дается словам и выражениям, которые используются с целью обидеть адресата. Например, значение языковой метафоры *поганка* ‘неприятная, подлая женщина’ сопровождается пометами *Осуд.* (осудительное) и *Бран.* (бранное): *И тут случилось ужасное: в дверях кухни я увидела тетку, разгневанную, красную, она надвигалась на меня с криком: «Ах ты поганка, отродье!»* (С. Пилявская. Грустная книга).

В качестве примеров приведем фрагменты словарных статей, включающие помету *Экспр.* (экспрессивное) и эмоционально-оценочные пометы.

В РОТ КОМПОТ. ФЕ. *Прост.* Выражение расстройства или удивления. *Груб. Бран.* – «[Константин]. **В рот компот** я такие квартиры. Долго мы ее толкали?» (В. Дурненков, М. Дурненков. Культурный слой). *Я стоял в полной растерянности, а Тихон все добивал меня сверху. – А знаешь, как зовут главного мужика? – Как? – Князь Мышкин, в рот тебе компот! А бабу? – И ее запомнил? – Такую да не запомнить?* (Н. Пеньков. Была пора).

КРОШКА. ЯМ. *Разг.* 1. Предмет нестандартно маленького размера. *Экспр.* – *Итак, что же умеет эта крошка? Во-первых, записывать видео со звуковым сопровождением, отдельные кадры (фото) и звук на карточку памяти в виде файлов соответствующего формата («Homes & Gardens»).* *Вышел на треугольную крошку-площадь с медной головой некоего Гвидо Маранона на*

высоком постаменте и с древней водяной колонкой меж двух пропитанных дождем деревянных скамей (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы).

2. Маленький ребенок. Ласк. – Дети смотрят на нее, эти крошки, держатся за ноги отца и не спускают с нее глаз (Л. Смирнова. Моя любовь). Пожалуйста, дорогая, думай только о маленькой крошке, который в твоём ещё маленьком животике (Коллективный).

3. Милая, привлекательная девушка. Одобр. Ласк. – Ты помнишь, как пожилой пьяный пизжон сказал в метро: «Полжизни бы отдал за ночь с такой крошкой» (В. Аксенов. Звездный билет).

НАКИПЬ. ЯМ. 1. Низкие, подлые люди, приносящие вред обществу. Экспр. Осуд. – Она бичевала тунеядцев, «эту **накипь**, которая трудоустраиваться не хочет, а живет неизвестно чем, разными сомнительными заработками, засоряя собой общество» (А. Кузнецов. Бабий яр).

2. Негативные эмоции, накопившиеся в душе человека. Экспр. Неодобр. – Молиться надо о духовном: чтоб Господь с нашего сердца **накипь** злую снимал... (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича). После того, что случилось, после того, как он задушил страх и стал победителем, ему хотелось прогнать последнюю маленькую боязнь. Снять с души **накипь** обмана (В. Крапивин. Болтик).

ПАМПУШКА. ЯМ. Разг. Полная женщина. Ирон. Одобр. – Ух ты! Пампушка-красатушка! (Коллективный). Протерпевший больше суток бугай вылетел из кабинета, почти отшивырнув с дороги улыбающуюся бодрую «пампушку» (П. Акимов. Плата за страх).

Система описанных помет является структурной частью словарной статьи гнездового «Словаря русской пищевой метафоры» и идеографического словаря «Мир в зеркале пищевой метафоры». Эти пометы дополняют словарное описание семантики толкуемой языковой единицы. Их использование позволяет более полно представить семантику лексикографируемых языковых единиц, а именно

грамматические, семантические, прагматические особенности, место в ряду подобных слов или выражений и в системе языка в целом.

3.4 Зона иллюстраций

Иллюстративный материал является обязательной зоной словарных статей в словарях различного типа. Л.В. Щерба сформулировал «практическое требование к составителям словарей: не мудрствуй лукаво, а давай как можно больше разнообразных примеров» [Щерба, 2007, с. 232]. Типизированный контекст, отражая значение лексикографируемой языковой единицы, дополняет и уточняет его, «демонстрирует типичные условия функционирования лексических единиц, подтверждая их системные характеристики» [Козырев, 2004, с. 48].

В словарной статье гнездового «Словаря русской пищевой метафоры» и идеографического словаря «Мир в зеркале пищевой метафоры» после толкования каждого значения заглавной единицы приводятся контексты, иллюстрирующие реализацию описываемой вторичной образной единицы в речи. Основным источником иллюстративного материала является Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru). В словарь включаются фрагменты произведений, созданных не ранее 50-х гг. XX века, так как он отражает современное состояние образной системы русского языка.

Иллюстративный материал развернуто представляет коммуникативно-прагматический потенциал образной лексики и фразеологии с исходной кулинарной семантикой. Контексты, с одной стороны, подкрепляют семантику описываемых средств языка, с другой стороны, анализ иллюстративного материала способствует более точной формулировке словарной дефиниции, так как «толкование значения слова вырастает из контекстов, вновь ими подкрепляется» [Ильенко, 1995, с. 79].

Иллюстративный материал к исходной мотивирующей единице демонстрирует функционирование обозначенного заглавной единицей явления в

русской пищевой традиции. Например, следующие контекстные иллюстрации репрезентируют ситуации употребления молока в пищу или его использование при приготовлении различных блюд: *Молоко смешать с желтками и солью, влить в муку и замесить мягкое тесто* (Рецепты национальных кухонь). *Кофе, особенно кофе с молоком, действует намного мягче, включается плавнее, играет дольше и годится для регулярного употребления* (Запись LiveJournal). *Из еды он предпочитал сырое или слегка поджаренное мясо, сваренные вкрутую и пропущенные через мясорубку яйца, пил молоко* (А. Дубров, О. Силаева, В. Ильичев. Кот, говорящий по-азербайджански).

При отборе иллюстративного материала для словарных статей образных слов и выражений к фрагментам текстов предъявляется следующий ряд требований. Во-первых, контекст дополняет образное значение, описанное в словарной дефиниции, то есть пример должен быть информативным в смысловом отношении. Во-вторых, предъявляемый фрагмент текста демонстрирует типичную ситуацию употребления и типичное лексическое окружение образного средства. В-третьих, объем контекста не должен быть слишком большим или слишком маленьким. В словарных статьях, как правило, приводится 3–4 контекста, минимум – 2 контекста. При отборе иллюстративного материала особое внимание уделяется эстетическим качествам контекста, то есть в словарную статью не включаются текстовые фрагменты, которые содержат описание реалий, противоречащих этическим нормам. В качестве примера приведем несколько словарных статей:

БРОЖЕНИЕ. ЯМ. 1. Массовое проявление недовольства, протестные настроения в обществе, коллективе. *Экспр. – Видимо, власть считает, что сейчас главное – единство в стране, и чтоб не было никакого брожения и самостоятельного размышления по поводу основных идей и линий* (В. Давыдов. Театр моей мечты). *Появление на заводе нового руководителя и отстранение прежнего директора вызвало определенное брожение в коллективе («Богатей»).* *В те годы молодежь жила в ощущении, близости мировой революции, газеты были*

полны сообщений о революционном **брожении** в Европе и освободительной борьбе колониальных народов (А. Крон. Капитан дальнего плавания).

2. Интенсивное, бурное переживание чувств, эмоций. *Экспр.* – *Такое тоже бывает в жизни, хотя и довольно редко, и в этих исключительных случаях брожение чувств порой достигает таких пределов, что невыносимо бывает жить* (В. Пьецух. Деревенские дневники). *Красивая мелодия всегда вызывала во мне какое-то брожение, восхищение, экзальтацию, восторг* (Э. Рязанов. Подведенные итоги). *Все бродило в нем, клокотало, как в перегретом котле, и ночные приливы крови, да и сама головная боль, были лишь наружным проявлением странных глубинных брожений* (Б. Васильев. Были и небыли).

КАК СЕЛЁДКА. В сравн. *Разг.* Об очень худом человеке (преимущественно женщине) или животном. *Экспр.* – *Опять гривастый спросил. – Почему Селёдкой-то? А худая. Худая, как селёдка. Там только одна грива и была-то. Засмеялись. И профессор тоже невольно засмеялся* (В. Шукшин. Печкилавочки). *Я же всегда была очень гибкая и до определенного возраста еще и худая, как селедка* («7дней.ru»). *Кобель год и 9 мес. Худой как селедка, ребра все можно посчитать визуально* (Коллективный).

МУХИ ОТДЕЛЬНО, КОТЛЕТЫ ОТДЕЛЬНО. *Погов. Разг.* О необходимости разграничивать различные по качеству, характеру, предназначению предметы, явления. – *Во-первых, «разделять: мухи отдельно, а котлеты отдельно», говорил Путин. Так вот, давайте разделять американский суррогат (пусть даже российского происхождения) от адекватных зрителей. А если не будем разделять, то далеко зайдём* (Коллективный). *Мухи – отдельно, котлеты – отдельно, и уже в конце мая дела молодежи отделились от физкультуры и туризма. Комитет по делам молодежи восстал как феникс из пепла* («Газета»).

Иллюстративный материал является обязательной зоной структурной схемы словарной статьи гнездового «Словаря русской пищевой метафоры» и идеографического словаря «Мир в зеркале пищевой метафоры».

3.5 Интерпретационная зона

3.5.1 Культурная коннотация и способы ее изъяснения

Образная лексика и фразеология отражает в своем значении культурно-национальные стереотипы, символические смыслы, ритуально-обрядовые традиции. Они составляют содержание культурных коннотаций, закрепленных за семантикой этих единиц. В.Н. Телия определяет культурную коннотацию как «интерпретацию языкового знака на основе ассоциаций с эталонами, стереотипами и прототипами языка культуры» [Телия, 1994, с. 16]. По мнению В.А. Масловой, при экспликации внутренней формы образного слова или выражения «культурная информация как бы воскрешается в коннотациях, которые отображают связь ассоциативно-образного основания с культурой (эталонами, символами, стереотипами)» [Маслова, 2010, с. 82]. Культурная коннотация представляет собой совокупность ассоциаций и фактов культурной информации, возникающих у носителя языка при употреблении образных лексических и фразеологических единиц, способствующую погружению в пространство культуры (М.Л. Ковшова, В.А. Маслова, Е.О. Опарина, В.Н. Телия и др.). Изъяснение культурной коннотации предполагает выявление и интерпретацию культурно обусловленных знаний и культурного фона. Культурный фон, по мнению В.Н. Телия, – это «культурно маркированные ассоциации, не входящие в собственно значение и проявляющиеся в дискурсе» [Телия, 1994, с. 15]. Культурный фон является пространством культуры, в котором существует носитель языка.

Возникновение культурных коннотаций, закрепленных за семантикой образной лексики и фразеологии, обусловлено функционированием исходного мотивирующего образа в пространстве культуры. Этот образ, вызывая устойчивые ассоциации с явлениями духовной и материальной культуры, иносказательно переосмысливается и метафоризируется. Процесс метафоризации позволяет

закрепить за семантикой слов и выражений важнейшие национально-культурные смыслы и сохранить их в языке.

Осмысление говорящим культурной коннотации фразеологизмов, по мнению М.Л. Ковшовой, происходит в три этапа, которые позволяют «проследить путь» от их зарождения под влиянием категорий культуры до актуализации культурной информации в речи. Во-первых, это «пробуждение» в памяти исходных смыслов, относящихся к далекому прошлому культуры. Во-вторых, припоминание знаний и представлений, которые связаны с образной единицей и нужны для более точного ее употребления. В-третьих, «соединение» образа языковой единицы, или ее ассоциирование, с символами, эталонами стереотипами, мифологемами и др. [Ковшова, 2013, с. 148]. По нашему мнению, употребление собственно образных слов, языковых метафор, сравнений, пословиц, поговорок сопровождается аналогичными когнитивными процессами, описанными М.Л. Ковшовой на примере фразеологизмов.

Лингвокультурологический метод исследования семантики образных средств языка, описанный в работах М.Л. Ковшовой [2007, 2013], В.Н. Телия [1995, 1996, 2009], направлен на экспликацию национально-культурных особенностей языковой картины мира и культурной информации, заключенной в семантике образных слов и выражений; соотнесение языкового средства с различными кодами культуры; выявление роли образного слова или выражения как знака культуры [Ковшова, 2012, с. 148–160].

В лексикографической практике интерпретация культурной коннотации реализована в виде лингвокультурологического / культурологического комментария. Впервые такой способ комментирования особенностей семантики языковых средств был представлен в «Большом фразеологическом словаре русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под ред. В.Н. Телия [2009]. В.Н. Телия отмечает, что культурологический комментарий «восстанавливает фон окультуренного осознания мира человеком, тем самым способствует прояснению мотивированности культурно значимых смыслов в

семантике» образных языковых единиц [Телия, 2009, с. 12]. Культурологический комментарий в этом словаре включает следующие зоны: 1) этимологическую справку, 2) страноведческую справку, 3) собственно культурологический комментарий [Там же, с. 12]. В последней зоне образ фразеологизма комментируется с точки зрения его соотношения с древнейшими пластами культуры, фольклорно-литературными источниками, кодами культуры, видами тропов, языком культуры. Такая модель комментария, по мнению М.Л. Ковшовой, демонстрирует, как «вплетается в языковую семантику создаваемая в ходе интерпретации семантика культурная, как это складывается в целом семантику фразеологизма» [Ковшова, 2013, с. 160].

Стоит отметить, что во многих теоретических работах нет разграничения между лингвокультурологическим и культурологическим типами комментариев. Например, В.Н. Телия и М.Л. Ковшова в предисловии к «Большому фразеологическому словарю русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий» [2009] наравне используют термины «лингвокультурологический комментарий» и «культурологический комментарий», не дифференцируя данные понятия. По нашему мнению, термин «культурологический комментарий» охватывает более широкий круг явлений культуры, при интерпретации которых внимание уделяется преимущественно фактам культуры. Поэтому в диссертации и «Словаре русской пищевой метафоры» используется термин «лингвокультурологический комментарий» (далее – ЛКК), указывающий на синтез языковой семантики и культурного компонента.

3.5.2 Структура лингвокультурологического комментария в «Словаре русской пищевой метафоры»

В «Словаре русской пищевой метафоры» изъяснение культурной коннотации представлено в лингвокультурологическом комментарии, входящем в

интерпретационную зону словарной презентации гнезда. ЛКК является одним из способов презентации отразившихся в образных средствах языка особенностей национальной пищевой традиции и воспроизводимых в речи ключевых образов культуры, основанных на представлениях о пище, ее качествах и свойствах, гастрономической деятельности. Он служит дополнением к толкованию образной лексики и фразеологии в словаре.

Лингвокультурологический комментарий представляет собой справку энциклопедического характера относительно культурного феномена, который стал источником метафорических характеристик явлений внеязыковой действительности. Комментарий содержит информацию об историческом и современном бытовании явления гастрономической сферы, ценностном отношении к нему представителей лингвокультуры и символическом, ритуально-обрядовом функционировании в традиционной культуре. В комментарии актуализируются основания для символического и метафорического переосмысления описываемого гастрономического образа.

Источниками лингвокультурологического комментария являются 1) этнографические работы С.А. Арутюнова [Арутюнов, 2001] и А.К. Байбурина [Байбурин, 1990, 1993] и исследования русской пищевой традиции В.В. Похлёбкина [Похлёбкин, 1983, 1994, 2001, 2002абв] и др.; 2) словари и энциклопедии: культурологический словарь И.В. Андреевой, Н.В. Баско «Русская деревня – XX век» [2003], энциклопедия «Мифы народов мира» под ред. С.А. Токарева [2003] и др.; 3) электронные ресурсы, содержащие информацию культурологического характера. Из источников отбирается информация об историческом бытовании продуктов и блюд, традиционных способах приготовления пищи, о символическом значении явлений русской пищевой традиции, их ритуально-обрядовом функционировании. Она проецируется на структуру комментария.

Границы лингвокультурологического комментария и объем эксплицируемой в изъяснении культурной информации определяются тем, что ЛКК включает

энциклопедические сведения лингвистического и культурологического характера. Также комментарий содержит культурную и языковую информацию, так называемый усредненный культурный фон, свойственный рядовому носителю языка.

Таким образом, с опорой на анализ семантики образных слов и выражений, мотивированных наименованиями объектов гастрономической сферы, и их речевой реализации была разработана структура лингвокультурологического комментария. Она включает следующие компоненты:

1. Интерпретация внутренней формы слова или выражения.

При изъяснении исходного мотивирующего слова указывается его этимология. Она дается в форме мотивирующего толкования и включается в том случае, если это способствует репрезентации культурной коннотации.

Например, в лингвокультурологическом комментарии к гнезду **ЗЕМЛЯНИКА** так объясняется происхождение этого слова: «Слово земляника происходит от «земля», потому что спелые ягоды земляники почти лежат на земле». В лингвокультурологическом комментарии к гнезду **АПЕЛЬСИН** этимология заглавного слова толкуется так: «Слово «апельсин» заимствовано в русский язык из голландского, в котором *appelsien* означает буквально «яблоко из Китая». Португальские мореплаватели в XVI в. привезли апельсины в Европу из Китая, а в России они стали известны только в XVIII в.».

2. Информация энциклопедического характера, связанная с историей возникновения и функционирования гастрономического объекта, процесса, свойства.

Описание истории появления и функционирования гастрономического феномена способствует выявлению оснований метафорических проекций и аксиологических компонентов значения образных единиц языка. В этом фрагменте ЛКК актуализируется информация о гастрономическом явлении, указывающая на его характерность или нехарактерность для русской пищевой

традиции. Характерное явление гастрономической сферы служит источником большего количества метафорических проекций и образных номинаций.

Например: «На Руси капуста была известна еще до крещения. Вначале она появилась на Черноморском побережье Кавказа, затем постепенно распространилась по всей стране. Этот холодоустойчивый и влаголюбивый овощ прекрасно чувствовал себя на всей территории. Его крепкие белые кочаны, обладающие отличным вкусом, выращивали в каждом крестьянском дворе. Знать также почитала капусту».

Данный фрагмент лингвокультурологического комментария подтверждает ценность капусты как продукта питания, указывает на то, что она является характерным овощем для русской кухни. Это образно переосмысливается и закрепляется во вторичных метафорических номинациях: *капуста* 1) ‘деньги’, 2) ‘рисунок на военной офицерской фуражке советского образца в виде красной звезды в белом овале, окруженном золотистыми лавровыми ветками’; *найти в капусте* ‘шутливое объяснение появления детей на свет’; *одеться как капуста* ‘надеть несколько слоев одежды’; *рубить капусту* ‘много зарабатывать’; *крошить как капусту* ‘наносить удары противнику при помощи холодного или огнестрельного оружия во время вооруженных столкновений, боевых действий’; *пустить козла в огород капусту охранять* ‘допустить кого-л. к объекту его корыстных интересов, поставив под угрозу собственные’; *капустник* ‘самодеятельное шутливо-пародийное представление, ставящееся в учебных и производственных коллективах, по случаю праздничных дат и важных событий’.

3. Характер функционирования гастрономического объекта в современной пищевой традиции.

В лингвокультурологический комментарий включается информация об использовании продукта в настоящее время. Описываются особенности бытования явления гастрономической сферы на современном этапе и актуализируется описываемый гастрономический образ в пространстве культуры.

Например, в лингвокультурологическом комментарии к тематической рубрике «Термическая обработка продуктов» приводится следующая информация о современных термических способах приготовления пищи: «в современной русской кухне жарка является равноправным способом приготовления наряду с варкой, тушением, запеканием, томлением и приготовлением на пару. В частности, жарят блины, оладьи, пироги, яйца, многие виды мясных (котлеты, бифштексы, биточки, колбаски и др.) и рыбных блюд. В настоящее время для термической обработки продуктов используют газовые и электрические плиты и духовые шкафы».

В лингвокультурологическом комментарии к лексико-фразеологическому гнезду **КАПУСТА** приводится следующая информация о современном бытовании этого продукта: «капуста используется для приготовления салатов, супов, гарниров к мясу или начинки для пирогов; может употребляться как самостоятельное блюдо. Капусту тушат, варят на пару, запекают и фаршируют. Традиционное блюдо русской кухни – квашеная капуста. Она сохраняет полезные свойства в зимний период».

4. Характеристика полезных свойств продуктов питания.

Этот компонент комментария является факультативным, включается в комментарий в том случае, если описываемый продукт питания обладает свойствами, полезными для здоровья человека.

Например: «Тыква содержит микроэлементы, витамины, ее рекомендуют употреблять людям, страдающим сердечно-сосудистыми заболеваниями»; «С давних времен бруснику называют ягодой бессмертия – она помогает при тяжелых болезнях. Брусника ценна богатым содержанием витаминов и органических кислот»; «Смородина богата витаминами С и Е».

5. Символическое и обрядово-ритуальное функционирование явлений гастрономической сферы.

В этом фрагменте лингвокультурологического комментария интерпретируется символическое и обрядово-ритуальное переосмысление образов

гастрономической сферы. Происходит «соединение» образов-источников метафорических характеристик и символов, эталонов, стереотипов, ритуалов, обрядов.

Например: «С XVII в. у православных на Руси появилась своя покровительница капусты Арина-рассадица. Крестьяне старались в день Арины-рассадицы, 18 мая по новому стилю, высадить капусту. Это обещало хороший урожай. Бытовала традиция коллективной заготовки капусты на зиму. Рубили её после 27 сентября (по новому стилю), сразу после народно-христианского праздника Воздвижения. В эту пору начиналась череда веселых осенних вечеринок – капустников или капустниц».

В комментарии к гнезду **ЗЕРНО** так описывается символическое и обрядово-ритуальное функционирование этого образа: «Без зерна не обходятся календарные и семейные обряды. В гаданиях о будущей жизни зерно символизировало скорое замужество, богатую и счастливую жизнь, хозяйственного жениха. Идея рождения, плодородия присутствовала и в рождественских обрядах. Накануне Рождества в дом торжественно вносили большой овсяный или ячменный сноп и ставили в красный угол избы, при этом вносящих осыпали зерном.

Широко и разнообразно использовали зерно в свадебных обрядах. Жениха и невесту, а часто и всех участников обряда осыпали зерном каждый раз перед тем, как они покидали дом, отправляясь в дорогу, когда участники обряда покидали «свою территорию» или возвращались назад. Отправляя новобрачных в дорогу, им в карманы одежды и в обувь насыпали зерно».

6. Указание на источник цитирования и дополнительная семантизация прецедентных образных слов и выражений.

Данный компонент является факультативным и включается в комментарий при наличии в лексико-фразеологическом гнезде образной прецедентной лексики или фразеологии, мотивированной заглавной единицей.

Например: «Выражение *мы делили апельсин* ‘распределять имущество, ценности между несколькими субъектами’ возникло из одноименной песни, прозвучавшей в мультфильме «Веселая карусель», где животные делили апельсин между собой по долькам: *«Мы дели ли апельсин. Много нас, а он один. Эта долька для ежа. Эта долька для чижа...»*. «Именование *редиской* человека, совершающего плохие поступки, пошло от крылатой фразы из кинофильма «Джентльмены удачи» (1971 г., реж. А. Серый): *«Редиска – нехороший человек»*. «В основу идиомы *развесистая клюква* именующей неправдоподобные факты и рассказы, лег эпизод мелодрамы Б. Гейера «Любовь русского казака», в котором неосведомленный, не знающий российских реалий иностранец говорил, что он сидел в тени развесистой клюквы».

Минимальные культурные и языковые знания, присущие рядовому носителю языка, и специальная информация лингвистического и культурологического характера даются в лингвокультурологическом комментарии неразрывно. Все структурные компоненты комментария образуют цельный связный текст. В ЛКК информация, касающаяся исторического и современного функционирования объекта гастрономической сферы, демонстрирует характерность или нехарактерность описываемого феномена для русской пищевой традиции. Характерные гастрономические явления наполнены символическими смыслами и имеют множество метафорических проекций (зерно, блины, крендель, хлеб, каша, масло, молоко, картошка, морковь, мед и др.). Нехарактерные гастрономические феномены (абрикос, арбуз, ваниль, миндаль, оливка и др.) образно воплощаются в небольшом количестве метафорических номинаций.

В тексте комментария могут присутствовать не все компоненты ЛКК. Это объясняется характером функционирования, употребления продукта или блюда. Тематический компонент, в котором описываются полезные свойства продуктов, включается в комментарии только к фруктам, овощам и ягодам (арбуз, баклажан, брусника, лимон, лук, клюква и др.). Часть, посвященная интерпретации

символического функционирования гастрономических объектов, приводится в комментариях к характерным явлениям русской пищевой традиции (блин, зерно, морковь, молоко, яйцо и др.).

Приведем в качестве примера полный текст лингвокультурологического комментария к лексико-фразеологическому гнезду **ЯБЛОКО**:

«Яблоко является характерным фруктом для русской пищевой традиции. Яблоки употребляются в пищу самостоятельно как свежими, так и мочеными, квашеными, печеными (сладкие с медом, орехами, ягодами и как гарнир к мясу и птице), консервированными. Используются для приготовления компотов, соков, киселей, сидра, уксуса, кваса, варенья, джемов, повидла, салатов, сухофруктов, мармелада, пастилы, десертов, выпечки.

Первые сведения о выращивании культурных сортов яблони в Киевской Руси относятся ко времени правления князя Ярослава Мудрого. В 1051 г. на территории Киево-Печерской лавры был заложен первый яблоневый сад. В Замоскворечье, недалеко от Московского кремля, тянулись сады громадных размеров, а также огороды, на которых люди выращивали овощи. Петр Первый выписывал из-за границы новые сорта яблонь и организовал особую канцелярию, которая позже превратилась в «Садовую контору». До Петра яблоки культурных сортов были привозными. Промышленной культурой яблоня стала с начала XIX столетия.

Яблоко является символом плодородия, здоровья, любви, красоты; выступает символом брачного союза, здорового потомства. Плоды, побеги и цвет яблони играли важную роль в свадебных обрядах. Обмен яблоками между парнем и девушкой символизировал взаимную симпатию. Принимая от сватающегося парня яблоко, девушка давала согласие на брак. Ветки яблони украшали свадебное знамя и венок невесты, а также использовались в убранстве праздничного стола. Молодожёнам дарили яблоки, желая большого потомства. Перед первой брачной ночью одно яблоко прятали под перину, а другое – разламывали на две части, и

каждый из новобрачных съедал половину. С помощью яблоневого ветки снимали с головы невесты девичий убор и забрасывали его на яблоню.

Согласно верованиям, яблоки помогали от бесплодия. Беременным же для здоровья и красоты будущих детей нужно было подержаться за яблоню и посмотреть на её ветки в зимнее время или на плоды в летнее. Для силы будущего ребенка роженицу угощали яблоком. Последний плод с дерева не срывали: его оставляли на ветке для того, чтобы и на следующий год урожай был богатый. Яблоки запрещалось есть до Яблочного Спаса.

Происхождение идиомы *яблоко раздора* связано с греческим мифом о золотом яблоке с надписью «прекраснейшей», подброшенном Эридой на свадьбу Пелея и Фетиды и ставшем причиной ссоры между богинями Герой, Афродитой и Афиной. Присуждение Парисом этого яблока Афродите косвенным образом привело к Троянской войне. Образное выражение *адамово яблоко*, именуемое выступающую часть хряща в горле у мужчины, связано с библейской легендой об Адаме и Еве: когда Адам вкусил запретный плод дерева добра и зла, кусок яблока застрял в его горле» [Словарь русской пищевой метафоры, 2015, Т. 1, с. 146–148].

В первом томе «Словаря русской пищевой метафоры» лингвокультурологический комментарий дается после словарной презентации образных слов и выражений, мотивированных заглавной единицей гнезда. Это связано с тем, что блюда и продукты питания составляют основу русской пищевой традиции. Блюда и продукты являются неотъемлемой частью ритуалов, обрядов, праздников. Их образы наполняются символическими смыслами. Во втором и третьем томах лингвокультурологический комментарий вынесен в начальную часть каждой тематической рубрики.

Во втором томе «Гастрономическая деятельность» приводится 9 лингвокультурологических комментариев к следующим тематическим рубрикам: «Тепловая обработка продуктов», «Механическая обработка продуктов», «Консервация и ферментная обработка продуктов», «Приготовление составов и формирование кулинарных изделий», «Поглощение пищи»,

«Поглощение жидкости», «Этапы и способы поглощения пищи», «Кормление», «Физиологические процессы, связанные с поглощением пищи». Это обусловлено тем, что каждый отдельный гастрономический процесс имеет незначительный перечень культурологически значимых особенностей.

В третьем томе «Субъект, объект, инструменты гастрономической деятельности» представлено восемь лингвокультурологических комментариев к следующим тематическим рубрикам: «Вкусовые свойства продуктов», «Качества, связанные с составом продуктов», «Высокая и низкая степень качества продуктов», «Субъект поглощения пищи», «Субъект кормления и приготовления пищи», «Состояния субъекта поглощения пищи», «Место приготовления и поглощения пищи», «Посуда и прочий кухонный инвентарь». Лингвокультурологический комментарий к лексико-фразеологическим гнездам этого тома имеет более обобщающий характер, так как описываемые гастрономические субъекты и объекты имеют незначительное количество культурно маркированных свойств.

В качестве примера приведем лингвокультурологический комментарий к тематической рубрике «Консервация и ферментная обработка продуктов», включающей лексико-фразеологические гнезда **БРОДИТЬ** (*бродить* 'интенсивно, бурно, стремительно развиваться, ощущаться (о мыслях, чувствах, эмоциях)', *брожение* 1) 'массовое проявление недовольства, протестные настроения в обществе, коллективе', 2) 'интенсивное, бурное переживание чувств, эмоций', *брожение умов* 'состояние общества, при котором широко проявляются критическое отношение к политической ситуации, массовое выражение недовольства, протеста против чего-л.' и др.), **КВАСИТЬ** (*квасить* 1) 'пить алкогольные напитки в большом количестве', 2) 'бить, ударять кого-л.', 3) 'травмировать ушибом или ударом какую-л. часть тела или лица', 4) 'кривить рот, морщить лицо, строить гримасу', *раскваситься* 1) 'испортиться, стать пасмурной, дождливой (о погоде)', 2) 'стать мокрой, вязкой, скользкой (о дороге, земле)', 3) 'расстроиться, поддаться унынию', *старой закваски* 'о человеке с устаревшими,

несовременными взглядами, привычками' и др.), **КОНСЕРВИРОВАТЬ** (*законсервировать* 1) 'временно приостановить ход, развитие, деятельность чего-л.', 2) 'сохранить сложившиеся традиции, нормы и правила социальной деятельности', *консервант* 'средство, позволяющее надолго сохранить качество каких-л. объектов, явлений', *консервная банка* 'очень старый или неисправный автомобиль' и др.), **МАРИНОВАТЬ** (*мариновать* 1) 'задерживать на долгое время, не отпуская кого-л.', 2) 'намеренно задерживать решение, исполнение чего-л.', *мариноваться* 1) 'вынужденно находиться в определенном месте длительное время', 2) 'откладываясь на длительное время' и др.), **СОЛИТЬ** (*солить их что ли?* 'выражение недоумения по поводу излишне большого количества ненужных вещей, предметов'):

«Традиционно на Руси на зиму заготавливали овощи, фрукты, грибы. Их квасили, солили, мариновали, мочили, сушили, замораживали. Консервировали собранный урожай и многие народы, жившие на территории Европы и Азии. В русской кухне при консервировании фруктов и овощей не добавляли уксус. Такой оригинальный способ, как соление, был известен только на Руси. Для приготовления разносолов использовали деревянные бочки, кадки, глиняные горшки, тески из коры берез. Продукты в них хранились в течение нескольких месяцев, а вкус получался насыщенным.

Заготовление овощей, фруктов и грибов на зиму было настоящим семейным праздником. Работали до захода солнца. После окончания хозяйка угощала своих помощников пирогом с капустой, а затем все пели и водили хоровод вокруг костра.

Существуют различные рецепты приготовления разносолов, которые передавались из поколения в поколение. Каждая семья имела свои секреты соления и маринования огурцов, помидоров, грибов, квашения капусты. В настоящее время старинные рецепты адаптируют под современную действительность. И до сих пор кулинарный талант хозяйки оценивают по вкусу ее солений» » [Словарь русской пищевой метафоры, 2016, Т. 2, с. 159–160].

Данный лингвокультурологический комментарий включает информацию о типичных для русской пищевой традиции способах консервации и ферментной обработки продуктов.

В качестве примера приведем лингвокультурологический комментарий к тематической рубрике «Поглощение пищи», включающей лексико-фразеологические гнезда **ЕСТЬ, ЖРАТЬ, КУШАТЬ, СМАКОВАТЬ**:

«Поглощение пищи, представленное лексическими единицами *есть, жрать, кушать, смаковать* и др., является естественной и неотъемлемой составляющей жизни человека с момента его рождения и до самой смерти. Физиологически поглощение пищи необходимо для поддержания физических сил и сохранения жизни, поэтому оно не зависит от расы, религии, культуры, языка человека.

С древнейших времен физиологический акт поглощения пищи является феноменом материальной и духовной культуры. Как часть материальной культуры прием пищи предполагает использование кухонной утвари, приготовление различных блюд и напитков, соблюдение этикетных правил. Как составляющая духовной культуры поглощение пищи регламентировано социальными нормами и традиционными обычаями, становясь компонентами семейных, календарных, хозяйственных обрядов.

Мифологически процесс поглощения пищи воспринимается одновременно как жертвоприношение и как нечто, связанное с образами рождения, соединения полов, смертью и воскресением. Обряд поглощения пищи входит в ритуал жертвоприношения. В языке это зафиксировано в лексической единице *жрать*, этимологически восходящей к словам «жертва» и «жрец». Принесение в жертву бога, человека, животного связано с разъятием целого на части (смерти), подобно его преломлению (и расчленению) хлеба за едой. Плоть и кровь жертвы соотносятся с пищей и питьем. Например, при евхаристии, вкушая хлеб и выпивая вино, люди в прямом смысле слова причащаются телом и кровью бога.

Поглощение человеком пищи является символом смерти во имя дальнейшего перерождения и жизненного цветения.

Употребляя в пищу части тела человека или животного, человек пребывает в уверенности, что приобретает не только его физические, но и нравственные, интеллектуальные качества. Например, съедали сердце или печень убитого врага, чтобы овладеть его храбростью, смелостью и др. Мясо тигра почиталось некоторыми племенами как пища, придающая мужчинам силу и мужество, поэтому его запрещалось есть женщинам.

Мифологические, символические, культурные представления о процессе поглощения пищи транслируются в большом количестве образных лексических и фразеологических единиц» [Словарь русской пищевой метафоры, 2016, Т. 2, с. 189].

Совокупность представленных в гнездовом «Словаре русской пищевой метафоры» лингвокультурологических комментариев демонстрирует взаимодействие и взаимовлияние языка и культуры, отраженное в семантике образных слов и выражений. Система комментариев реконструирует русскую пищевую традицию. В ее основе лежат характерные блюда и продукты питания, которые являются фактами материальной и духовной культуры. Процессы приготовления и поглощения пищи составляют основу мировой культуры.

3.5.3 Словарное изъяснение типовых образных представлений

Система значений образных лексических и фразеологических средств языка транслирует устойчивые образные представления, закрепленные в сознании носителей языка. Под типовыми образными представлениями, вслед за Е.А. Юриной, понимаются «реализованные в семантике языковых и дискурсивных единиц устойчивые аналогии между разнородными явлениями действительности, имеющие номинативную и аксиологическую значимость для определенной лингвокультуры. Это воплощенные в языке частные когнитивные

метафорические или метонимические модели, представленные значениями образных слов и выражений» [Юрина, 2005, с. 54; 2013, с. 29]. Описание совокупности типовых образных представлений позволяет реконструировать определенный фрагмент языковой картины мира.

Например, в презентации лексико-фразеологического гнезда **СЕЯТЬ – ПРОСЕЯТЬ – ПРОСЕИВАТЬ** (*сеять* ‘пропускать свет сквозь что-л. (деревья, листву, облака)’, *отсеивать* ‘путем отбора устранять кого-, что-л. как ненужное, постороннее’, *отсеяться* ‘прекратить свое участие в каком-л. деле; выбыть из состава чего-л.’, *просеять* 1) ‘тщательно обдумать, переосмыслить, систематизировать какую-л. информацию, отделяя важное от неважного, ценное от второстепенного’, 2) ‘определить значимость, ценность людей, их поступков, событий жизни (о времени)’ и др.) представлены такие формулировки типовых образных представлений:

1. Процесс просеивания муки через сито образно ассоциируется с прохождением солнечных лучей через затеняющие поверхности.

2. Процесс просеивания муки через сито образно ассоциируется с дождем, который идет в виде очень мелких, словно просеянных, капель.

3. Процесс просеивания муки через сито метафорически проецируется на ситуацию огласки какой-л. скрываемой информации, которая словно просочилась сквозь мелкие отверстия.

4. Процесс просеивания муки через сито, в результате которого ценный продукт отделяется от ненужных примесей, метафорически проецируется на ситуацию отбора лиц, соответствующих требованиям к осуществлению какой-л. деятельности, и удалению из числа претендентов лиц, не соответствующих условиям отбора.

5. Процесс просеивания муки через сито, в результате которого ценный продукт отделяется от ненужных примесей, метафорически проецируется на ситуацию тщательного осмысления, обдумывания, оценивания определенной

информации, анализа фактов, событий и явлений жизни с целью отделения важного от неважного, значимого от несущественного.

Типовые образные представления, вербализованные лексикой и фразеологией, отражают характер метафорического уподобления определенного явления исходной сферы явлениям других понятийных сфер. Характеристика типовых образных представлений демонстрирует направления переосмысления исходного мотивирующего образа, основание образного уподобления и общность номинируемой денотативной сферы.

Для презентации пищевой метафоры как системного явления образного строя языка и реконструкции фрагмента языковой картины мира в гнездовом «Словаре русской пищевой метафоры» приводятся формулировки типовых образных представлений. В этих формулировках демонстрируется, как «содержательные структуры, наполненные образным смыслом», соединяясь с базовыми метафорическими моделями, воплощаются в образных словах и выражениях с мотивирующей кулинарной семантикой [Юрина, 2013, с. 31]. Изъяснение типовых образных представлений опирается на анализ семантики метафорических номинаций и контекстных иллюстраций, демонстрирующих текстовое функционирование вторичных образных номинаций. Серия типовых образных представлений выявляется для образных слов и выражений, которые входят в одно лексико-фразеологическое гнездо.

Совокупность образных значений слов и выражений лексико-фразеологического гнезда транслирует ряд типовых образных представлений. Одно представление может быть вербализовано семантикой нескольких образных средств языка. Например, образное представление о мелких предметах реализовано в семантике образных языковых единиц *горох* ‘о мелких предметах шарообразной формы’, *как горох* ‘о мелких предметах’, *горошина* ‘мелкий, шарообразный предмет, напоминающий своим видом горошину’, *с горошину* ‘о чем-л. очень маленького размера’.

Методика экспликации типовых образных представлений заключается в следующем:

1. Выявление наименования объекта гастрономической сферы, которому уподобляются предметы и явления различных понятийных областей.

2. Определение денотата метафорической номинации и концептуальной сферы, к которой он относится.

3. Экспликация основания образного уподобления, а именно характеристики объектов сферы-мишени и сферы-донора, послужившие основанием для метафорической проекции.

Словарное представление типовых образных представлений предполагает подробное истолкование всех элементов концептуальной структуры уподобляемых феноменов или ситуаций (исходной и метафорически обозначенной). Формулировка типовых образных представлений вызывает некоторые трудности, так как связана с переводом языка образов на язык логических понятий.

В качестве примера приведем формулировки типовых образных представлений к лексико-фразеологическому гнезду **ПОМИДОР**, включающему исходное мотивирующее наименование *помидор* ‘округлый сочный красный плод овощного растения сем. пасленовых’ и серию образных слов и выражений: *красный, как помидор* ‘о покрасневшем от гнева, злости, смущения или других эмоций человеке’, *закидать помидорами* ‘выразить неодобрение, недовольство чьими-л. действиями; подвергнуть резкой критике’, *любовь прошла, завяли помидоры* ‘об утрате любовных чувств, прекращении близких отношений’.

Единицы лексико-фразеологического гнезда **ПОМИДОР** транслируют два образных представления:

1. Красный помидор ассоциируется с покрасневшим от сильных эмоций человеком.

2. Ситуация, при которой зрители закидывают не понравившихся выступающих помидорами, метафорически проецируется на ситуацию

публичного выражения недовольства в форме резкой критики [Словарь русской пищевой метафоры, 2015, Т. 1, с. 170].

Рассмотрим подробно их концептуальную структуру и способ словесного истолкования. Первое образное представление связано с метафорическим уподоблением исходного признака результирующей ситуации. В задачу его истолкования входит реконструкция и лексическое выражение всех смысловых компонентов ситуации из области-источника и области-мишени. Формулировка образного представления включает следующие компоненты:

а) указание на исходный салиентный признак эталонного объекта – *красный помидор*;

б) указание на сферу-референции – *с человеком*;

в) указание на ассоциативный характер уподобления исходной ситуации и результирующей – *ассоциируется*;

г) указание на обозначаемую ситуацию и всех ее участников (структуру пропозиции) – *покрасневшим от сильных эмоций*.

Второе образное представление носит полиситуативный характер. Метафорическая проекция исходного сценария «закидывания помидорами» на негативные межличностные отношения предполагает «симметричную» структуру сценария, включающего ситуации из референтной области и участников этих двух ситуаций: «публика недовольна выступлением артистов и закидывает их помидорами» и «человек испытывает негативное отношение к кому- или чему-либо и выражает это в форме резкой критики». Формулировка данного образного представления включает следующие лексические компоненты:

а) указание на исходную ситуацию – *зрители закидывают не понравившихся выступающих помидорами*;

б) указание на метафорическую проекцию как способ образного обозначения понятия или явления – *метафорически проецируется на*;

в) указание на обозначаемую ситуацию и всех ее участников (структуру пропозиции) – *публичное выражение недовольства в форме резкой критики*.

Частные метафорические модели «Покраснение из-за сильных эмоций – это Красный цвет помидора», «Резкая критика – это Закидывание помидорами».

Истолкование образных представлений с опорой на предложенную схему раскрывает пропозициональные структуры, лежащие в основе вторичного метафорического образа, переводит их с языка образов на язык логических понятий и репрезентирует в тексте словарных изъяснений.

В гнездовом «Словаре русской пищевой метафоры» формулировки типовых образных представлений завершают презентацию лексико-фразеологического гнезда. Формулировки типовых образных представлений пронумерованы арабскими цифрами и подаются в порядке усиления степени абстрактности концептуальной сферы-мишени: от предметно-чувственной образности, основанной на сходстве визуальных, вкусовых, обонятельных, тактильных, слуховых ощущений – до явлений социального порядка, ментальных понятий и абстрактных категорий по образу и подобию явлений гастрономической сферы.

Наиболее объемными по составу и количеству выражаемых образных представлений являются лексико-фразеологические гнезда, мотивированные глаголами, называющими различные процессы из области приготовления и поглощения пищи. Как правило, типовые образные представления, отражающие модели метафоризации процессов гастрономической деятельности, относятся к пропозиционно-ситуативному либо сценарному типу, что обусловлено пропозитивным характером семантики глагола. Образное уподобление предполагает аналогию между исходной и результирующей ситуациями и их участниками. На примере образного лексико-фразеологического гнезда с вершиной **ЖАРИТЬ** (сов. **ЗАЖАРИТЬ** / **ПОДЖАРИТЬ** / **ПОЖАРИТЬ**) ‘готовить / приготовить пищу под действием сильного жара, обычно в жире или масле без добавления воды’, рассмотрим формулировки типовых образных представлений, характерных для образных парадигм глагольного типа:

1. Процесс приготовления пищи под действием сильного жара образно ассоциируется с пребыванием человека в душном и жарком помещении, под

лучами палящего солнца, на сильно прогретом воздухе, вследствие чего возникает чувство дискомфорта, физического недомогания.

Данное образное представление реализовано в семантике языковых метафор **жариться** ‘испытывать неудобства от пребывания в слишком нагретом помещении, страдать от жары, духоты’, **зажариться** ‘почувствовать себя плохо в результате пребывания на солнце, жаре, в душном помещении’, **поджаривание** ‘нахождение в жарком помещении, вследствие которого человек испытывает дискомфорт от слишком высокой температуры воздуха или предметов, с которыми он соприкасается’. Например: *Время было, а жариться на шоссе Энтузиастов и в пробках центра совершенно не хотелось* (А. Волос. Недвижимость). *Все, – сказала Кристина, снимая шубку. – Мы тут живьем зажаримся. – Снято, снято, не беспокойтесь! – сказала Даша. – Идем дальше!* (А. Слаповский. Большая Книга Перемен). *Вы поинтересуйтесь в ближайшей пожарной части, сколько лохов в России погибло по этой причине за последние годы, заживо поджарившись в отсутствии путей эвакуации («Лебедь»).* *Словно мы неслись сквозь топку – бесконечную, асфальтовую, полную натужно ползущих, уже поджаренных на солнышке машин* (С. Лукьяненко. Ночной дозор).

2. Действие сильно нагретых и раскаленных кухонных предметов и оборудования, которые используются при жарении продуктов, метафорически проецируется на воздействие солнечных лучей, нагревающих воздух, предметы, тела людей.

Лексические репрезентанты – языковые метафоры: **жарить** ‘обжигать лучами, палить (о солнце)’, **зажарить** ‘начать сильно греть, припекать (о солнце)’, **поджарить** ‘нагреть до слишком высокой температуры, обжечь, обдать огнем, жаром’, **прожарить** ‘прогреть в сильном жару (об одежде)’, **прожаренный** ‘прогретый солнцем до высокой температуры (о воздухе, предметах)’. Контекстные иллюстрации: *Но солнце жарило без всякой пощады, голые ступни горели в нагретой пыли, мучительно ныли плечи и спина, и за всем этим Оля вскоре забыла и о том, что надо прислушиваться, и о самой встрече с*

грубым усатым жандармом (Б. Васильев. Были и небыли). *Душные и жаркие, они отнимали всякую возможность хоть немного отдохнуть от дневных зноя и суеты, постель быстро перенимала тепло разгоряченного человеческого тела, и сон превращался в **поджаривание** на горячих противнях простынь... перебор, остановила она себя и исправила **поджаривание** на томление* (Г. Маркосян-Каспер. Кариатиды).

3. Изменение цвета и качества продукта в результате жарки (появление румяной корочки) образно ассоциируется с воздействием ультрафиолетовых солнечных лучей на кожу человека, в результате которого кожа становится смуглой.

Лексические репрезентанты – языковые метафоры ***жариться*** ‘подвергать свое тело, кожу воздействию солнечных лучей; загорать, принимать солнечные ванны’, ***поджариться*** ‘стать смуглым, приобрести темный цвет кожи под воздействием солнечных лучей; загореть’, ***пожариться*** ‘некоторое время позагорать, полежать на пляже’, ***прожаренный*** ‘сильно загорелый’. Контекстные иллюстрации: *Как-то мы, компания славистов, в перерыве между лекциями **жарились** на пляже Санта-Моники* (В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп). *Нужно поехать и прийти в себя, все правильно, **пожариться** на солнце, покупаться, прочесть пару детективов* (М. Голованивская. Я люблю тебя).

4. Действие сильно нагретых и раскаленных кухонных предметов и оборудования, которые используются при жарении продуктов, метафорически проецируется на физические процессы и явления, связанные с высокой степенью интенсивности (излучение яркого света, энергичные действия и движения человека, стрельба из оружия, быстрая и громкая речь).

Лексические репрезентанты – языковая метафора ***жарить*** 1) ‘излучать яркий свет’, 2) ‘неоднократно и интенсивно стрелять, вести обстрел’, 3) ‘играть на музыкальных инструментах интенсивно, азартно’, 4) ‘совершать интенсивные речевые действия (громко, много, долго говорить, читать, ругаться, призывать к чему-л.)’, фразеологизм ***будто кто пятки жарит*** ‘о быстром, стремительном

беге'. Контекстные иллюстрации: *Непогашенные, жарили прожектора да фонари, и в их жару обжигались поделки барачков, заборов, вышек* (О. Павлов. Дело Матюшина). *Сильные бои тут были, финны из минометов жарили* (В. Аксенов. Коллеги). *Второй мужик, в темных очках, стоял, упершись коленками в переборку, и жарил на обшарпанном немецком аккордеоне с залатанными мехами* (В. Скворцов. Сингапурский квартет). *Специализация! Кооперация! Вот основные задачи!* – воскликнул он и сам испугался и удивился: *«Лозунгами пошел жарить!»* (Г. Николаева. Битва в пути). *Выпрыгнув в окно и не найдя «Рено», Юрий Петрович помчался к себе на дачу так, будто ему кто пятки жарил* (Л. Ванеева. Горькое врачество).

5. Нагревание продукта до высокой температуры в печи, на сковороде, на открытом огне в процессе жарки образно ассоциируется с влиянием негативных социальных обстоятельств на человека, нахождением в трудных, напряженных жизненных ситуациях.

Лексические репрезентанты – языковая метафора *жарить* 'подвергать испытаниям, лишениям, доставлять неприятности', пословица *пока жареный петух не клюнет* 'пока не случится неприятность. Говорится в ситуации, когда какие-л. действия или решения откладываются на неопределенный срок'. Контекстные иллюстрации: *Чего-чего только у него в жизни не было, как его ни жарили и чем только он ни занимался. А сейчас они с женой держат детский дом на Маросейке* (Ф. Светов. Чижик-пыжик). *К тому же наше руководство особо восприимчиво к откровенной «лапше», которую представители экономического блока могут ему вешать на уши. Грубо говоря, пока жареный петух не клюнет, можно нести разную пургу, пользуясь всеми преимуществами своего положения, а реальность всплывает всегда неожиданно («Военное обозрение»).*

6. Нагревание продукта до высокой температуры в печи, на сковороде, на открытом огне в процессе жарки образно ассоциируется с напряженной, скандальной, провокационной социальной ситуацией.

Фразеологические репрезентанты – *жареные факты* ‘сведения скандального, сенсационного характера, публикуемые в средствах массовой информации’, *запахло жареным* ‘о крайне напряженной, неблагоприятной для кого-л. ситуации, которая впоследствии может привести к серьезным неприятностям, большим потерям’. Контекстные иллюстрации: *Оставайтесь действительно научным журналом, без развлекухи, желтизны и «жареных» материалов* («Наука и жизнь»). *Дело запахло жареным, и было ясно, что чем скорее Судобов уедет из Нижнего, тем для него будет лучше* (В. Шаров. Воскрешение Лазаря).

7. Высокие вкусовые качества жареных блюд и продуктов, вызывающих аппетит, образно ассоциируются с привлекательными товарами, пользующимися высоким покупательским спросом; с интересной информацией, пользующейся популярностью у читателей, зрителей, слушателей.

Фразеологический репрезентант – *как жареные пирожки разобрать* ‘о товарах, которые пользуются большим покупательским спросом, быстро распродаются’. Контекстная иллюстрация: *Только теперь уже не грандиозно-противоракетное, а небольшие, аппетитные радиоштучки, которые пойдут, как жареные пирожки* («Знание – сила»).

Формулировки типовых образных представлений служат своеобразным итогом концептуального анализа семантики образных слов и выражений, объединенных общим мотивирующим компонентом. Лексикографическое толкование типовых образных представлений демонстрирует реализацию частных метафорических моделей, восходящих к базовой метафорической модели «Нечто – это Еда», и основания метафорических проекций из концептуальной сферы «Еда» в другие концептуальные области посредством экспликации оснований ассоциативно-образных уподоблений.

Совокупность образных представлений, включенных в презентацию лексико-фразеологических гнезд, демонстрирует систему метафорических образов, свойственных русской лингвокультуре. Одно представление может

транслироваться как одним, так и несколькими образными словами или выражениями с мотивирующей кулинарной семантикой. Типовые образные представления отражают фрагмент языковой картины мира, воплощенный в пищевой метафоре.

3.6 Информационное сопровождение (навигация по словарю)

Основной текст словаря, выстроенный в соответствии с его макро- и микроструктурой, сопровождаются дополнительными информационно-справочными разделами: «Предисловие», «Введение», «Материалы и источники словаря», «Список условных сокращений», «Список источников иллюстративного материала», «Алфавитный указатель». В них дается информация, необходимая для пользователей-читателей, которая призвана эффективно организовать работу со словарем. В «Предисловии» и «Введении» раскрывается концепция «Словаря русской пищевой метафоры». В этих разделах осмысливается проблема комплексного описания образной лексики и фразеологии русского языка, мотивированной наименованиями гастрономической сферы, освещаются способы и приемы лексикографической параметризации вторичных метафорических номинаций, обосновывается макро- и микроструктура словаря.

В разделах «Структура словаря», «Структура словарной статьи» и «Изыяснение культурного фона» дано краткое описание принципов построения словарной статьи лексико-фразеологического гнезда и отдельной образной единицы, которое представляет собой инструкцию к словарю, адресованную читателям, которые могут быть как лингвистами-профессионалами, так и неспециалистами, проявляющими интерес к русскому языку и культуре. Такой свод правил демонстрирует читателю, как пользоваться словарем, какую информацию можно в нем найти и как правильно ее извлечь.

Важное практическое и теоретическое значение имеют такие дополнительные разделы, как «Материалы и источники словаря», «Список

источников иллюстративного материала». Раздел «Материалы и источники словаря» («Источники лингвокультурологических комментариев», «Электронные ресурсы») репрезентирует связь «Словаря русской пищевой метафоры» с опубликованными словарями различного типа, которые являются источниками лексикографического материала и информации культурологического характера. Список источников лингвокультурологических материалов подтверждает то, что представленная в ЛКК информация культурологического характера достоверна.

Раздел «Список источников иллюстративного материала» включает подразделы «Литературные произведения», «Периодические издания: газеты, журналы, официальные сайты». Он дается после основной части словаря. Эти информационные материалы подтверждают актуальность и востребованность пищевой метафоры в современном дискурсе и «метафоропорождающий потенциал гастрономической сферы» [Словарь русской пищевой метафоры, Т. 1, 2015, с. 8]. Образные лексические и фразеологические единицы, воплощающие пищевой код культуры, функционируют в художественном, публицистическом и интернет-дискурсах.

Перед основной словарной частью приводится «Список условных сокращений». Он необходим для дальнейшей работы со словарными статьями. Список включает условные сокращения грамматических, структурно-семантических, стилевых, функционально-стилистических, эмоционально-оценочных, экспрессивных помет.

Неотъемлемой частью словаря, составленного по тематическому и гнездовому принципам, является алфавитный указатель всех образных единиц, описанных в словаре. Такой список включен в каждый том «Словаря русской пищевой метафоры» и необходим для того, чтобы продемонстрировать, какие единицы описаны в словаре (их состав и количество) и указать на конкретное слово или выражение. В данном списке по алфавиту располагаются заглавные единицы лексико-фразеологических гнезд, за исходным мотивирующим наименованием в алфавитном порядке перечислена образная лексика и

фразеология, составляющая образную парадигму. Рядом с вторичным образным наименованием приводится номер страницы, на которой располагается соответствующая словарная статья.

Например, в алфавитном указателе лексические единицы «каша» и «квас» следуют друг за другом, но в самом словаре лексико-фразеологические гнезда **КАША** и **КВАС** располагаются в разных тематических группах «Зерновые продукты, мучные и крупяные изделия» и «Напитки» соответственно (на что указывает номер страницы): **каша** 48, заварить кашу 49, каша в голове 49, каша во рту 49, каша во рту стынет 49, каши не сварить 49, кашу / каши маслом не испортить 50, мало каши ел 49, на манной каше 42, однокашник 50, полезть, как каша из волшебного горшка 50, просить каши 50, расхлёбывать кашу 50, сварить кашу из топора 50; **квас** 338, бродить, как квас 338, квасной патриотизм 339, перебиваться / жить / мыкаться с хлеба / воды на квас 338, сидеть на квасе и хлебе 338.

Информационное сопровождение «Словаря русской пищевой метафоры» предназначено для пользователя-читателя словаря. Эти разделы позволяют донести до читателя реализованную концепцию словаря и прояснить позицию авторов по принципиальным вопросам научно-практического характера в области семантики и лексикографии. «Предисловие» и «Введение» «Словаря русской пищевой метафоры», как и сам словарь, могут служить источником для дальнейших научных исследований, а реализованные способы и приемы описания вторичных образных номинаций образцом при создании новых словарей в рамках фигуративной лексикографии.

Выводы по главе 3

1. Структурная схема словарной статьи включает 5 зон: зона заглавного слова, зона толкования, зона помет, зона иллюстраций, интерпретационная зона. Эта схема применяется при составлении словарных статей исходных

мотивирующих наименований и образных слов и выражений для гнездового «Словаря русской пищевой метафоры» и словарных статей вторичных образных номинаций для идеографического словаря «Мир в зеркале пищевой метафоры».

2. Общим правилом при толковании семантики образных слов и выражений является избегание метафорических элементов в словарных дефинициях. Специфику толкования обуславливает структурно-семантическая разновидность образного средства языка. При словарном описании семантики языковых метафор и собственно образных слов используется развернутое описательное толкование, которое включает семантический конкретизатор и семантический компонент, указывающий на частеречную отнесенность толкуемой единицы. Значения устойчивых и авторских сравнений толкуются посредством указания на денотат при помощи синтаксической конструкции в предложном падеже с предлогом «о», признаки денотата, получившие образное воплощение через аналогию с явлением гастрономической сферы. Толкования фразеологических единиц, пословиц и поговорок представляют собой развернутое описание семантики образного выражения, в котором изъясняется ситуация и ее участники.

3. Семантика образных слов и выражений, мотивированных наименованиями гастрономической сферы, включает культурную коннотацию. Одним из способов ее экспликации при словарном описании является лингвокультурологический комментарий. Он представляет собой связный цельный текст, описывающий историческое и современное бытование объекта гастрономической сферы, его символизацию и метафоризацию.

4. Формулировки типовых образных представлений отражают фрагмент концептуальной системы мира, транслируемой образными словами и выражениями с мотивирующей кулинарной семантикой. Одно типовое образное представление может быть вербализовано серией образных средств языка, но одна вторичная образная номинация транслирует одно типовое образное представление. При выявлении типовых образных представлений анализируется

семантика образной языковой единицы, исходный мотивирующий образ, денотат метафорической номинации и основание их образного уподобления.

Заключение

Проведенное диссертационное исследование показало, что современные словари ориентируются на описание не только собственно лингвистической семантики толкуемых единиц, но и презентацию фоновых знаний, закрепленных за языковыми единицами: образных, символических, экспрессивных, культурных коннотаций, разного рода ассоциаций и социокультурных стереотипов. В них представлено многоаспектное описание образных средств русского языка и русской речи. С этой целью осуществляется разработка способов оптимальной подачи этой информации; моделирования такой макро- и микроструктуры словаря, которая позволяет полно, точно и лаконично описать языковой материал, а в ряде случаев – представить системность описываемого фрагмента лексико-фразеологической системы.

Анализ существующего опыта составления словарей образных слов и выражений русского языка, а также наметившихся тенденций в области их создания, демонстрирует теоретические основы, практические приемы и принципы фигуративной лексикографии как самостоятельного направления в теории и практике словарного дела. Выделение фигуративной лексикографии в особое направление обусловлено спецификой объекта лексикографирования, характерные признаки которого (двуплановость метафорической семантики, экспрессивность, прагматическая и культурная маркированность) предполагают особые способы и приемы словарного описания, специфическую подачу этих средств языка на уровне макро- и микроструктуры словаря.

На основании систематизации и обобщения опыта составления словарей образных лексических и фразеологических единиц было выделено 7 принципов фигуративной лексикографии. В полной мере они реализуются в концептоориентированных словарях лингвокультурологического типа. Такие словари описывают вторичные образные номинации как системное языковое явление. Макроструктура концептоориентированных словарей

лингвокультурологического типа репрезентирует концептуальную систему мира, их микроструктура отражает семантическую, культурологическую и символическую характеристику толкуемой языковой единицы.

Специфика концептоориентированного словаря лингвокультурологического типа на уровне макроструктуры проявляется в системной (парадигматической), тематической и / или гнездовой организации лексикографируемых образных единиц языка. Реконструкция концептуальной сферы-источника метафорических проекций предполагает систематизацию образных слов и выражений по тематическим группам, соответствующим классам явлений исходной понятийной области. Реконструкция картины мира, получившей образное обозначение в языке посредством пищевой метафоры, отражается в синоптической схеме идеографического словаря, а материал распределяется по тематическим группам, соответствующим классам явлений, относящихся к результирующим сферам-мишеням.

В результате проведенного исследования подробно охарактеризована макроструктура «Словаря русской пищевой метафоры», разработанная с опорой на принцип целостности и системности описываемого фрагмента образного строя русского языка. Она отражает концептуализацию понятийной сферы «Еда», репрезентированную образными средствами языка. Также описана макроструктура идеографического словаря «Мир в зеркале пищевой метафоры», которая организована с опорой на синоптическую схему, отражающую классификацию явлений внеязыковой действительности, образно поименованных посредством пищевой метафоры.

На уровне микроструктуры специфика словаря образных слов и выражений отражается в структуре словарной статьи, способах и приемах толкования вторичных образных номинаций и экспликации культурной коннотации. В «Словаре русской пищевой метафоры» структурная схема словарной статьи включает 5 зон, организованных таким образом, чтобы продемонстрировать различные аспекты семантики вторичных образных номинаций. Толкование

образных единиц языка с мотивирующей кулинарной семантикой осуществляется с учетом структурно-семантического типа образного средства языка и представляет собой развернутое словарное описание значения. Ассоциативно-образный компонент семантики лексикографируемых единиц эксплицируется с помощью толкования исходного мотивирующего наименования, которое не входит в дефиницию образного языкового средства. Принцип экспликации закрепленных за образными словами и выражениями экспрессивных и эмотивных коннотаций реализуется с помощью лексических компонентов словарной дефиниции и системы помет, представленных в словарной статье отдельной толкуемой единицы.

Словарные статьи, описывающие образные слова и выражения в гнездовом словаре, объединяются в лексико-фразеологические гнезда с целью демонстрации общности исходного мотивирующего образа, его метафорического и символического функционирования. В идеографическом словаре – объединяются в образные ряды наименований однотипных категориальных классов явлений.

Фигуративная лексикография опирается на результаты исследований образных слов и выражений, выполненных в таких актуальных направлениях лингвистики, как лингвокультурология, когнитивная семантика, концептология. Создание словарей в соответствии с разработанными принципами позволяет системно описать фрагменты образного строя русского языка; выявить механизмы процесса метафоризации; эксплицировать культурный фон языковых единиц (социокультурные стереотипы, ассоциации, символические и экспрессивные коннотации); реконструировать образный фрагмент языковой картины мира.

Ближайшие перспективы исследования лексикографической параметризации образного строя языка связаны с дальнейшей разработкой методологии составления словарей образных слов и выражений, опирающейся на когнитивный и лингвокультурологический подходы к изучению языковых единиц. Актуальным представляется составление концептоориентированных словарей лингвокультурологического типа, описывающих другие фрагменты образной

системы языка по предложенной модели. Также перспективным является создание электронных баз данных вторичных образных номинаций и конвертация уже существующих книжных словарей образных слов и выражений в электронные.

Список сокращений

ВФ – внутренняя форма

ЛКК – лингвокультурологический комментарий

СО – собственно образное слово

ФЕ – фразеологическая единица

ЯМ – языковая метафора

Список использованных источников и литературы

Источники

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеологический словарь : Культурно-познавательное пространство русской идиоматики / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. – М. : Элпис, 2008. – 472 с.
2. Андреева И. В. Русская деревня – XX век : Культурологический словарь / И. В. Андреева, Н. В. Баско. – М. : Наука : Флинта, 2003. – 184 с.
3. Баранов А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М. : Помовский и партнеры, 1994. – 330 с.
4. Бирих А. К. Словарь фразеологических синонимов русского языка / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – М. : АСТ-Пресс книга, 2009. – 448 с.
5. Бирюкова С. К. Словарь культуроведческой лексики русской классической литературы / С. К. Бирюкова. – СПб. : Просвещение, 2003. – 350 с.
6. Блинова О. И. Словарь образных слов русского языка / О. И. Блинова, Е. А. Юрина. – Томск : UFO-Plus, 2007. – 364 с.
7. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 2008. – 1535 с.
8. Большой фразеологический словарь русского языка : Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ – Пресс книга, 2009. – 784 с.
9. Быстрова Е. А. Фразеологический словарь русского языка : ок. 1500 фразеологизмов / Е. А. Быстрова, Н. М. Шанский; под ред. Е. А. Быстровой. – М. : АСТ : Хранитель, 2007. – 380 с.
10. Гудков Д. Б. Телесный код русской культуры : материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 288 с.
11. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000. – Т. 1: А–О. – 1209 с.

12. Жуков А. В. Современный фразеологический словарь русского языка / А. В. Жуков, М. Е. Жукова. – М. : АСТ-Пресс, 2009. – 443 с.
13. Жуков А. В. Словарь современной русской фразеологии / А. В. Жуков, М. Е. Жукова. – М. : АСТ-Пресс, 2015. – 416 с.
14. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М. : Рус. яз., 2000. – 544 с.
15. Зимин В. И. Пословицы и поговорки русского языка : Большой объяснительный словарь / В. И. Зимин, А. С. Спиринов. – Ростов н/Д.; М. : Феникс : Цитадель-трейд, 2006. – 544 с.
16. Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений / В. И. Зимин. – М. : АСТ-Пресс, 2008. – 729 с.
17. Иванова Н. Н. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.) : Более 4500 образных слов и выражений / Н. Н. Иванова, О. Е. Иванова. – М. : АСТ : Астрель : Русские словари: Транзиткнига, 2004. – 666 с.
18. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) : проспект словаря / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 340 с.
19. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. Я. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
20. Мелерович А. М. Фразеологизмы в русской речи : словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М. : Русские словари, 1997. – 864 с.
21. Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. – М. : Большая рос. энциклопедия, 2003. – Т 1. – 672 с.
22. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое : Опыт русской фразеологии : сб. образных слов и иносказаний / М. И. Михельсон. – СПб., 1912. – 1046 с.
23. Мокиенко В. М. Большой словарь русских пословиц : ок. 70 000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева; под ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.

24. Мокиенко В. М. Большой словарь русских сравнений : Более 45 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; под ред. В. М. Мокиенко. – М. : Олма Медиа Групп, 2008. – 800 с.

25. Мокиенко В. М. Словарь фразеологических синонимов русского языка / В. М. Мокиенко. – Ростов н/Д : Феникс, 1997. – 349 с.

26. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2003–2016. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 06.04.2017).

27. Новый словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. – М. : Рус. яз., 1998. – 1210 с.

28. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический) / В. М. Огольцев. – М. : Русские словари : Астрель : АСТ, 2001. – 800 с.

29. Опыт диалектного гнездового словообразовательного словаря / под ред. Е. М. Пантелеевой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1992. – 236 с.

30. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов : в 2-х т. / Н. В. Павлович. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – Т. 1. – 848 с.

31. Похлёбкин В. В. Словарь международной символики и эмблематики / В. В. Похлёбкин. – М. : Международные отношения, 1994. – 559 с.

32. Похлёбкин В. В. Кулинарный словарь / В. В. Похлёбкин. – М. : Центрполиграф, 2002а. – 502 с.

33. Руднев В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 1997. – 422 с.

34. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов / под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. – 926 с.

35. Русские фразеологизмы: лингвострановедческий словарь / под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. – М. : Рус. яз., 1990. – 222 с.

36. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2004. – Вып. 1 – 318 с.
37. Словарь образных выражений русского языка / под ред. В. Н. Телия. – М. : Отечество, 1995. – 368 с.
38. Словарь образных единиц сибирского говора / авт.-сост. О. И. Блинова, М. А. Толстова, Е. А. Юрина; под ред. О. И. Блиновой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. – 220с.
39. Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О. И. Блиновой. – Томск : НТЛ, 1998. – 208 с.
40. Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О. И. Блиновой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. – 312 с.
41. Словарь русского языка : в 4 т. / под. ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд. стереотип. – М. : Рус. яз., 1999. – Т. 1: А-Й. – 698 с.
42. Словарь русского языка : в 4 т. / под. ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд. стереотип. – М. : Рус. яз., 1999. – Т. 2: К-О. – 736 с.
43. Словарь русского языка : в 4 т. / под. ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд. стереотип. – М. : Рус. яз., 1999. – Т. 3: П-Р. – 749 с.
44. Словарь русского языка : в 4 т. / под. ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд. стереотип. – М. : Рус. яз., 1999. – Т. 4: С-Я. – 795 с.
45. Словарь русской пищевой метафоры / сост. А. В. Боровкова, М. В Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина; под ред. Е. А. Юриной. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. – Т. 1: Блюда и продукты питания. – 428 с.
46. Словарь русской пищевой метафоры / сост. А. В. Боровкова, М. В Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина; под ред. Е. А. Юриной. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. – Т. 2: Гастрономическая деятельность. – 556 с.
47. Степанов Ю. С. Константы : Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 2001. – 989 с.
48. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Астрель : АСТ, 2000. – Т. 1. – 848 с.

49. Универсальный фразеологический словарь русского языка / под ред. Т. Волковой. – М. : Вече, 2000. – 464 с.
50. Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН; А. Н. Баранов, М. М. Вознесенская, Д. О. Добровольский и др.; под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. – М. : Эксмо, 2009. – 704 с.
51. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв: в 2 т. / сост. А. И. Федоров. – Новосибирск : Наука, 1995. – Т.1. – 632 с.
52. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв: в 2 т. / сост. А. И. Федоров. – Новосибирск : Наука, 1995. – Т.2. – 598 с.
53. Фразеологический словарь русского языка / под. ред. А. И. Молоткова. – 3-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1978. – 543 с.
54. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова; под ред. А. Н. Тихонова. – М. : Флинта : Наука, 2004. – Т. 1. – 832 с.
55. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова; под ред. А. Н. Тихонова. – М. : Флинта : Наука, 2004. – Т. 2. – 832 с.
56. Фразеологический словарь. – Сер. Энциклопедия русского языка. – М.: Мир книги, 2003. – 384 с.

Литература

57. Азнаурова Э. С. Очерки по стилистике слова / Э. С. Азнаурова. – Ташкент : Изд-во «ФАН» Узбекской ССР, 1973. – 406 с.
58. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Academia, 2002. – 394 с.
59. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и паремиология / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. – М. : Флинта: Наука, 2009. – 344 с.

60. Аникин В. П. Поговорка // Словарь литературоведческих терминов / под ред. Л. И. Тимофеева, С. В. Тураева. – М., 1974. – С.272.
61. Ансимова О. К. Лексикографическая интерпретация лингвокультурных единиц: модель словаря лингвокультурной грамотности (для изучающих русский язык как иностранный/неродной): дис. ... канд. филол. наук / О. К. Ансимова. – Новосибирск, 2013. – 199 с.
62. Античные теории языка и стиля / С. Меликова-Толстая, И. Троцкий. – Изд-во «Алетейя», 1996. – 363 с.
63. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т.2. – 767 с.
64. Аристотель. Поэтика. Риторика / Аристотель [пер. с греч. В. Аппельрота, Н. Платоновой]. – СПб. : Азбука, 2000. – 346 с.
65. Арутюнов С. А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России / С. А. Арутюнов // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. – М. : Наука, 2001. – С. 10–18.
66. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
67. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–32.
68. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 893 с.
69. Байбурин А. К. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. – Л. : Наука, 1990. – С. 3–17.
70. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – СПб. : Наука, 1993. – 239 с.

71. Балдова А. В. Миромоделирующая и аксиологическая функции пищевой метафоры в русском языке: дис. ... канд. филол. наук / А. В. Балдова. – Томск, 2016. – 230 с.
72. Балли Ш. Французская стилистика: Пер с фр. / под ред. Е. Г. Эткинда. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009. – 384 с.
73. Банкова Т. Б. Кулинарный код сибирских семейных обрядов: объективации в языке / Т. Б. Банкова // Сибирский филологический журнал. – 2008. – № 4. – С. 128–138.
74. Баранов А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Русская политическая метафора (материалы к словарю) / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М., 1991. – С. 184–193.
75. Баранов А. Н. Предисловие // Фразеологический объяснительный словарь русского языка / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Эксмо, 2009. – С. 5–15.
76. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
77. Барт Р. Основы семиологии / Р. Барт // Структурализм «за» и «против». – М. : Прогресс, 1975. – С. 114–163.
78. Белякова С. М. Диалектный идеографический словарь: принципы составления и специфика / С. М. Белякова // Русские говоры Сибири. Лексикография. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. – С. 22–25.
79. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Ю. С. Степанов. – М. : Прогресс-Универс, 1995. – 456 с.
80. Блинова О. И. Образность как категория лексикологии / О. И. Блинова // Экспрессивность лексики и фразеологии. – Новосибирск, 1983. – С. 3–11.
81. Блинова О. И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект / О. И. Блинова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. – 192 с.
82. Блинова О. И. Источниковедческие возможности мотивационных словарей / О. И. Блинова // Вопросы языкознания. – 1986. – № 5. – С. 125–131.

83. Блинова О. И. Образное слово в толковом словаре / О. И. Блинова // Актуальные проблемы разработки нового академического словаря русского языка. – Л., 1990. – С. 115–117.
84. Блинова О. И. Вместо предисловия. Введение / О. И. Блинова // Словарь образных слов и выражений народного говора. – Томск, 1997. – С. 3–27.
85. Блинова О. И. Лексикографический метод и сферы его применения в диалектологических исследованиях / О. И. Блинова // Язык и культура в Евразийском пространстве: Сб. науч. ст. XVI Междунар. науч. конф. Томск, 16–20 апреля 2003 г. – Томск, 2003. – Раздел I. – С. 110–117.
86. Блинова О. И. Образная лексика русского языка / О. И. Блинова, Е. А. Юрина // Язык и культура. – Томск, 2008. – № 1. – С. 5–13.
87. Блинова О. И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект / О. И. Блинова. – М. : Книжный дом «Либроком», 2010. – 208 с.
88. Блинова О. И. Теория – словарь – теория – словарь... / О. И. Блинова // Вопросы лексикографии. – Томск, 2012. – № 1. – С. 6–26.
89. Бобунова М. А. Русская лексикография XXI века: учеб. пособие / М. А. Бобунова. – М. : Флинта: Наука, 2009. – 200 с.
90. Боровкова (Балдова) А. В. Метафоризация наименований растительной пищи в русском языке: семасиологический и когнитивный аспекты / А. В. Боровкова (Балдова) // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 383. – С. 21–26.
91. Будаев Э. В. Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2008. – № 26. – С. 37–48.
92. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М., 1963. – 255 с.
93. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. Избранные труды / В. Г. Костомаров. – М. : Наука, 1977. – 312 с.

94. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
95. Гавар М. Э. Лексикографический метод и его применение в исследовании диалектной синонимии / М. Э. Гавар // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 384. – С. 11–17.
96. Гак В. Г. Беседы о французском слове / В. Г. Гак. – М., 1966. – 101 с.
97. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С. 11–26.
98. Гафарова Г. В. Когнитивные аспекты лексической системы языка / Г. В. Гафарова, Т. А. Кильдибекова. – Уфа, 1998. – 182 с.
99. Гончарова Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания / Н. Н. Гончарова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 396–405.
100. Грекова М. В. Культурологический комментарий в «Словаре русской кулинарной метафоры» (на материале тематической группы «Молочные продукты») / М. В. Грекова, Е. А. Юрина // Язык и культура. – 2014. – № 4. – С. 126–143.
101. Грекова М. В. Структура словарной статьи в «Словаре русской пищевой метафоры» (на материале тематической группы «Изделия из теста») / М. В. Грекова // Лексикология. Лексикография: материалы секций XLIV Междунар. филол. конф. Санкт-Петербург, 10–15 марта 2015 г. – СПб, 2015. – С. 12–19.
102. Грекова М. В. Гнездовой принцип подачи материала в «Словаре русской пищевой метафоры» / М. В. Грекова // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: сб. материалов I (XVI) Междунар. конф. молодых ученых. Томск, 03–05 апреля, 2014 г. – Томск, 2015. – С. 95–100.
103. Грекова М. В. Фигуративная лексикография и ее место в современной русистике / М. В. Грекова // Вопросы лексикографии. – Томск, 2016. – №2 (10). – С. 18–40.

104. Грекова М. В. Способы лексикографической презентации пословиц и поговорок в «Словаре русской пищевой метафоры» / М. В. Грекова // Пушкинские чтения-2017. Художественные стратегии классической и научной словесности : жанр, автор, текст : материалы XXII Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 06–07 июня 2017 г. – СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. – С. 332–342.

105. Григорьев И. Р. Слово – образ – денотат: К проблеме перифразы / И. Р. Григорьев // Н.А. Некрасов и русская литература. – Кострома, 1971. – С. 122–125.

106. Гудков Д. Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 285 с.

107. Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания / П. Н. Денисов. – М., 1980. – 254 с.

108. Дубичинский В. В. Лексикография русского языка / В. В. Дубичинский. – М. : Наука : Флинта, 2009. – 432 с.

109. Ефимов А. И. Образная речь художественного произведения / А. И. Ефимов // Вопросы литературы. – 1959. – №8. – С. 91–108.

110. Живаго Н. А. Лексикографический формат метафорического описания поглощения пищи / Н. А. Живаго // Язык и репрезентация культурных кодов: сб. материалов V Междунар. науч. конф. молодых ученых. Самара, 15–16 мая 2015 г. – Самара, 2015. – С. 26–29.

111. Жуков А. В. В.П. Жуков и его «Словарь русских пословиц и поговорок» // Русская речь. – 2016. – №6 – С. 84–89.

112. Жуков В. П. Предисловие / В. П. Жуков // Словарь русских пословиц и поговорок. – 7-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2000. – С. 9–21.

113. Жуков В. П. Русская фразеология: учеб. пособие. / В. П. Жуков, А. В. Жуков. – М. : Высшая школа, 2006. – 408 с.

114. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие / Е. А. Земская. – 7-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 328 с.

115. Иванищева О. Н. Введение / О. Н. Иванищева // Словарь лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов (на

материале кильдинского диалекта саамского языка). – М.-Берлин : Директ-Медиа, 2015. – С. 3–29.

116. Ильенко С. Г. Интертекстуальность на страницах толковых словарей советского периода в свете контекстуального принципа / акад. В.В. Виноградова / С. Г. Ильенко // Междунар. юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова : Тезисы докладов. – М., 1995. – С. 78–80.

117. Илюхина Н. А. Образ в лексико-семантическом аспекте / Н. А. Илюхина. – Самара : Изд-во Самар. ун-та, 1998. – 204 с.

118. Илюхина Н. А. Образ как объект и модель семасиологического анализа»: дис. ... д-ра. филол. наук / Н. А. Илюхина. – Уфа, 1999. – 417 с.

119. Илюхина Н. А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации : монография / Н. А. Илюхина. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 320 с.

120. Кабакова С. В. Образное основание идиом (психолингвокультурологические аспекты): дис. ... канд. филол. наук / С. В. Кабакова. – М., 1999. – 120 с.

121. Казакова Н. Н. Лексическая образность по данным психолингвистического эксперимента: дис. ... канд. филол. наук / Н. Н. Казакова. – Томск, 2014. – 257 с.

122. Капелюшник Е. В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка: дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Капелюшник. – Томск, 2012. – 199 с.

123. Карасик В. И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

124. Караулов Ю. Н. Об одной тенденции в современной лексикографической практике / Ю. Н. Караулов // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. – М., 1981. – С. 135–152.

125. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография / С. Г. Бархударов. – М. : Книжный дом «Либроком», 2010. – 360 с.

126. Квятковский А. П. Поэтический словарь / науч. ред. И. Роднянская. – М. : Сов. энциклопедия, 1966. – 376 с.

127. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М. : Книжный дом «Либроком», 2013. – 456 с.
128. Ковшова М. Л. Вероника Николаевна Телия [Электронный ресурс] // Фразеологический семинар проф. В.М. Мокиенко. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2011. – URL: <http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/telia.htm> (дата обращения: 30.05.2017).
129. Кодухов В. И. Общее языкознание / В. И. Кодухов. – М. : Книжный дом «Либроком», 2012. – 304 с.
130. Козырев В. А. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. – СПб. : Изд. РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. – 356 с.
131. Козырев В. А. Русская лексикография: пособие для вузов / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. – М. : Дрофа, 2004. – 288 с.
132. Козырев В. А. Современные ориентации отечественной лексикографии / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вопросы лексикографии. – 2014. – № 1 (5). – С. 5–15.
133. Коралова А. Л. Семантическая природа образных средств в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Л. Коралова. – М., 1975. – 29 с.
134. Красных В. В. Теоретические положения. Принципы описания / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И В. Захаренко // Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. – М. : Гнозис, 2004. – Вып. 1. – С. 7–54.
135. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Изд-во филол. ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
136. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С.6–17.
137. Кулева А. С. Из опыта работы над «Словарем языка русской поэзии XX века» / А. С. Кулева, Л. Л. Шестакова // Языки в современном мире: материалы IX Междунар. конф. Томск, 23–25 мая, 2010 г. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – С. 19–20.

138. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387–415.
139. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи : Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
140. Леви-Строс К. Мифологии. Происхождение застольных обычаев / Е. О. Пучкова. – М., СПб. : Университетская книга, 2000. – 461 с.
141. Леви-Строс К. Мифологии: Сырое и приготовленное / Е. О. Пучкова. – М. : Изд-й дом «Флюид», 2006. – 399 с.
142. Леденёва В. В. Лексикография современного русского языка. Практикум: учеб. пособие / В. В. Леденёва. – М. : Высшая школа, 2008. – 648 с.
143. Лексикография русского языка / О. В. Васильева, Е. В. Генералова, А. С. Герд и др. / под ред. Д. М. Поцепни. – СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2013. – 704 с.
144. Лукьянова Н. А. Словарь экспрессивной лексики говоров Новосибирской области (принципы составления словаря) / Н. А. Лукьянова // Лексика и фразеология языков народов Сибири : [сб. науч. тр.]. – Новосибирск, 1984. – С. 48–58.
145. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления как специфический объект лексикологии и лексикографии / Н. А. Лукьянова, Т. А. Трипольская // Экспрессивность на разных уровнях языка: межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 1984. – С. 114–130.
146. Лукьянова Н. А. Образность как характеристика значения слова / Н. А. Лукьянова, М. И. Черемисина // Синтаксическая и лексическая семантика. – Новосибирск, 1986. – С. 258–265.
147. Лукьянова Н. А. Современный русский язык : Лексикология. Фразеология. Лексикография : учеб.-метод. пособие / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск, 2003. – 144 с.

148. Лукьянова Н. А. Экспрессивность : о традициях и новациях / Н. А. Лукьянова // Антропотекст-1 : Сб. статей. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. – С. 20–41.
149. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры / Э. МакКормак // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 358–386.
150. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
151. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. – М. : Изд-й центр «Академия», 2010. – 208 с.
152. Мезенин С. М. Образность как лингвистическая категория / С. М. Мезенин // Вопросы языкознания. – 1983. – №6. – С. 48–57.
153. Метафора в языке и тексте / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1988. – 176 с.
154. Мишанкина Н. А. Метафора в науке: парадокс или норма? / Н. А. Мишанкина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. – 282 с.
155. Мокиенко В. М. К читателю // Словарь фразеологических синонимов русского языка / под ред. В. М. Мокиенко. – М. : АСТ-Пресс книга, 2009. – С. 3–15.
156. Молчанова А. Н. О переносно-образных значениях слов / А. Н. Молчанова // Аспекты лексического значения : сб. науч. тр. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1982. – С. 23–29.
157. Морковкин В. В. Идеографические словари / В. В. Морковкин. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1970. – 72 с.
158. Морковкин В. В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени) / Л. А. Новиков. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1970. – 166 с.
159. Морковкин В. В. Основы стимулирующей типологии словарей / В. В. Морковкин // Современное состояние и тенденции отечественной лексикографии. – М., 1983. – С. 130–132.

160. Морковкин В. В. О базовом лексикографическом знании / В. В. Морковкин // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному. – М., 1986. – С. 102–117.

161. Морковкин В. В. Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» / В. В. Морковкин // Вопросы языкознания. – 1987. – №6. – С. 33–42.

162. Никитин О. В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари) / О. В. Никитин. – Славянск н/Кубань : Изд-й центр филиала КубГУ в г. Славянск-на-Кубани, 2012. – 232 с.

163. Общее языкознание. Методы лингвистических исследований / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М., 1973. – 318 с.

164. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии / В. М. Огольцев. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. – 159 с.

165. Опарина Е. О. Концептуальная метафора / Е. О. Опарина // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 65–78.

166. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 2002. – 189 с.

167. Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – 250 с.

168. Потебня А. А. Эстетика и поэтика / М. Ф. Овсянников. – М. : Искусство, 1976. – 614 с.

169. Потебня А. А. Теоретическая поэтика : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / А. Б. Муратова. – 2-е изд., испр. – СПб. : Филол. ф-т СПбГУ; М. : Изд-й центр «Академия», 2003. – 384 с.

170. Похлёбкин В. В. Занимательная кулинария / В. В. Похлёбкин. – М. : Лёгкая и пищевая промышленность, 1983. – 128 с.

171. Похлёбкин В. В. История важнейших пищевых продуктов / В. В. Похлёбкин. – М. : Центрполиграф, 2001. – 552 с.

172. Похлёбкин В. В. Из истории русской кулинарной культуры / В. В. Похлёбкин. – М. : Центрполиграф, 2002б. – 538 с.

173. Похлёбкин В. В. Национальные кухни наших народов / В. В. Похлёбкин. – М. : Центрполиграф, 2002в. – 638 с.

174. Поцепня Д. М. Лексикография как раздел науки о языке / Д. М. Поцепня // Лексикография русского языка. – СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2013. – С. 5–95.

175. Пятаева Н. В. От лексического гнезда к генетической парадигме : к проблеме динамического описания лексической системы языка / Н. В. Пятаева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – №11. – С. 115–121.

176. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен : семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М. : Русские словари, 2000. – 416 с.

177. Резанова З. И. Метафорическое моделирование концептосферы / З. И. Резанова // Язык в поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты. – Томск, 2001. – С. 121–124.

178. Резанова З. И. Концептуальные метафорические модели «человек это мир» и «мир это человек» : к проблеме обратимости (на материале сибирских русских народных говоров) / З. И. Резанова // Актуальные проблемы русистики. – Томск, 2006. – Вып. 3 : Языковые аспекты регионального существования человека. – С. 287–295.

179. Резанова З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира : идеи, методы, решения / З. И. Резанова // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. – 2010. – № 1 (9). – С. 26–43.

180. Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова, В. Н. Телия. – М. : Наука, 1988. – 216 с.

181. Русские: монография / И. В. Власова и др.; под ред. В. А. Александрова, И. В. Власова, Н. С. Полищук. – М. : Наука, 2005. – 827 с.

182. Складьяревская Г. Н. Языковая метафора в толковом словаре : Проблемы семантики / Г. Н. Складьяревская. – М. : Препринт АН СССР. Ин-т рус. яз., 1988. – 58 с.

183. Складьяревская Г. Н. Языковая метафора как объект лексикологии и лексикографии: дис. ... д-ра филол. наук / Г. Н. Складьяревская. – Л., 1989. – 430 с.
184. Складьяревская Г. Н. Новый академический словарь: объект, типологические признаки, место в системе русской лексикографии / Г. Н. Складьяревская // Очередные задачи русской лексикографии. – СПб, 1995. – С. 15–23.
185. Складьяревская Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складьяревская. – 2-е изд., стереотип. – СПб. : Изд-во филол. ф-та СПбГУ, 2004. – 166 с.
186. Степанов Ю. С. «Слова», «понятия», «вещи». К новому синтезу в науке о культуре / Ю. С. Степанов // Словарь индоевропейских социальных терминов. – М. : Прогресс-Универс, 1995. – С. 5–25.
187. Стернин И. А. Контрастивная лексикография : теория и практика / И. А. Стернин // Языки в современном мире : Материалы IX ежегодной Междунар. конф. Томск, 23–25 мая, 2010 г. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – С. 32–33.
188. Сумцов Н. Ф. Символика славянских обрядов : Избранные труды / Н. Ф. Сумцов. – М. : Изд-я фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 296 с.
189. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1986. – 143 с.
190. Телия В. Н. Семантика идиом в функционально-прагматическом отображении / В. Н. Телия // Фразеогрaфия в машинном фонде русского языка. – М. : 1990. – С. 32–47.
191. Телия В. Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии / В. Н. Телия // Национально-культурный компонент в тексте и языке. Тезисы докладов Межд. науч. конф. В 2 ч. – Минск: Універсітэцкае, 1994. – Ч. 1. – С. 13–15.
192. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 285 с.

193. Телия В. Н. Предисловие / В. Н. Телия // Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий. – М. : АСТ – Пресс книга, 2009. – С. 6–14.

194. Теоретическая основа словаря // Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека) // под. ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 2011. – 1032 с.

195. Теория метафоры: сборник / Н. Д. Арутюнова, М. А. Журина. – М. : Прогресс, 1990. – 512 с.

196. Теория функциональной грамматики: введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. – 6-е изд. – М. : Книжный дом «Либриком», 2011. – 352 с.

197. Тихонов А. Н. Предисловие. Как пользоваться словарем / А. Н. Тихонов // Словообразовательный словарь русского языка. – М. : Рус. яз., 1985. – Т. 1: Словообразовательные гнезда А – П. – С. 3–7.

198. Тихонов А. Н. Роль гнезд однокоренных слов в системной организации русской лексики. Отраженная синонимия. Отраженная омонимия. Отраженная антонимия / А. Н. Тихонов, А. С. Пардаев; под ред. Л. А. Новикова. – Ташкент : Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1989. – 142 с.

199. Тихонов А. Н. Далевский способ гнездования однокоренных слов и русская лексикография / А. Н. Тихонов // В.И. Даль и Общество любителей российской словесности. – СПб. : Златоуст, 2002. – С. 159–172.

200. Токарев Г. В. Лингвокультурология: учеб. пособие / Г. В. Токарев. – Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2009. – 135 с.

201. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – 509 с.

202. Томская диалектологическая школа: Историографический очерк / под ред. О. И. Блиновой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. – 392 с.

203. Топоров В. Н. Еда / В. Н. Топоров // Мифы народов мира: энциклопедия. – М., 1980. – Т. 1. – С. 427–429.

204. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического : избранное / В. Н. Топоров. – М. : Изд-я группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 624 с.

205. Трипольская Т. А. Семантическая структура экспрессивного слова и ее лексикографическое описание (на материале эмоционально-оценочных существительных со значением лица): дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Трипольская. – Новосибирск, 1984. – 226 с.

206. Устинова Н. А. Пищевой код традиционной культуры Среднего Приобья: этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Устинова. – Томск, 2011. – 207 с.

207. Федоров А. И. Семантическая основа образных средств языка / А. И. Федоров. – Новосибирск : Наука, 1969. – 182 с.

208. Фразеология в контексте культуры / под ред. В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 336 с.

209. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / Н. В. Брагинская. – М. : Лабиринт, 1997. – 448 с.

210. Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности и эмоциональности в семантике слова / В. К. Харченко // Русский язык в школе. – 1976. – №3. – С. 66–71.

211. Цоллер В. Н. Соотношение категорий экспрессивности, эмотивности и оценочности в структуре лексического значения / В. Н. Цоллер // Научные ведомости Белорусского государственного университета. – 1998. – № 2. – С. 43–54.

212. Цывин А. М. К вопросу о классификации русских словарей / А. М. Цывин // Вопросы языкознания. – 1978. – №1. – С. 100–108.

213. Черданцева Т. З. Метафора и символ во фразеологических единицах / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 78–92.

214. Черемисина М. И. Экспрессивно-лексический фонд русского языка / М. И. Черемисина // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1977. – Вып. 6. – С 3–24.

215. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
216. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2013. – 176 с.
217. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 208 с.
218. Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1999. – №1. – С. 3–16.
219. Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы / Росс. акад. наук; Отд-е историко-филол. Наук : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 640 с.
220. Шенделева (Юрина) Е. А. Образное слово в словаре (на материале русского литературного языка) / Е. А. Шенделева (Юрина) // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. – Томск, 1998. – С. 106–116.
221. Шенделева (Юрина) Е. А. Полевая организация образной лексики и фразеологии / Е. А. Шенделева (Юрина) // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 74–79.
222. Шенделева (Юрина) Е. А. Категории лексикологии в свете новой лингвистической парадигмы / Е. А. Шенделева (Юрина) // Вестник Кокшетауского университета им. Ш. Ш. Уалиханова. – 2000. – № 1. – С. 178–186.
223. Шерина Е. А. Национально-культурная специфика образной лексики русского языка (на материале собственно образных слов, характеризующих человека): дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Шерина. – Томск, 2010. – 367 с.
224. Шестак Л. А. Русская языковая личность : Коды образной вербализации тезауруса: дис. ... докт. филол. наук / Л. А. Шестак. – Волгоград, 2003. – 514 с.
225. Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография : теория, история, современность: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Л. Л. Шесткова. – М., 2012. – 44 с.

226. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
227. Шмелев Д. Н. Слово и образ / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука : Просвещение, 1964. – 119 с.
228. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. – М. : Аспект Пресс, 2007. – 259 с.
229. Щербин В. К. Вселенная в алфавитном порядке: Словари – вчера сегодня, завтра / В. К. Щербин. – Минск : Нар. света, 1987. – 80 с.
230. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М. : Наука, 1974. – 254 с.
231. Юрина Е. А. Образность как категория лексикологии: дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Юрина. – Томск, 1994. – 249 с.
232. Юрина Е. А. Полевые структуры в образной лексике / Е. А. Юрина // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. – Новосибирск, 1997. – С. 230–232.
233. Юрина Е. А. Лексическая структура ассоциативно-образного семантического поля / Е. А. Юрина // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Культурология. Филология. – 2003. – № 227. – С. 198–204.
234. Юрина Е. А. Комплексное исследование образной лексики русского языка / Е. А. Юрина // Вестник Томского государственного университета : Бюллетень оперативной научной информации. – 2004а. – №32. – 217 с.
235. Юрина Е. А. Структурно-семантические разряды образной лексики: языковая метафора / Е. А. Юрина // Вестник Томского государственного университета: Бюллетень оперативной научной информации. – 2004б. – №32. – С. 74–106.
236. Юрина Е. А. Собственно образное слово как разряд образной лексики / Е. А. Юрина // Вестник Томского государственного университета : Бюллетень оперативной научной информации. – 2004в. – №32. – С. 107–138.

237. Юрина Е. А. Комплексное исследование образной лексики русского языка: дис. ... д-ра филол. наук / Е. А. Юрина. – Томск, 2005а. – 436 с.
238. Юрина Е. А. Образный строй языка / Е. А. Юрина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005б. – 156 с.
239. Юрина Е. А. Лексико-фразеологическое поле кулинарных образов в русском и итальянском языках / Е. А. Юрина // Язык и культура. – 2008. – № 3. – С. 83–93.
240. Юрина Е. А. Миромоделирующий потенциал образных средств языка (на материале лексико-фразеологического поля кулинарных образов в русском и итальянском языках) / Е. А. Юрина // Образы Италии в русской словесности XVIII – XX вв. – Томск, 2009. – С. 271–282.
241. Юрина Е. А. Образный строй языка как лингвокогнитивный феномен и лексико-фразеологические средства его экспликации / Е. А. Юрина // Фразеология, познание и культура. – Белгород, 2010. – Т. 1. Фразеология и познание. – С. 289–294.
242. Юрина Е. А. «Словарь русской кулинарной метафоры»: принципы отбора материала и структура словарной статьи / Е. А. Юрина // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. – 2011. – № 3 (15). – С. 70–78.
243. Юрина Е. А. Мотивационно-образные парадигмы в общеязыковой образной системе (на материале образного поля «Еда») / Е. А. Юрина // Актуальные проблемы современного словообразования. – Кемерово, 2011. – С. 198–205.
244. Юрина Е. А. Мотивологические основы теории лексической образности / Е. А. Юрина // Актуальные проблемы мотивологии в лингвистике XXI в. : по материалам Междунар. науч. конф., посвященной 95-летию томской школы русистики. – Томск, 2012. – С. 129–144.
245. Юрина Е. А. Кулинарные образы в дискурсе и словаре (на материале образной парадигмы «Блин») / Е. А. Юрина // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2012. – №4 (52). – С. 249–253.

246. Юрина Е. А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов / Е. А. Юрина. – Кокшетау, 2013. – 238 с.

247. Юрина Е. А. Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: опыт лексикографической презентации / Е. А. Юрина // Вопросы лексикографии. – 2013. – №1 (3). – С. 63–80.

248. Юрина Е. А. Способы толкования образных цветообозначений, мотивированных наименованиями пищевых продуктов, в «Словаре русской кулинарной метафоры» / А. В. Балдова (Боровкова), Е. А. Юрина // Вопросы лексикографии. – 2014. – 2 (6). – С. 106–121.

249. Юрина Е. А. «Пищевая метафора»: объем и границы понятия / Е. А. Юрина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 3 (63), Т. 1. – С. 207–212.

250. Юрина Е. А. Прецедентные образные слова и выражения в «Словаре русской пищевой метафоры» / А. В. Балдова (Боровкова), Е. А. Юрина // Вопросы лексикографии. – 2015. – №1 (7). – С. 36–51.

251. Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская и др.; отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 912 с.

Приложение А. Корпус словарей фигуративной лексикографии

Фразеологические словари

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеологический словарь: Культурно- познавательное пространство русской идиоматики / Н Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. – М. : Эллис, 2008. – 472 с.
2. Байрамова Л. К. Фразеологический словарь языка В.И. Ленина / Л. К. Байрамова, П. Н. Денисов. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1991. – 350 с.
3. Баранов А. Н. Фразеологический объяснительный словарь русского языка / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Эксмо, 2009. – 704 с.
4. Баранов М. Т. Школьный фразеологический словарь русского языка / М. Т. Баранов. – М. : Просвещение, 1995. – 250 с.
5. Бирих А. К. Русская фразеология: Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – М., 2005. – 926 с.
6. Бирих А. К. Словарь фразеологических синонимов русского языка / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – М. : Аст-Пресс книга, 2009. – 448 с.
7. Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Аст-Пресс Книга, 2006. – 784 с.
8. Быстрова Е. А. Краткий фразеологический словарь русского языка / Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. – 2-е изд. – СПб. : Просвещение, 1994. – 269 с.
9. Быстрова Е. А. Учебный фразеологический словарь русского языка: Пособие для учащихся национальных школ / Е. А. Быстрова, А. П. Окунев, Н. М. Шанский. – Л. : Просвещение, 1984. – 271 с.

10. Быстрова Е. А. Фразеологический словарь русского языка: ок. 1500 фразеологизмов / Е. А. Быстрова, Н. М. Шанский; под ред. Е. А. Быстровой. – М. : АСТ : Хранитель, 2007. – 380 с.

11. Васильев А. И. Словарь фразеологических единиц древнерусского языка / А. И. Васильев. – Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. – 394 с.

12. Васильев А. И. Фразеологический словарь языка В.И. Даля / А. И. Васильев. – Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина, 2016. – 202 с.

13. Васильев А. И. Фразеологический словарь языка И.А. Бунина / А. И. Васильев. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2011. – 391 с.

14. Васильев А. И. Фразеологический словарь языка М.А. Шолохова / А. И. Васильев. – Стерлитамак, 2015. – Т. 1. – 420 с.

15. Волина В. В. Почему мы так говорим: Занимательный фразеологический словарь / В. В. Волина. – М. : АСТ-пресс, 1997. – 348 с.

16. Добровольский Д. О. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка / Д. О. Добровольский, Ю. Н. Караулов. – М. : Редакция АСМ; Помовский и партнеры, 1994. – 116 с.

17. Дубровин М. И. Русские фразеологизмы в картинках / М. И. Дубровин. – М. : Рус. яз., 1977. – 327 с.

18. Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К. Н. Дубровина. – М. : Флинта, 2010. – 808 с.

19. Жуков А. В. Словарь современной русской фразеологии / А. В. Жуков, М. Е. Жукова. – М. : АСТ-Пресс, 2015. – 416 с.

20. Жуков А. В. Современный фразеологический словарь русского языка / А. В. Жуков, М. Е. Жукова. – М. : АСТ-Пресс, 2009. – 443 с.

21. Жуков В. П. Словарь фразеологических синонимов русского языка : ок. 730 синонимических рядов / В. П. Жуков, М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляр; под ред. В. П. Жукова. – М. : Рус. яз., 1987. – 448 с.

22. Жуков В. П. Школьный фразеологический словарь русского языка / В. П. Жуков, А. В. Жуков. – 3-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1994. – 431 с.

23. Зимин В. И. Краткий фразеологический словарь русского языка: Для студентов-иностранцев / В. И. Зимин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 95 с.

24. Калашникова А. Ф. Учебный словарь наиболее употребительных фразеологизмов современного русского языка / А. Ф. Калашникова. – Минск : Высшая школа, 1991. – 207с.

25. Киселев И. А. Фразеологический словарь русского языка / И. А. Киселев. – Минск : Нар. света, 1985. – 128 с.

26. Кобелева И. А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми / И. А. Кобелева. – Сыктывкар, 2004. – 312 с.

27. Козлова Т. В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных / Т. В. Козлова. – М. : Дело и сервис, 2001. – 208 с.

28. Кохтев Н. Н. Русская фразеология : ок. 700 фразеологизмов: Для иностранных учащихся / Н. Н. Кохтев, Д. Э. Розенталь. – 2-е изд. – М. : Рус. яз., 1990. – 303 с.

29. Кочедыков Л. Г. Краткий словарь иноязычных фразеологизмов / Л. Г. Кочедыков. – М. : Русские словари; Астрель, 2000. – 240 с.

30. Кузьмич В. Жгучий глагол : Словарь народной фразеологии / В. К. Белко. – М. : Зеленый век, 2000. – 288 с.

31. Ломов А. Г. Фразеологический словарь драматургии А.Н. Островского / А. Н. Тихонов. – Ташкент : Укитувчи, 1988. – Вып. 1. – 326 с.

32. Мелерович А. М. Фразеологизмы в русской речи / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М. : Русские словари, 1997. – 864 с.

33. Мокиенко В. М. Давайте говорить правильно! Трудности современной русской фразеологии: Краткий словарь-справочник / В. М. Мокиенко. – СПб : Изд-во филол. ф-та СПбГУ, 2004. – 288 с.

34. Мокиенко В. М. Словарь фразеологических синонимов русского языка / В. М. Мокиенко. – Ростов н/Дон : Феникс, 1997. – 349 с.

35. Овсянников В. З. Литературная речь: Толковый словарь современной общелитературной фразеологии. Употребительнейшие иностранные и русские

отвлеченные термины, образные слова и иносказания с указанием их происхождения и примерами фразеологического употребления / В. З. Овсянников. – М. : ОГИЗ, 1933. – 359 с.

36. Палевская М. Ф. Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII в. / М. Ф. Палевская. – Кишинев: Штиинца, 1980. – 336 с.

37. Пащенко В. А. Материалы к словарю фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Читинской области / В. А. Пащенко. – Чита, 1999. – Ч. 1–2. – 168 с.

38. Прокошева К. Н. Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья / К. Н. Прокошева. – Пермь : Перм. пед ин-т, 1972. – 114с.

39. Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров / К. Н. Прокошева. – Пермь, 2002. – 431 с.

40. Рогалёва Е. И. Ума палата: детский фразеологический словарь / Е. И. Рогалева, Т. Г. Никитина. – М : Изд-й дом Мещерякова, 2014. – 192 с.

41. Рогалёва Е. И. Фразеологизмы в нашей речи. Учебный словарь с комментариями на английском языке / Е. И. Рогалева, Т. Г. Никитина, М. В. Варламова. – Псков : Логос, 2014. – 176 с.

42. Рогалёва Е. И. Фразеологизмы в нашей речи. Учебный словарь с комментариями на французском языке / Е. И. Рогалева, Т. Г. Никитина, Т. Желибтер, М.-П. Пёшо. – Псков : Логос, 2015. – 200 с.

43. Рогалёва Е. И. Фразеологизмы в нашей речи. Учебный словарь с комментариями на эстонском языке / Е. И. Рогалева, Т. Г. Никитина, У. Ая. – Псков : Логос Плюс, 2013. – 178 с.

44. Рогалева Е. И. Фразеологический словарь. Занимательные этимологические истории для детей / Е. И. Рогалева, Т. Г. Никитина. – М. : Вако, 2013. – 96 с.

45. Русские фразеологизмы: лингвострановедческий словарь / под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. – М. : Рус. яз., 1990. – 222 с.

46. Семенкова Р. В. Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия / Р. В. Семенкова. – Саранск, 2007. – 330 с.
47. Словарь образных выражений русского языка / Т. С. Аристова, М. Л. Ковшова, Е. А. Рысева и др.; под ред. В. Н. Телия. – М. : Отечество, 1995. – 366 с.
48. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири / Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров; под ред. Ф. П. Филина. – Новосибирск : Наука, 1972. – 207 с.
49. Словарь фразеологических омонимов современного русского языка / под ред. Н. А. Павловой. – М. : Флинта, 2010. – 304 с.
50. Соловьева А. Д. Словарь фразеологизмов в произведениях В.М. Шукшина // Творчество В.М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. – Барнаул, 2004. – Т. 1. – С. 207–331.
51. Толковый словарь современных разговорных фразеологизмов и присловий / В. П. Белянин, И. А. Бутенко. – М., 1993. – 73 с.
52. Универсальный фразеологический словарь русского языка / под ред. Т. Волковой. – М. : Вече, 2000. – 464 с.
53. Фелицына В. П. Русские фразеологизмы / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко. – М. : Эксмо-Пресс, 1999. – 400 с.
54. Фелицына В. П. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко. – М. : Рус. яз., 1990. – 222 с.
55. Фелицына В. П. Фразеологический словарь для школьников / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко. – СПб.: Норинт, 2005. – 512 с.
56. Фразеологизмы в русской речи: Словарь-справочник / Н. В. Баско. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 272 с.
57. Фразеологический словарь русских говоров Прибайкалья / науч. ред. Н. Г. Баканова. – Иркутск, 2006.
58. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск : Наука, 1983. – 232 с.

59. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. : более 12 000 фразеологических единиц / сост. А. И. Федоров. – М. : Цитадель, 1997.

60. Фразеологический словарь русского языка для школьников. – М. : Славян. дом книги, 1997. – 450 с.

61. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / Л. А. Воинова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1986. – 543 с.

62. Фразеологический словарь современного русского литературного языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова; под ред. А. Н. Тихонова. – М. : Флинта: Наука, 2004

63. Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 единиц / отв. ред. С. Г. Шулежкова. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 424 с.

64. Фразеологический словарь. – Сер. Энциклопедия русского языка. – М. : Мир книги, 2003. – 384 с.

65. Шанский Н. М. Опыт этимологического словаря русской фразеологии / Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов. – М. : Рус. яз., 1987. – 240 с.

66. Шанский Н. М. Фразеологические обороты русского языка / Н. М. Шанский, Е. А. Быстрова, В. И. Зимин. – М. : Рус. яз., 1988. – 268 с.

67. Шанский Н. М. Школьный фразеологический словарь русского языка: Значение и происхождение словосочетаний / Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов. – 2-е изд. – М. : Дрофа; Рус. яз., 1997. – 368 с.

68. Яранцев Р. И. Русская фразеология: Словарь-справочник : ок. 1500 фразеологизмов / Р. И. Яранцев. – М. : Рус. яз., 1997. – 845 с.

Словари крылатых слов

69. Ашукин Н. С. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – М. : Худож. лит., 1988. – 766 с.

70. Берков В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – М. : Русские словари; Астрель; АСТ, 2000. – 624 с.

71. Бирюков В. П. Крылатые слова на Урале / В. П. Бирюков. – Свердловск, 1960. – 117 с.

72. Буй В. Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражений) / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский; под ред. Д. О. Добровольского. – М. : Помовский и партнеры, 1995. – 309 с.

73. Галынский М. С. Самый полный словарь крылатых слов и выражений. Происхождение, толкование, применение / М. С. Галынский. – М. : Рипол классик, 2009. – 512 с.

74. Грушко Е. А. Современные крылатые слова и выражения / Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. – М. : Рольф, 2000. – 544 с.

75. Елистратов В. С. Словарь крылатых слов (русский кинематограф) : ок. тысячи единиц / В. С. Елистратов. – М. : Русские словари, 1999. – 181 с.

76. Займовский С. Г. Крылатое слово: Справочник цитаты и афоризма / С. Г. Займовский. – М.; Л. : Госиздат, 1930. – 493 с.

77. Кожевников А. Ю. Большой словарь: Крылатые фразы отечественного кино / А. Ю. Кожевникова. – СПб. : Нева; М. : ОЛМА-Пресс, 2001. – 831 с.

78. Костомаров В. Г. Читая и почитая Грибоедова: Крылатые слова и выражения / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. – М. : Рус. яз., 1998. – 79 с.

79. Максимов С. Б. Крылатые слова / С. Б. Максимов. – М. : Гослитиздат, 1955. – 447 с.

80. Мокиенко В. М. Большой словарь крылатых выражений А.С. Грибоедова. Горе от ума / В. М. Мокиенко, О. П. Семенец, К. П. Сидоренко. – М. : Олма Медиа Групп, 2009. – 800 с.

81. Мокиенко В. М. Давайте говорить правильно! Крылатые слова в современном русском языке / В. М. Мокиенко, Е. И. Зыкова. – М. : Изд-во филол. ф-та СПбГУ, Академия, 2006. – 352 с.

82. Мокиенко В. М. Словарь крылатых выражений А.С. Пушкина / В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. – СПб.: Изд-во СПбГУ Фолио-Пресс, 1999. – 752 с.

83. Мокиенко В. М. Школьный словарь крылатых выражений А.С. Пушкина / В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. – СПб., 2005. – 800 с.

84. Позин В. Ф. Крылатые слова из Ветхого и Нового Завета: Словарь-справочник / В. Ф. Позин, А. В. Позин. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1998. – 136 с.

85. Прозоров В. В. Словарь крылатых слов и выражений комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» / В. В. Прозоров. – Саратов, 1996.

86. Шулежкова С. Г. Крылатые выражения из области искусства: Материалы к словарю / С. Г. Шулежкова. – Челябинск: Изд-во ЧГПИ «Факел», 1994. – Вып. 4. – 162 с.

87. Шулежкова С. Г. Крылатые выражения из песен 2-й половины 1940-х – начала 1990-х гг.: Материалы к словарю «Крылатые выражения из области искусства» / С. Г. Шулежкова. – Челябинск : Изд-во ЧГПИ «Факел», 1994. – Вып. 3. – 132 с.

88. Шулежкова С. Г. Песенные крылатые выражения (XVIII – середина 40-х гг. XX в.): Материалы к словарю «Крылатые выражения из области искусства» / С. Г. Шулежкова. – Магнитогорск, 1993. – Вып. 2. – 155 с.

89. Шулежкова С. Г. Романсные и оперные крылатые выражения : Материалы к словарю «Крылатые выражения из области искусства» / С. Г. Шулежкова. – Магнитогорск, 1993. – Вып. 1. – 193 с.

Словари пословиц и поговорок

90. Ая У. Пословицы в русской речи. Учебный словарь с комментариями на эстонском языке / У. Ая, Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва. – Псков : Логос, 2012. – 123 с.

91. Вальтер Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб., 2005. – 576 с.
92. Даль В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М.: Олма-Пресс, 1997. – 614 с.
93. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М. : Рус. яз., 2000. – 544 с.
94. Зимин В. И. Пословицы и поговорки русского языка: Большой объяснительный словарь / В. И. Зимин, А. С. Спирин. – Ростов н/Д.; М. : Феникс : Цитадель-трейд, 2006. – 544 с.
95. Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений / В. И. Зимин. – М.: АСТ-Пресс, 2008. – 729 с.
96. Мокиенко В. М. Большой словарь русских пословиц: ок. 70 000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева; под ред. В. М. Мокиенко. – М. : Олма Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
97. Мокиенко В. М. Школьный словарь живых русских пословиц / В. М. Мокиенко, Е. И. Селиверстова, Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнульдинов. – СПб.: Олма-Пресс, Нева, 2002. – 352 с.
98. Мокиенко В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : Олма Медиа Групп, 2008. – 784 с.
99. Мокиенко В. М. Словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнульдинов. – М. : АСТ, Астрель, 2007. – 384 с.
100. Русские пословицы и поговорки: учебн. словарь / В. И. Зимин, С. Д. Ашурова, З. И. Шаталова. – М., 1994. – 320 с.
101. Словарь псковских пословиц и поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; под ред. Л. А. Ивашко. – СПб., 2001. – 176 с.
102. Фелицына В. П. Русские пословицы, поговорки, крылатые выражения; Лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, Ю. Е. Прохоров; под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. – М. : Рус. яз., 1970. – 240 с.

Словари устойчивых образных сравнений

103. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка : Краткий тематический словарь / Л. А. Лебедева. – Краснодар, 2003. – 300 с.

104. Мокиенко В. М. Большой словарь русских народных сравнений: Более 45 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; под ред. В. М. Мокиенко. – М. : Олма Медиа Групп, 2008. – 800 с.

105. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения русского языка: Иллюстрированный словарь для говорящих на английском языке / В. М. Огольцев. – М. : Рус. яз., 1984. – 176 с.

106. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический) / В. М. Огольцев. – М. : Русские словари : Астрель : АСТ, 2001. – 800 с.

107. Словарь устойчивых сравнений русского языка / Л. А. Лебедева. – Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 1994. – 161 с.

Словарь перифраз

108. Новиков А. Б. Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики) / А. Б. Новиков. – М. : Рус. яз., 1999. – 224 с.

Словари метафор

109. Баранов А. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М. : Ин-т. рус. яз. АН СССР, 1991. – 192 с.

110. Баранов А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М. : Помовский и партнеры, 1994. – 330 с.

111. Туралина Н. А. Метафора В. Маяковского: Словарь. Таблицы. Комментарий / Н. А. Туралина. – Белгород, 1997. – 191 с.

112. Туранина Н. А. Метафора С. Есенина: Словарь. Таблицы. Комментарий / Н. А. Туранина. – Белгород, 1998.

Словари образных слов

113. Алексеенко М. А. Словарь отфразеологической лексики современного русского языка / М. А. Алексеенко, Т. П. Белоусова, О. И. Литвинникова. – М. : Азбуковник, 2003. – 400 с.

114. Блинова О. И. Словарь образных слов русского языка / О. И. Блинова, Е. А. Юрина. – Томск : UFO-Plus, 2007. – 364 с.

Словари, описывающие образную лексику и фразеологию в их единстве

115. Гудков Д. Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 288 с.

116. Жуков А. В. Лексико-фразеологический словарь русского языка / А. В. Жуков. – М.: Астрель; АСТ, 2003. – 607 с.

117. Иванова Н. Н. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.): Более 4500 образных слов и выражений / Н. Н. Иванова, О. Е. Иванова. – М. : АСТ : Астрель : Русские словари: Транзиткнига, 2004. – 666 с.

118. Кожевникова Н. А. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв. / Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова; под ред. М. Л. Гаспарова, В. П. Григорьева. – М., 2000. – Вып. 1: Птицы. – 476 с.

119. Кожевникова Н. А. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв. / Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова; отв. ред. Л. Л. Шестакова. – М., 2010. – Вып. 2: Звери, насекомые, рыбы, змеи. – 511 с.

120. Кожевникова Н. А. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв. / Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова; отв. ред. Л. Л. Шестакова. – М., 2015. – Вып. 3: Растения. – 466 с.

121. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / под ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2010.

122. Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. / М. И. Михельсон. – М. : Изд-й центр «Терра», 1997. – Т. 1. – 779 с.

123. Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. / М. И. Михельсон. – М. : Изд-й центр «Терра», 1997. – Т. 2. – 580 с.

124. Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова: Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний) / М. И. Михельсон. – М. : Изд-й центр «Терра», 1997. – 598 с.

125. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: в 2-х т. / Н. В. Павлович. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. –Т. 1. – 848 с.

126. Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов / под ред. Е. А. Юриной / А. В. Боровкова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Н. В. Захарова, Н. С. Зинченко. – Кокшетау: Изд-во Кокшетауского ун-та им. Ш. Уалиханова, 2014. – 196 с.

127. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко и др. – М. : Гнозис, 2004. – Вып. 1. – 318 с.

128. Словарь образных единиц сибирского говора / О. И. Блинова, М. А. Толстова, Е. А. Юрина; под ред. О. И. Блиновой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. – 220с.

129. Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О. И. Блиновой. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2001. – 312 с.

130. Словарь русской пищевой метафоры / А. В. Балдова (Боровкова), М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина; под ред. Е. А. Юриной. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. – Т. 1: Блюда и продукты питания. – 428 с.

131. Словарь русской пищевой метафоры / сост. А. В. Боровкова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина; под ред. Е. А. Юриной. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. – Т. 2: Гастрономическая деятельность. – 556 с.

Приложение Б. Фрагмент четвертого тома
 «Словаря русской пищевой метафоры»
 «Мир в зеркале пищевой метафоры. Идеографический словарь»

Раздел II. Социум

2.3 Культура

Произведения искусства через структуру и консистенцию продукта / блюда

ВРОДЕ БУТЕРБРОДА. Авт. сравн. О речевом произведении, состоящем из нескольких разнородных смысловых частей. *Экспр.* – Доклад на съезде тоже был как бы слоеным, *вроде бутерброда на все вкусы* (А. Яковлев. Омут памяти).

КИСЕЛЬ. ЯМ. Разг. Отсутствие ясности, четкости, логической последовательности (о речевых и художественных произведениях). *Неодобр.* – В содержании фильма должно быть содержание, а не *кисель* (Н. Шлиппенбах. ...И явил нам Довлатов Петра).

КОКТЕЙЛЬ. ЯМ. Разг. Нелогичное соединение разнородных, часто противоположных принципов, взглядов, теорий, худ. элементов. *Экспр.* – А если учесть, что во время учебы в вузе эти студенты еще и сериалы иногда посматривают по телевизору, то легко предположить, какой *коктейль* из мифов и глупостей гнездится в их головах (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают).

КОМПОТ. ЯМ. Разг. Нелогичное соединение разнородных, часто противоположных принципов, взглядов, теорий, худ. элементов. *Экспр.* – Однажды заместитель главного редактора журнала, Рада Никитична Аджубей дала мне задание: отправиться в Комитет по науке и технике при Совете министров СССР и подготовить, как тогда называлось, «*компот*» – нарезку из небольших информационных материалов, – демонстрирующей экономические связи СССР с развитыми западными странами (С. Лопатников. Продолжение следует...).

МАННАЯ КАША. В сравн. Высказывание, произведение, лишённое четкой идеологической позиции, выраженного авторского мнения. *Экспр.* /

Неодобр. – Пьеса по тем временам производила сильное впечатление: хорошие роли, отлично закрученный сюжет – и вполне при том наша, советская. Но **не манная каша**, как «Походный марш» или «Орленок»... (М. Козаков. Актерская книга).

ОГРЫЗОК. ЯМ. Фрагмент художественного произведения, не подчиненный общей логике. *Экспр. / Неодобр.* – Было непонятно, зачем CINEWS INC нужны услуги такого сценариста, как он, если людям ничего не стоит превратить любой словесный **огрызок** в развернутую мысль какой угодно звучности и глубины (В. Пелевин. S.N.U.F.F.).

ОКРОШКА. ЯМ. Разг. Нелогичное соединение разнородных, часто противоположных принципов, взглядов, теорий, худ. элементов. *Экспр. / Неодобр.* – Потом, в разное время, я слышала эти знакомые мелодии. Все они были из разных эпох, разных стилей – **окрошка** (Л. Гурченко. Аплодисменты).

РАЗМАЗНЯ. ЯМ. Высказывание, произведение, лишённое четкой идеологической позиции, выраженного авторского мнения. *Экспр. / Неодобр.* – Некоторые считают, что в альманахе нет ничего антисоветского. Я против такой **размазни**. Если литератор пишет, что человек – скотина и сволочь, это глубокая антисоветчина (В. Аксенов. Тайнственная страсть).

СБОРНАЯ СОЛЯНКА. ФЕ. Разг. О чём-л. разнородном, не отличающемся единством стиля. *Экспр. / Неодобр.* – Ему не хотелось слушать эту бодягу, которая, – он знал, – если не сплошное вранье, то уж надерганная из разных чужих историй или даже книжек – **сборная солянка**, но перебивать человека перед окончательной разлукой было невежливо (В. Корнилов. Демобилизация).

СОК. ЯМ. Основа, суть, содержание речевого произведения. *Экспр.* – «Я выжал бы **сок** из моего представления, из моей концепции», – то есть форма ему представляется **выжимкой**, а не оболочкой (В.П. Зинченко. Тайнство творческого озарения).

СОЧНО. ЯМ. Ярко, насыщенно. *Экспр. / Одобр.* – Давно так не радовали современные художники. Так **сочно**, мощно. Нормальный такой реализм, какой и

должен быть, на мой взгляд, в живописи, а не гипертупая фотографичность (коллективный. «Разрешите представить: гениальный художник Ирик Мусин и его бесконечно искренние работы»).

СОЧНЫЙ. ЯМ. Выразительный, эмоциональный, имеющий оригинальную форму и глубокое содержание (о речевых произведениях). *Экспр. / Одобр.* – В «Изверге», напротив, властвует стихия издевательского гротеска, хотя и тут есть различные его подвиды: монументальный император с традиционным для памятника голубем, то и дело оставляющем следы своего пребывания на царственной фигуре, – и **сочный** быт заключительной сцены на одесском Привозе, более мягкая ирония свидания сестер Гончаровых и буйная история с офицерами (Драматургические игры режиссера Игоря Ливитина // Театральная жизнь).

Манера и стиль речевого произведения через вкус продукта / блюда

ВАНИЛЬНЫЙ. ЯМ. *Разг.* Излишне утонченный, сентиментальный (о речевых произведениях). *Ирон. / Неодобр.* – Здесь был сопливый и **ванильный** статус. Который сдох от ужаса и стыда после того, как сам себя прочитал (Коллективный).

КАРАМЕЛЬНЫЙ. ЯМ. *Разг.* Излишне трогательный, вызывающий умиление (о произведениях искусства). *Ирон. / Неодобр.* – Всю эту несуразно величественную залу вкупе с расписанным тем же **карамельным** декором наземным зданием выстроил некто архитектор Поляков (А. Митрофанов. «Арбатская-хорошая» и «Арбатская-плохая»). Сплошь инструментальная, очень французская музыка, сыгранная на игрушечном пианино, на гармонике, скрипочке, расческе; меланхоличные, хрупкие, мятные пьески, идеальное сопровождение к прогулкам девушки Амели по **карамельному** Парижу; лакричное скерцо, клубничный менуэт, зеленой вальс (А. Мунипов. Французский для начинающих).

КЛУБНИЧКА. ЯМ. Содержание эротического характера, связанное с удовлетворением полового чувства. *Экспр. / Неодобр. / Ирон.* – Покупая его, ИМ

согласилась на то, что вместо премиальной аудитории она получает тех, кто ищет объявления, желтые новости и любителей **клубнички** (Н. Иванов. Хорошо забытое старое). Люди проводят многие часы, дни, месяцы, годы в Инете, болтая о разных пустяках в чатах и по ICQ, ползая по сайтам с «клубничкой», перекидываясь сплетнями по электронной почте (Предложение заработать).

КАК ПЕРЕЦ. В сравн. О метком, остроумном, разоблачающем замечании, речевом произведении. *Экспр.* – *А был, помню, острый как перец, отзыв «Свободного англичанина»; Екатерина, говорят, сим отзывом, да и многими подобными была зело задета* (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев).

ПЕРЧИНКА. ЯМ. Пикантная деталь, возбуждающая интерес своей необычностью, сенсационностью и т. п. *Экспр.* – *Рита брала интервью у известных людей, делала репортажи из жизни столицы – тоже острые, с перчинкой* (Т. Тронина. Никогда не говори «навсегда»). Тяготеющие к выбору эпатажных, маскультовых героев и обсуждению провокационных тем, они тем не менее удачно вписываются в общий контекст канала, добавляя необходимую **перчинку** и тем самым лишая его эстетической стерильности (Культрассвет уже всё заметнее. Телнеделя с Ириной Петровской).

С ПЕРЧИКОМ / ПЕРЧИНКОЙ. ФЕ. С юмором, иронией, насмешливыми шутками, остроумными замечаниями, провокацией, эпатажем. *Экспр.* – *Нет, и слушал с жадностью, и сам был рад поведать что-нибудь этакое, позабористее, с перчиком* (Б. Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт).

ПОДАВАТЬ(СЯ) ПОД СОУСОМ. ФЕ. Высказываться в определенной манере, с определенной эмоциональной окраской. *Экспр.* – *Две сестры, обе такие разные и откровенно не любящие друг друга, вконец утомили Стаса своими взаимными глупыми колкостями, подаваемыми под соусом улыбок и ужимок* (Н. Леонов, А. Макеев. Эхо дефолта).

КАК САХАР. В сравн. О приятных мыслях, мечтаниях, словах. *Экспр.* – *Ингуши качали головой, словно слушать было им впервой сладкую, как сахар, похвалу («Жизнь национальностей»)*.

СИРОПНЫЙ. ЯМ. Разг. Излишне трогательный, вызывающий умиление (о произведениях искусства). *Ирон.* – Я тут на правах счастливой сказки, эдакой **сиропной** мыльной оперы (Т. Соломатина. Мой одесский язык). И вправду, картину почти принудительного сотрудничества (Блок отказывался, Андреева заставляла) столько раз подчищали, лакировали, населяли подтасовками, а в конце концов так извратили, что она превратилась в **сиропную** легенду, к которой добавил свой штришок и лично Р., готовя юбилейное представление через шестьдесят лет после блоковской попытки: все, мол, хорошо, что хорошо кончается (В. Рецептер. «Эта жизнь неисправима...»).

СОЛЁНЫЙ. ЯМ. Разг. Пошлый, вульгарный (о шутках, анекдотах, рассказах). *Неодобр.* – Конечно, дело не в том, что мои собеседники соблюдали деликатность, приличествующую месту их работы, – при случае и тот, и другой позволяли себе и **соленые** шутки, и вполне университетские выражения (Е. Чиждова. Лавра).

СОЛЬ. ЯМ. То, что придает речи ироничный, насмешливый тон; шутки, остроумные замечания. *Экспр.* – Вот с этим плохо, они перевели всю **соль** шуток Старка только для трейлера, и голос в дубляже у него другой... (коллективный. Форум: Железный Человек, Iron Man).

СОУС. ЯМ. Манера, эмоциональная окраска, стиль речи, в которых преподносится какая-л. информация. *Экспр.* – В тех **форменных** элементах, что на голом «хере серебристом» под **соусом** энтузиазма устраивают книжную ярмарку «Зелёная волна» (Т. Соломатина. Мой одесский язык). Политика под **сексуальным соусом** или секс, приправленный политикой. Национальное, так сказать, блюдо (А. Браво. Комендантский час для ласточек).

УКСУСНЫЙ. ЯМ. Грубый, неприличный (о словах, выражениях). *Экспр. Неодобр.* – И тут надо спокойно и бесстрастно помогать ему – методично замещая «**уксусную**» лексику общепринятой, нормативной (Н. Сергеева. Любовью и волей рожденное слово).

**Субъект творческой деятельности через
субъекта гастрономической деятельности**

ГУРМАН. ЯМ. Ценитель искусства; поклонник всего изящного, красивого. *Экспр.* – *Я наблюдаю патетическую сценку с истинным удовольствием театрального гурмана* (Д. Рубина. Медная шкатулка).

ПОВАР. ЯМ. Человек, создающий произведения искусства. *Одобр. / Неодобр.* – *Много ли надо соли на целую кастрюлю супа? Всего щепотку. А в иных пьесах чувствуется целая горсть. Плохой повар! Я коснулся только основ, вернее даже – предпосылок к написанию пьесы, но без этих, на мой взгляд, твердых опор говорить о чем-либо ином преждевременно* (В. Розов. Удивление перед жизнью).